

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Юридический факультет
Пермский конгресс ученых-юристов
Третьи Пермские чтения по цивилистической методологии

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник научных статей

Ответственные редакторы
А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова

УДК 001.8:347.1
ББК 67.404.0-0
М 545

М 545 Методологические проблемы цивилистических исследований:
Сборник научных статей / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов,
О.А. Кузнецова. — М.: Статут, 2016. — 192 с.

ISBN 978-5-8354-1215-0 (в пер.)

В сборнике публикуются статьи докторов юридических наук — участников Всероссийского круглого стола «Третьи пермские чтения по методологическим проблемам цивилистических исследований», проведенного юридическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, 29–30 мая 2015 г.).

Рассматриваются актуальные вопросы гражданско-правовой методологии, а также методов научного познания в цивилистике. Основная цель авторского коллектива сборника — внесение посильного вклада в развитие цивилистического науковедения. Издание также может оказать содействие начинающим исследователям частноправовых проблем в применении методологического инструментария.

Для научных работников, студентов магистратуры и аспирантуры, а также докторантов учебных заведений юридического профиля.

УДК 001.8:347.1
ББК 67.404.0-0

ISBN 978-5-8354-1215-0

© Коллектив авторов, 2015
© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, редподготовка, 2015
© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2016

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРОВ

Современная наука немыслима без методологических рамок, успех научного творчества напрямую зависит от способов познания, которые использует исследователь. Методология науки не ограничивается только методами исследования и принципами их выбора, она изучает механизмы обнаружения проблемной ситуации, условия постановки научных проблем, формулирование объекта, предмета, цели исследования, логику исследовательского процесса. В связи с этим науковедение становится самостоятельным направлением и обязательным условием развития самой науки. Методология научного познания, являясь ранее предметом исключительно философии, получила заслуженное признание и достойное внимание со стороны представителей конкретных наук.

В правовых науках глубокие методологические разработки принадлежат прежде всего специалистам в области теории государства и права¹, но и отраслевые юридические науки все чаще обращаются к собственной методологической проблематике. Не стала исключением и цивилистика.

Однако количество фундаментальных исследований методологических проблем науки гражданского права, к сожалению, весьма ограничено². Ученые-цивилисты редко, с большой осторожностью обращаются к методологическим аспектам своей темы, а зачастую просто игнорируют их в рамках проводимых научных работ. Вместе с тем предмет любого исследования всегда предопределяется и со-

¹ См.: *Васильев А.М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.; *Казамирчук В.П.* Право и методы его изучения. М.: Юрид. лит., 1965. 204 с.; *Керимов Д.А.* Методология права. Предмет, функции проблемы философии и права. М.: Изд-во СГА, 2003. 521 с.; *Сырых В.М.* История и методология юридической науки. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 464 с.; *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. 264 с.

² См.: *Аскназий С.И.* Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М.: Статут, 2008. 859 с.; *Варул П.А.* Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. Таллин: Ээсти раамат, 1986; *Белов В.А.* Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // *Гражданское право: Актуальные проблемы теории и практики* / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 124–160.

проводяется избранной системой методологических координат — приемов, способов и средств его познания. Низкая методологическая оснащенность самым негативным образом сказывается на качестве проводимых научных исследований и их результатах.

Усиление методологических основ — одна из важнейших задач современной российской гражданско-правовой науки, к решению которой должны быть привлечены все ученые-цивилисты. Проблемой повышения методологической грамотности озабочены научные руководители магистрантов и аспирантов, научные консультанты докторантов, члены диссертационных советов, члены экспертного совета по праву Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ. Не должны остаться в стороне от обсуждения этих вопросов и крупнейшие научные и образовательные центры.

Пермский государственный национальный исследовательский университет является учредителем и организатором Пермского конгресса ученых-юристов, в рамках которого уже третий год проводятся Пермские чтения по методологическим проблемам цивилистических исследований, ставящие своей целью содействие развитию гражданско-правовой методологии, разрешению отдельных методологических проблем цивилистической науки, овладению молодыми учеными-цивилистами методологическими навыками.

Пермские чтения по методологическим проблемам цивилистических исследований посвящены памяти доктора юридических наук, профессора М.Ю. Чельшева, инициировавшего проведение такого научного мероприятия именно на пермской земле, а также внесшему большой вклад в развитие российской цивилистической методологии, особенно в части разработки межотраслевого метода гражданско-правовых исследований¹.

Научные результаты Первых и Вторых чтений, проведенных соответственно в 2013 и 2014 гг., были опубликованы в журнале «Вестник Пермского университета. Юридические науки» (2013. № 4; 2014. № 4 — <http://www.jurvestnik.psu.ru>).

С 2015 г. соучредителем Пермского конгресса ученых-юристов и партнером Пермских чтений по методологическим проблемам ци-

¹ См.: Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008; Он же. Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. 160 с.; Он же. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. 501 с.

вилистических исследований является издательство «Статут». Научные сообщения докторантов, принявших участие в данных чтениях, как и прежде, публикуются в журнале «Вестник Пермского университета. Юридические науки» (2015. № 3), а научные статьи участников — докторов юридических наук — по итогам состоявшихся в 2015 г. Третьих Пермских чтений по методологическим проблемам цивилистических исследований благодаря сотрудничеству с издательством «Статут» увидели свет в виде отдельного издания, которое мы предлагаем вниманию читателей.

Ответственные редакторы:

доктор юридических наук, доцент
доктор юридических наук, профессор
доктор юридических наук, профессор

А.В. Габов
В.Г. Голубцов
О.А. Кузнецова

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С УЧЕТОМ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

А.В. Барков

Доктор юридических наук, профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Московская академия экономики и права
117105, Москва, Варшавское шоссе, 23
E-mail: kgoiva@mail.ru

Введение: в настоящей статье обосновывается необходимость выбора тематики цивилистического исследования с учетом необратимых интеграционных процессов, общемировых тенденций развития общества, одной из которых является социализация экономики и права. **Цель:** сформировать целостное научное представление о наиболее актуальных направлениях цивилистических исследований с учетом тенденции социализации экономики и права. **Результаты:** раскрывается понятие социализации как очередного этапа в развитии рыночной экономики, соответствующего постиндустриальному обществу. Выявляются признаки, цели и задачи социализации экономики. На основе анализа научной литературы дается авторское определение социализации права, под которым следует понимать нацеленность правового инструментария на обеспечение социальной защищенности граждан и их объединений. Выявляются закономерности и тенденции влияния социализации экономики и права на законодательство о социальной экономике и социальном предпринимательстве. Отмечается, что в законодательстве ряда зарубежных стран под социальным предпринимательством понимается предпринимательская деятельность, нацеленная не на извлечение прибыли, а на смягчение или решение социальных проблем. Обращается внимание на то, что социализация экономики и права влияет и на появление разных моделей социальных предприятий, изучению особенностей правового положения которых также могут быть посвящены кандидатские и магистерские диссертационные исследования. Различие разнообразных моделей социальных предприятий как организационно-правовых форм юридических лиц наиболее ярко проявляется при сравнении итальянской и британской моделей. **Выводы:**

тенденция социализации экономики и права в настоящее время способна наиболее четко проявиться в полиотраслевых исследованиях комплексных правовых образований. Достаточно перспективными видятся исследования, опирающиеся на творческое развитие методологии, предложенной М.Ю. Чельшиным и А.Г. Быковым. Одним из актуальных направлений цивилистических исследований в сфере предпринимательского права, учитывающих общемировую тенденцию социализации, представляется направление исследования социального предпринимательства с учетом опыта стран развитых правовых порядков, которое обладает высокой научной и теоретической значимостью.

Ключевые слова: актуальность проблематики цивилистических исследований; полиотраслевые исследования; социализация экономики и права.

Введение

Для того, чтобы диссертационное цивилистическое исследование соответствовало критериям научно-квалификационной работы содержащимся в п. 23 и 24 Постановления Правительства РФ «О порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842 [14] (актуальности, научной и (или) практической ценности), выбор тематики цивилистического исследования, т.е. проблемы, которую соискателю (докторанту, аспиранту, магистранту) предстоит решить в ходе научной работы [2; 12], должен происходить с учетом глобальных изменений и необратимых интеграционных процессов, отражающихся практически во всех сферах жизни общества. Право как социальный институт, призванный регулировать изменяющиеся общественные отношения, стремясь соответствовать существующим реалиям, также развивается и изменяется, поэтому и выбор проблематики цивилистических исследований должен строиться с учетом общемировых тенденций развития общества, одной из которых является социализация экономики и права.

Основной контент

В научной литературе отмечается, что социализация является очередным этапом в развитии рыночной экономики, соответствующим постиндустриальному обществу, свойственным в первую очередь экономически развитым странам и характеризующимся: социальной пе-

реориентацией производства; гуманизацией жизни людей и их труда; уменьшением социальной дифференциации; дальнейшим развитием социальной сферы [13]. Характерными признаками социализации являются: общий рост доходов населения, рост национального благосостояния. Если в рыночной экономике общественные процессы подчинены экономическому действию, его целям и задачам (максимизация прибыли, минимизация издержек, максимизация получения благ), то социализация рыночной экономики основывается на подчинении экономических процессов интересам общества, удовлетворению имущественных потребностей [13]. В трудах ученых, разрабатывавших теорию социальной экономики, социализация — синоним отрицания прибыли в качестве главной цели деятельности [10; 11].

Формирование социальной экономики опосредуется и обеспечивается правом, основная тенденция развития которого проявляется в социализации законодательства. Поддерживая эту тенденцию, Э.В. Талапина считает: «То, что в частном праве становится все больше императивных норм, — результат социализации права» [17]. Д.Е. Богданов полагает: «Именно императивные установления государства являются правовыми средствами социализации» [4]. Е.В. Богданов отмечает то, что «социализация законодательства осуществляется посредством публичных норм гражданского законодательства, т.е. посредством его публикации. Однако публикация ограничивается установлением публичных начал, в то время как социализация означает направленность законодательства на улучшение социально-экономического положения граждан России» [5, с. 110]. Таким образом, под социализацией права следует понимать нацеленность правового инструментария на обеспечение социальной защищенности граждан и их объединений.

Думается, что теоретической основой для появления дефиниции «социализация права» послужили теории «социальной солидарности», «солидаризма» в праве французских ученых Огюста Конта, Эмиля Дюркгейма и Леона Дюги, ставшие впоследствии основой социальной политики не только Франции, но и различных стран мира, взявших ориентир на построение социального и правового государства. В развитие идеи солидаризма формулируется представление Л. Дюги о праве собственности. Особую известность приобрела его идея о том, что собственность представляет собой социальную функцию [9, с. 82]. По его мнению, собственность — не право, а социальная обязанность. В настоящее время идеи Л. Дюги реализованы в ряде стран развитых правопорядков. В отличие от России, лишь декларирующей привер-

женность к концепции социального государства, упоминание о социальной функции собственности в различных формулировках закреплено Конституциями Бразилии, Венесуэлы, Германии, Ирландии, Испании, Македонии, Румынии, Саудовской Аравии и других стран. Во всем мире это положение рассматривается в качестве конституционной основы возможности ограничения права собственности [15, с. 42] в социально ориентированном государстве.

Под воздействием социализации экономики и права принимаются законы о социальной экономике и социальном предпринимательстве: в Испании (2011), Эквадоре (2011), Греции (2011), Мексике (2012), Словении (2012), Португалии (2013). В этих странах под социальным предпринимательством понимается предпринимательская деятельность, нацеленная не на извлечение прибыли, а на смягчение или решение социальных проблем. В настоящее время активно обсуждается принятие закона о солидарной и социальной экономике во Франции, где в качестве основных субъектов хозяйствования в условиях формирования социальной модели государства рассматривается социальное предприятие как объект государственной поддержки.

В российской научной литературе исследований социализации частного права и законодательства как тенденции их развития не так много [2; 19]. В этих работах с социализацией законодательства в странах развитых правовых порядков связывается появление различных социально ориентированных организационно-правовых форм юридических лиц (итальянских социальных кооперативов, британских компаний общественных интересов) [7], ограничение свободы договора в пределах его социальной функции [3], социальная функция права собственности и его ограничения [16]. Вместе с тем представляется, что с учетом очевидности интеграционного процесса социализации права в условиях формирования правовой модели социального государства, декларируемой ст. 7 Конституции РФ, данных цивилистических исследований явно недостаточно.

Вместе с тем, на наш взгляд, тенденция социализации экономики и права в настоящее время способна наиболее четко проявиться в политематических исследованиях комплексных правовых образований, находящихся на стыке гражданского права и семейного, предпринимательского, корпоративного, социально-обеспечительного, налогового, таможенного, бюджетного, антимонопольного и других законодательств. То есть достаточно перспективными видятся исследования, опирающиеся на творческое развитие методологии, предложенной

М.Ю. Челышевым — автором концепции оптимизации межотраслевых связей гражданского права [18].

Следующим краеугольным камнем, который может быть положен в основу полиотраслевых цивилистических исследований, представляется научное наследие А.Г. Быкова, одним из первых обратившего внимание на некорректность формулировки предпринимательской деятельности, содержащейся в п. 1 ст. 2 ГК РФ, и отсутствие в определении социальной составляющей, соответствующей положению Конституции РФ о социальном государстве и соответственно о социальных функциях предпринимательства [18].

На наш взгляд, в трудах А.Г. Быкова содержится ключ к решению задач модернизации современного предпринимательского права [6, с. 8–40] и формирования принципов построения учебного курса. Исходя из того, что курс предпринимательского права не может дублировать курс гражданского права, логически соответствующего системе Гражданского кодекса РФ, по мнению авторитетного ученого, «единным стержнем предпринимательской деятельности» и соответственно «ключевым звеном в курсе предпринимательского права» должна стать категория «механизм предпринимательской деятельности» [6, с. 24]. Исследователь в данное понятие включал «совокупность мер, способов, форм, средств, инструментов организации и непосредственного осуществления предпринимательской деятельности, включая создание необходимых материальных, финансовых и иных предпосылок и условий для занятия предпринимательской деятельностью, формирования субъектов предпринимательства, определения их статуса, саму организацию предпринимательской деятельности по производству товара и его реализации на рынке, выполнению работ, оказанию услуг и т.п., применения различных мер регулирования предпринимательской деятельности, ее координации, учета, контроля и надзора, мер поощрения и санкций за ее ненадлежащее осуществление» [6, с. 24]. Данному «стержневому началу», каким является механизм предпринимательской деятельности, корреспондируется понятие «механизм правового регулирования предпринимательской деятельности» [6, с. 25].

Исходя из авторской концепции А.Г. Быкова, система курса предпринимательского права должна состоять из следующих блоков: 1) предпринимательская деятельность и правовой механизм ее регулирования (общие положения); 2) организационно-правовые основы предпринимательской деятельности; 3) имущественные основы предпринимательской деятельности и ее правовое обеспечение; 4) управление

предпринимательской деятельностью (правовые основы); 5) рыночные основы предпринимательской деятельности (правовое регулирование рынка); 6) правовые основы обеспечения нормального осуществления предпринимательской деятельности, охраны и защиты прав, свобод и интересов в ее сфере [6, с. 29]. На наш взгляд, данные блоки можно рассматривать в качестве содержания глав перспективного цивилистического исследования, которое еще предстоит выполнить будущим соискателям ученой степени доктора юридических наук.

Социализация экономики и права влияет и на появление разных моделей социальных предприятий, изучению особенностей правового положения которых также могут быть посвящены кандидатские и магистерские диссертационные исследования. Различие разнообразных моделей социальных предприятий как организационно-правовых форм юридических лиц наиболее ярко проявляется при сравнении итальянской и британской моделей [8].

В Европе примером социального предпринимательства является подъем кооперативного движения, связанный с принятием в Италии в 1991 г. закона о социальных кооперативах. Данная правовая модель реализована многими другими европейскими странами и государствами СНГ. В соответствии с идеологией социального предпринимательства данные кооперативы создавались: инвалидами, бездомными, попавшими в зависимость от алкоголя и наркотиков, психическими больными, освобожденными из заключения, беженцами. Европейское социальное предпринимательство ассоциируется с деятельностью социальных предприятий (в первую очередь социальных кооперативов, построенных по итальянской модели). Так, например, в последние годы легализованы: в Бельгии — компании с социальной миссией (1996); в Португалии — кооперативы общественной солидарности (1998); в Греции — социальные кооперативы с ограниченной ответственностью (1999); во Франции — кооперативное общество с коллективными интересами (2001). Опыт развития законодательства о социальных предприятиях был принят и на европейском постсоциалистическом пространстве. Так, например, в Польше принят закон от 27 апреля 2006 г. «О социальных кооперативах», регламентирующий порядок создания, деятельности, слияния и ликвидации социального предприятия, построенного по итальянской правовой модели. Данному социальному кооперативу при соблюдении определенных условий (среди работников кооператива должно быть не менее 50% лиц, на-

ходящихся в трудной жизненной ситуации) в качестве безвозвратной субсидии оказывается серьезная финансовая поддержка Евросоюза.

Если в итальянской модели социального предприятия делается акцент на трудоустройстве социально уязвимых работников предприятий, то в Великобритании внимание сфокусировано на повышении эффективности рыночных показателей работы социальных предприятий, создаваемых с целью ведения коммерческой деятельности в интересах какого-либо сообщества. Особенность британского социального предприятия (*community interest company*, сокращенно CIC) – компании общественных интересов – состоит в том, что оно не относится ни к коммерческим, ни к некоммерческим организациям. Получение прибыли для инвесторов не должно быть основной целью его деятельности. Характерной чертой британской компании общественных интересов является возможность: блокирования активов (запрет продажи доли предприятия с целью получения прибыли); распределения не более $\frac{1}{3}$ прибыли (остальная прибыль должна реинвестироваться в решение социальных проблем). Британская модель компании общественных интересов положена в основу социальных предприятий в Канаде и в Южной Корее.

В целях совершенствования российского законодательства с учетом тенденции социализации права интересен опыт Узбекистана, принявшего в июне 2012 г. закон «О семейном предпринимательстве», состоящий из 7 глав, включающих 35 статей, конкретизирующих: общие положения о семейном предпринимательстве; создание семейного предприятия и его регистрацию; права и обязанности семейного предприятия и его участников; деятельность семейного предприятия; гарантии свободы деятельности семейного предприятия. Согласно узбекскому законодательству, семейное предприятие может осуществлять деятельность только в форме юридического лица и признается одной из организационно-правовых форм субъектов предпринимательства. В Узбекистане под семейным предприятием понимается субъект малого предпринимательства, создаваемый его участниками на добровольной основе на базе общего имущества, находящегося в долевой или совместной собственности участников семейного предприятия, а также имущества каждого из участников семейного предприятия для осуществления производства и реализации товаров (работ, услуг) (ст. 4 ЗРУ «О семейном предпринимательстве»).

Таким образом, на наш взгляд, одним из актуальных направлений цивилистических исследований в сфере предпринимательского права, учитывающих общемировую тенденцию социализации, представляется направление исследования социального предпринимательства с учетом опыта стран развитых правовых порядков, которое обладает высокой научной и теоретической значимостью.

Библиографический список

1. *Барков А.В.* Классификация типичных недостатков, содержащихся в цивилистических исследованиях, и некоторые научно-методологические рекомендации по их устранению // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 226–235.

2. *Барков А.В.* Проблемы социализации частного права и законодательства // Концепция частного и публичного права России: Азбука частного права / Под ред. В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. С. 91–115.

3. *Беликова К.М.* Договорное право стран БРИКС: опыт Бразилии в свете новой парадигмы построения частноправового регулирования // Вопросы российского международного права. 2012. № 9–10. С. 58–85.

4. *Богданов Д.Е.* Социализация гражданско-правовой ответственности как направление совершенствования действующего законодательства // Актуальные проблемы правоведения. 2008. № 2. С. 43–47.

5. *Богданов Е.В.* Влияние научных взглядов Леона Дюги на развитие гражданского права // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 32–38.

6. *Быков А.Г.* О содержании курса предпринимательского права и принципов его построения // Правовое регулирование предпринимательской деятельности в рыночной экономике. М.: Юрист, 2008. С. 8–40.

7. *Гришина Я.С.* Механизм взаимодействия частных и публичных правовых средств обеспечения социально-имущественных потребностей в условиях моделирования юридической конструкции социального предпринимательства. Саратов: Слово, 2014. 476 с.

8. *Гришина Я.С.* Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2 (16). С. 111–121.

9. *Дюги Л.* Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. М.: Гос. изд-во, 1919. 110 с.

10. *Каутский К.* Предшественники новейшего социализма. Коммунизм в германской реформации. М.: Гос. изд-во, 1920. 292 с.
11. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978. 496 с.
12. *Кузнецова О.А.* Научная проблема и названия цивилистических диссертаций // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 316–324.
13. *Матвеев М.М.* Вопросы экономической сущности социализации рыночной экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2011. № 8 (8). С. 21–25.
14. О порядке присуждения ученых степеней: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 // Российская газета. 2013. 1 окт.
15. *Подгаевский А.О.* О социальной функции права собственности в зарубежных странах // Международное публичное и частное право. 2011. № 1. С. 41–43.
16. *Соловьев В.Н.* Социальная функция гражданско-правового регулирования отношений собственности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 52 с.
17. *Талапина Э.В.* Публичное право и экономика: Курс лекций. М.: Волтерс Клувер, 2011. 520 с.
18. *Челышев М.Ю.* Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. 160 с.
19. *Яковлев В.Ф., Талапина Э.В.* Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 5–16.

References¹

1. *Barkov A. V.* *Klassifikacija tipichnyh nedostatkov, soderzhashhihsja v civilisticheskikh issledovanijah, i nekotorye nauchno-metodologicheskie rekomendacii po ih ustraneniu* [Classification of the Typical Shortcomings Containing in Civil Law Studies and Some Methodological Recommendations for their Elimination] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* —

¹ Здесь и далее по тексту сборника перевод аннотаций и ключевых слов на английский язык и references дается в авторской редакции. — *Примеч. отв. ред.*

Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2014. № 4 (26). P. 226–235. (In Russ).

2. Barkov A.V. *Problemy socializacii chastnogo prava i zakonodatel'stva // Konceptija chastnogo i publichnogo prava Rossii: Azbuka chastnogo prava* [Problems of Socialization of Private Law and Legislation // Concept of Private and Public Law of Russia: Alphabet of Private Law], in: V.I. Ivanov, Ju.S. Haritonova (ed.). Moscow: YUNITI-DANA, 2014. P. 91–115. (In Russ).

3. Belikova K.M. *Dogovornoe pravo stran BRIKS: opyt Brazili v svete novoy paradigmy postroeniya chastnopravovogo regulirovaniya* [Contract Law of the Countries of BRICS: Experience of Brazil in the Light of a New Paradigm of Creation of Private-Law Regulation] // *Voprosy rossijskogo mezhdunarodnogo prava* – Questions of the Russian International Law. 2012. № 9–10. P. 58–85. (In Russ).

4. Bogdanov D.E. *Socializacija grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti kak napravlenie sovershenstvovaniya dejstvujushhego zakonodatel'stva* [Socialization of Civil Responsibility as Direction of Improvement of the Current Legislation] // *Aktual'nye problemy pravovedeniya* – Actual problems of Jurisprudence. 2008 № 2. P. 43–47. (In Russ).

5. Bogdanov E.V. *Vlijanie nauchnykh vzgljadov Leona Djugi na razvitie grazhdanskogo prava* [Influence of Scientific Views of Leon Dyugi on Development of Civil Law] // *Zhurnal rossijskogo prava* – Magazine of Russian Law. 2008. № 6. P. 32–38. (In Russ).

6. Bykov A.G. *O soderzhanii kursa predprinimatel'skogo prava i principov ego postroeniya // Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj dejatel'nosti v rynochnoj jekonomike* [About the Maintenance of a Course of the Enterprise Right and the Principles of its Construction // Legal Regulation of Business Activity in Market Economy]. Moscow: Jurist, 2008. P. 8–40. (In Russ).

7. Grishina Ja.S. *Mehanizm vzaimodejstvija chastnyh i publichnyh pravovyh sredstv obespechenija social'no-imushhestvennyh potrebnoej v usloviyah modelirovaniya juridicheskoy konstrukcii social'nogo predprinimatel'stva* [The Mechanism of Interaction of Private and Public Legal Means of Ensuring of Social and Property Needs for Conditions of Modeling of a Legal Design of Social Business]. Saratov: Slovo, 2014. 476 p. (In Russ).

8. Grishina Ja.S. *Sravnitel'no-pravovoe issledovanie social'nogo predprinimatel'stva v stranah Ameriki i Evropy* [Comparative and Legal Research of Social Business in the Countries of America and Europe] // *Vestnik Permskogo*

universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2012. № 2 (16). P. 111–121. (In Russ).

9. *Djugi L. Obshhie preobrazovaniya grazhdanskogo prava so vremeni Kodeksa Napoleona* [The General Transformations of Civil Law Since Napoleon's Code]. Moscow: Gos. izd-vo, 1919. 110 p. (In Russ).

10. *Kautskij K. Predshestvenniki novjshego socializma. Kommunizm v germanskoj reformacii* [Predecessors of the Latest Socialism. Communism in the German Reformation]. Moscow: Gos. izd-vo, 1920. 292 p. (In Russ).

11. *Kejns Dzh. M. Obshhaja teorija zanjatosti, procenta i deneg* [General Theory of Employment, Percent and Money]. Moscow: Progress, 1978. 496 p. (In Russ).

12. *Kuznetsova O.A. Nauchnaja problema i nazvaniya civilisticheskikh dissertacij* [Scientific Problem and the Titles of the Civil Researches] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2013. № 4. P. 316–324. (In Russ).

13. *Matveev M.M. Voprosy jekonomicheskoy sushhnosti socializacii rynochnoj ekonomiki* [Questions of Economic Essence of Socialization of Market Economy] // *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* – Economy, Business and Law. 2011. № 8 (8). P. 21–25. (In Russ).

14. *O porjadke prisuzhdenii uchenyh stepenei: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoi Federacii ot 24 sentjabrja 2013 g. № 842* [About an Order Award of Academic Degrees: The Resolution of the Government of the Russian Federation № 842 of September 24] // *Rossijskaja Gazeta* – Russian Gazette. October 1, 2013. (In Russ).

15. *Podgaevskij A.O. O social'noj funkcii prava sobstvennosti v zarubezhnyh stranah* [About Social Function of the Property Right in Foreign Countries] // *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* – The International Public and Private Law. 2011. № 1. P. 41–43. (In Russ).

16. *Solov'ev V.N. Social'naja funkcija grazhdansko-pravovogo regulirovanija otnoshenij sobstvennosti: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Social Function of Civil Regulation of the Relations of Property: a Summary of a Doc. Thesis in Law]. Moscow, 2013. 52 p. (In Russ).

17. *Talapina Je.V. Publichnoe pravo i jekonomika: kurs lekcij* [Public Law and Economy: Course of lectures.]. Moscow: Wolters Kluwer, 2011. 520 p. (In Russ).

18. *Chelyshev M.Ju. Koncepcija optimizacii mezhotraslevykh svyazej grazhdanskogo prava: postanovka problemy* [Concept of Optimization of Interindustry Communications of Civil Law: Statement of a Problem]. Kazan: Publishing of Kazan University, 2006. 160 p. (In Russ).

19. *Jakovlev V.F., Talapina Je.V. Rol' publichnogo i chastnogo prava v regulirovanii jekonomiki* [Role of Public and Private Law in Regulation of Economy]. *Zhurnal rossijskogo prava* – Magazine of Russian Law. 2012. № 2. P. 5–16. (In Russ).

ABOUT SOME RELEVANT DIRECTIONS OF CIVILISTIC RESEARCH WITH CONSIDERATION FOR A TREND OF SOCIALIZATION OF ECONOMY AND RIGHT

A.V. Barkov

Moscow Academy of Economics and Law

23, Varshavskoe Sh., Moscow, 117105

E-mail: kgoiva@mail.ru

Introduction: in this article it is justified the necessity of the choice of subjects of civilistic research with consideration for the irreversible integration processes, worldwide trends of development of the society one of which is the socialization of economy and law. **Purpose:** to create complete scientific idea of the most actual directions of civil researches taking into account a tendency of socialization of economy and law. **Results:** it is being revealed a concept of socialization as a regular stage in development of market economy corresponding to the postindustrial society. Signs, purposes, and tasks of socialization of economy are being revealed. The author's definition of socialization of law by which one is to understand the orientation of legal instruments for issue of social security of citizens and their coalescences is given on basis of analysis of scientific literature. Regularities and trends of influence of socialization of economy and law on legislation on the social economy and social entrepreneurship are being revealed. It is observed that in legislation of a range of the foreign countries the social entrepreneurship is understood to mean the entrepreneurship aimed not at extraction of profit, but at social problem softening or problem-solving. The attention is paid to the fact that socialization of economy and law influences to an appearance of different models of social enterprises, to the study of peculiarities of their legal status can also be devoted candidate's and master's thesis investigations. The difference of diverse models of social enterprises as legal forms of legal entities is expressed most vividly at comparison of an Italian and British models. **Conclusions:** at present the tendency of socialization of economy and law is able to be exhibited most clearly in multi-industry studies of integrated legal formations. Sufficiently promising

appear the studies that are basing on creative development of a methodology suggested by M.Y. Chelyshev and A.G. Bykov. One of the actual directions of civilistic research in sphere of entrepreneurial law taking into consideration a worldwide trend of socialization, appears the direction of social entrepreneurship research with consideration for experience of countries having developed law-and-orders, which possesses great scientific and theoretical significance.

Keywords: *relevance of problems of civilistic research; multi-industry research; socialization of economy and law.*

ПРОЦЕДУРА ВЫБОРА ПОЛОЖЕНИЙ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ВЫНОСИМЫХ НА ЗАЩИТУ

В.А. Болдырев

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Дальневосточный юридический институт МВД России
680020, г. Хабаровск, Казарменный переулок, 15
E-mail: vabold@mail.ru

Введение: рассматривается процедура выбора и требования к положениям диссертации по гражданскому праву, выносимым на защиту. **Цель:** автором формулируются предложения, призванные упростить отбор и систематизацию диссертационных тезисов. **Методы:** используются формально-логические методы, метод наблюдения, статистический, сравнительный методы. **Результаты:** предлагается считать необходимыми этапами работы над положениями, выносимыми на защиту: текстуальное выделение важных тезисов исследования по ходу его подготовки; консолидацию основных мыслей диссертации в едином документе и обсуждение их с профильными специалистами; консультации со специалистами в смежных отраслях; публичное обсуждение положений диссертации; личное обсуждение положений, выносимых на защиту, с рецензентами; обсуждение с научным руководителем (консультантом). Приводятся требования, которым должна соответствовать система диссертационных тезисов: изложение положений, выносимых на защиту, осуществляется от общего к частному; проводится проверка тезисов на соответствие предмету научной специальности; авторская терминология должна получать расшифровку в тексте тезиса; положения исторического характера выносятся на защиту в том случае, если они позволяют объяснить имеющееся положение дел; объем тезиса не должен быть излишним; предложения по совершенствованию права отражаются в виде идеи; отсеиваются тривиальные положения, не отвечающие критерию фальсифицируемости; тезисы работы должны носить положительный характер; количество тезисов разнопланового характера не должно быть существенно. **Вывод:** выбор

положений, выносимых на защиту, — важная задача, требующая творческих усилий от диссертанта, научного руководителя (консультанта) и рецензентов.

Ключевые слова: гражданское право; диссертация; положения на защиту; алгоритм; процедура выбора; теория права; история права; фальсифицируемость; рецензент; научный руководитель.

Постановка проблемы и главное направление ее решения

Попытка определить точный алгоритм выбора положений диссертационного исследования, выносимых на защиту, — задача неблагодарная. Во всяком случае наш опыт ее решения, наработанный при подготовке кандидатской и докторской диссертаций, позволяет утверждать, что правильнее вести речь о процедуре, а точнее процедурах, которые целесообразно использовать при выделении квинтэссенции квалификационных исследований. Последовательность действий, направленных на установление и представление научной общественности главного в проделанной работе, может быть разной, а значит, об алгоритме говорить не следует.

Позиция автора данной работы, согласно которой поиск положений, выносимых на защиту, — это отдельная и весьма важная задача, требующая творческих усилий не только от диссертанта, но и от других специалистов, может показаться странной. Действительно, если автором написан текст исследования, какие сложности могут возникнуть с выделением основных тезисов, доведением их до необходимого уровня благозвучия и доступности восприятия?

Сам диссертант, подготовивший хорошую работу, часто не может увидеть недостатков в совокупности рафинированных из текста положений, поскольку выделяя тезисы на защиту, автор психологически продолжает воспринимать их как часть целого. Для тех, кто знакомится с ними по отдельности, данные тезисы являются конгломератом отдельных суждений, а не системой новых научных знаний.

Сегодня «стремлением попытаться выйти за пределы кулуарности и ознакомить как можно большее количество людей с результатами научных изысканий» [11, с. 326] объясняется появление альманахов, посвященных основным положениям диссертационных исследований. Отдельное внимание в цивилистике уделяется курьезным научным тезисам, свидетельством чему является существование рубрики «Без

комментариев» в журнале «Вестник гражданского права» [2; 3; 4]. Чтобы не пополнить своими мыслями названный раздел, оставив тем самым особый след в цивилистической науке, диссертанту следует избегать банальных утверждений по крайней мере при подготовке автореферата и введения диссертации.

Процедура (методика) выбора тезисов

Первым шагом на пути к формированию системы положений, выносимых на защиту, является *текстуальное выделение наиболее важных тезисов исследования по ходу его подготовки*. Изложение диссертантом материала рубриками и обозначение наиболее важных мыслей курсивом, не только облегчает чтение материала, но делает его хорошо трансформируемым при надобности, а главное, позволяет самому автору в любой момент быстро представить систему своих взглядов на предмет в виде небольшого по объему документа.

По точному замечанию Г.Ч. Синченко, «корректные названия можно дать только текстам плодотворных завешенных исследований» [10, с. 57]. Равным образом корректные положения, выносимые на защиту, можно определить лишь по итогам проведенной работы. Однако данное обстоятельство не дает автору оснований отказаться от предварительного выбора мыслей, которые могут лечь в основу научной концепции.

Консолидация основных мыслей диссертации (потенциальных положений, могущих быть вынесенными на защиту) в едином документе и обсуждение их с профильными специалистами-цивилистами может стать еще одним важным этапом на пути завершения работы. Стоит подчеркнуть, что речь не идет о составлении автореферата диссертационного исследования, т.е. кратком и системном изложении его содержания, фактически это подготовка «автохрестоматии» — пронумерованных изложений из диссертации, отраженных в том порядке, в котором они идут по тексту. В данном случае каждый получивший соответствующий номер тезис может предстать в будущем перед научным миром в качестве положения, выносимого на защиту. Нельзя исключать, что таких может оказаться в пять—шесть (а то и десять) раз больше, чем считается приличным для кандидатской или докторской диссертации.

Изучение содержания диссертационных работ и авторефератов для выявления точных количественных показателей, характеризующих на-

учные исследования, например, числа опубликованных работ, в которых сделана апробация результатов [5, с. 237], или частоты упоминания и применения того или иного научного метода [7, с. 255], становится отдельным приемом исследования, используемым цивилистической наукой. Анализ дайджеста основных положений диссертаций по специальности 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право), вынесенных на защиту в марте–апреле 2015 г. [6], дает пищу для размышления. Число назначенных к защите *докторских* диссертаций — 8, минимальное количество положений, нанесенных в них на защиту, — 11, максимальное — 19, среднее — 15,75. Число назначенных к защите *кандидатских* диссертаций — 34, минимальное количество положений, вынесенных на защиту, — 6, максимальное — 11, среднее — 8,41.

Только для кандидатских диссертаций характерно наличие числа тезисов, являющегося абсолютным лидером для ряда исследований — это число 7 (семь положений было вынесено на защиту в 12 из 34 случаев). Примечательно также то, что максимальное количество тезисов, выносимых на защиту кандидатских диссертаций, совпадает с минимальным количеством тезисов, выносимых на защиту докторских диссертаций. Нельзя объяснить это иначе как существованием в научной среде сформированных стереотипов, формальных границ (по количеству тезисов) между докторскими и кандидатскими диссертациями. При этом существует «буферная зона», куда попадают оба типа исследований (11 тезисов).

Целью рассматриваемого этапа (составления «автохрестоматии») не является глубокое проникновение в суть отдельных тезисов и их критическое осмысление, хотя по некоторым из положений может произойти достаточно интересная дискуссия; важно понять: какие из них получают позитивные отклики, а какие — негативные со стороны специалистов. Это позволяет разделить все потенциальные положения, выносимые на защиту, на три группы: (а) вызывающие положительные отклики, (б) не вызывающие откликов и (в) вызывающие отрицательные отклики.

Данный прием мы применили при подготовке своей докторской диссертации, предложив трем коллегам прочитать около 20 страниц документа с пронумерованными тезисами и поставить знак «+» напротив тех, которые вызывают симпатию, знак «—» напротив тех, которые вызывают серьезные сомнения. Для кандидатских диссертаций рецензентами вполне могут стать другие аспиранты (адъюнкты)

и цивилисты-практики, не искушенные в тонкостях науки гражданского права.

Консультации со специалистами в смежных отраслях юридического знания и в области теории права — тот важный этап, пренебрежение которым может стоить дорого как начинающему, так и опытному исследователю, особенно когда диссертационный совет, в котором будет защищаться работа, компетентен присваивать ученые степени по нескольким специальностям.

Если исследование проводилось в смежной области, являющейся предметом изучения нескольких отраслей правовой науки, мнение консультанта, не являющегося цивилистом, нужно учитывать, но не класть в основание системы диссертационных тезисов. Однако теории права зачастую никаких узкоотраслевых научных интересов не отстаивают и способны увидеть внутренние противоречия между тезисами, а также многие другие недостатки, могущие повлечь досадные замечания в процессе защиты. Проявлять скепсис к замечаниям последних вряд ли стоит.

Публичное обсуждение положений диссертации со специалистами структурного подразделения (на заседании кафедры) организации, в которой подготовлена диссертация, — этап первых комплексных публичных выступлений с системой идей, отраженных в работе, доставляющий нередко больше стресса диссертанту, чем сама защита. Условно добросовестных рецензентов — а их по сложившейся практике от двух до четырех — можно поделить, на тех, кого интересует содержание всей работы, и тех, кто в своей критике уделяет особое внимание положениям, выносимым на защиту. Вне зависимости от того, к какой группе критиков будут относиться рецензенты конкретного диссертанта, само построение речи перед сотрудниками обсуждающего подразделения должно быть осуществлено с учетом генеральной идеи (научной новизны) работы и содержания положений, выносимых на защиту. Изложение хода работы или содержания ее частей, встречающееся на практике, не дает необходимого эффекта.

От того, насколько внимательным и уважительным оказывается диссертант к своим критикам, зависит, состоится ли **личное обсуждение положений, выносимых на защиту, с рецензентами, дававшими заключение о достоинствах и слабых сторонах диссертации**. Прохождение данного этапа многими воспринимается как факультативное, а то и вовсе игнорируется, хотя для серьезных научных школ такой подход не характерен. И вот почему. Следует понимать, что, прочитав весь текст

диссертации и потратив массу времени, рецензент, докладывающий результаты своего труда (особенно в крупном отлаженном научном коллективе), получает мало времени на изложение критических замечаний, и что более важно, редко говорит о конкретных путях решения выявленных проблем. Именно поэтому продуктивность личных встреч с рецензентами не следует недооценивать и особенно важно попросить советы по организации системы тезисов, их корректировке и, возможно, окончательной формулировке концепции исследования; она, на наш взгляд, не только может, но и должна отличаться от первоначальной.

Обсуждение положений, выносимых на защиту, с научным руководителем (консультантом) должно быть этапом-возвратом к исследованию с учетом полученных по диссертации критических замечаний. Считается, что научный руководитель должен быть для диссертанта проводником в мир официальной науки, а научный консультант — источником наиболее важных замечаний по концепции докторского исследования и его основным направлениям. Это предопределяет необходимость постоянного контакта ученика и учителя. Вместе с тем система тезисов, выносимых на защиту, получает достойную проверку в ходе изучения диссертации отдельными специалистами, не имеющими прямого отношения к процессу ее написания, а поэтому оценивающими его результаты свежим взглядом. Если научный тандем (ученик — учитель) стремится к успеху, возвращение к положениям, выносимым на защиту, неизбежно.

Рекомендации по организации системы тезисов

Наконец, несколько важных практических правил, нарушение которых, по нашим наблюдениям, достаточно часто приводит к неприятию системы главных тезисов цивилистических диссертаций.

Во-первых, изложение положений, выносимых на защиту, должно осуществляться, как правило, от общего к частному. Однако наиболее важные положения (особенно претендующие на роль открытия) могут быть вынесены вперед даже при меньшей степени общности. Хронологический порядок, т.е. воспроизведение тезисов в том порядке, в каком они следуют друг за другом в главах и параграфах, обычно не дает должного эффекта.

Во-вторых, проверка тезисов на соответствие предмету соответствующей научной специальности позволяет исключить обвинение

в отклонении диссертанта в сферу теории права и смежные отрасли. Само по себе проникновение исследователя в названные сферы — зачастую необходимо, а иногда и неизбежно. Однако если самостоятельный теоретический вывод оказывается совершенно не связанным с гражданским правом, вряд ли стоит рисковать, вынося его на защиту. Или, как указывают А.П. Анисимов и А.Я. Рыженков, выбрав межотраслевую проблему, соискателю следует «грамотно расставить акценты с позиций гражданского права, оставив межотраслевую специфику как некий «фон» своего научного исследования» [1, с. 287].

В-третьих, авторская терминология (т.е. придуманные, нередко составные термины) должна получать филигранную и ненавязчивую расшифровку в тексте тезиса, чтобы суть положения, выносимого на защиту, была ясна специалисту в данной отрасли без обращения к тексту диссертации.

В-четвертых, тезисы исторического характера можно (а иногда и нужно) выносить на защиту в том случае, если они (каждый в отдельности, а не в системе) позволяют перебросить «мост» в современность, объяснить имеющееся положение дел. В противном случае имеется риск ухода в сферу, интересующую преимущественно историков права.

В-пятых, объем тезиса не должен быть излишним: положение не следует делать долгим объяснением предложенной концепции, определения, классификации. При этом объем тезиса должен позволять для кандидатского исследования — кандидату юридических наук, а для докторского — доктору юридических наук понять идею автора без обращения к тексту диссертации.

В-шестых, предложения практического характера по совершенствованию права, его толкованию не только возможны, но и нужны, но они должны получить отражение в виде идеи или даже системы идей, а не конечной формулировки конкретной нормы.

В-седьмых, отсеив тривиальных положений (необходимых по тексту диссертации, которая должна иметь и некую повествовательную часть) особенно путем дробления тезиса на «субтезисы», позволит избежать критики оппонентов в отсутствии научной новизны работы. Иными словами, совокупность тезисов должна отвечать требованию фальсифицируемости.

«Что означает требование потенциальной фальсифицируемости применительно к диссертационному исследованию? Прежде всего, оно дезавуирует в качестве научных результатов самоочевидные утверждения», — пишет Н.И. Мартишина [8, с. 126]. Следовательно, система

тезисов не является новым научным знанием, если сам диссертант не может моделировать такие условия, в которых его утверждения были бы ложны.

В-восьмых, следует помнить, что «только новый позитивный результат имеет право быть защищаемым» [9, с. 159]. Это означает, что в своей совокупности основные идеи работы должны быть направлены на созидание: создание собственной научной концепции или системы идей о регулировании общественных отношений, доказывание рациональности существующих правовых моделей или необходимости их реформирования. Однако отдельные положения, выносимые на защиту, могут иметь «отрицательное» значение, т.е. указывать на те явления правовой действительности, которые мешают развитию общества.

В-девятых, вынесение на защиту большого числа положений (особенно разнопланового характера) нередко препятствует восприятию общей идей работы и мешает строить исследователю свою речь перед диссертационным советом.

Наконец, удачная система выстроенных тезисов — еще не гарантия успешной защиты, если, готовясь к произнесению речи перед научной общественностью, диссертант не посчитал необходимым их систематизировать по внятным критериям, а каждый тезис в отдельности сделать доступным для восприятия на слух: как правило, разделить на части (мысли, предложения). Однако выступление перед диссертационным советом — тема отдельного разговора.

Библиографический список

1. *Анисимов А.П., Рыженков А.Я.* Методические вопросы проведения диссертационных исследований (на примере гражданского права) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3. С. 286–289.
2. Без комментариев // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 284–294.
3. Без комментариев // Вестник гражданского права. 2014. № 2. С. 280–294.
4. Без комментариев // Вестник гражданского права. 2014. № 3. С. 302–310.
5. *Болдырев В.А.* Стратегия публикации промежуточных результатов диссертационного исследования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 235–244.

6. Защиты диссертаций по юридическим наукам: март-апрель 2015 года (12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право) // Приложение к журналу «Вопросы правоведения». 2015. март-апрель. С. 188–405.

7. Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 254–270.

8. Мартишина Н.И. О применении принципа фальсифицируемости в работе над диссертацией // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 124–129.

9. Селетков С.Г. Диссертация как феномен научного исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 1. С. 156–163.

10. Синченко Г.Ч. Заглавия диссертаций и иных научных работ (девать логико-прикладных правил) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2. С. 54–57.

11. Соколов Е.Г. Диссертация // *StudiaCulturae*. 2006. № 9. С. 318–327.

References

1. Anisimov A.P., Ryzhenkov A.Ja. *Metodicheskie voprosy provedenija dissertacionnyh issledovanij (na primere grazhdanskogo prava)* [Methodological issues of conducting dissertation research (on the example of civil rights)] // *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa* – Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of business. 2012. № 3. P. 286–289. (In Russ).

2. *Bez kommentarijev* [No comments] // *Vestnik grazhdanskogo prava* – Bulletin of civil law. 2014. № 1. P. 284–294. (In Russ).

3. *Bez kommentarijev* [No comments] // *Vestnik grazhdanskogo prava* – Bulletin of civil law. 2014. № 2. P. 280–294. (In Russ).

4. *Bez kommentarijev* [No comments] // *Vestnik grazhdanskogo prava* – Bulletin of civil law. 2014. № 3. P. 302–310. (In Russ).

5. Boldyrev V.A. *Strategija publikacii promezhutochnyh rezul'tatov dissertacionnogo issledovanija* [Strategy the publication of the interim results of the dissertation research] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Science. 2014. № 4 (26). P. 235–244. (In Russ).

6. *Zashhity dissertacij po juridicheskim naukam: mart-aprel' 2015 goda (12.00.03 – grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo;*

mezhdunarodnoe chastnoe pravo) [Thesis in legal science: March-April 2015 (12.00.03 – civil law; entrepreneurial law; family law; international private law)] // *Prilozhenie k zhurnalu «Voprosy pravovedeniya»* – Application to the journal «Questions of law». 2015. March-April. P. 188–405. (In Russ).

7. Kuznetsova O.A. *Metody nauchnogo issledovaniya v civilisticheskikh dissertacijah* [Methods of scientific research in civil law dissertations] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical science. 2014. № 4 (26). P. 254–270. (In Russ).

8. Martishina N.I. *O primenenii principa fal'sificiruемости v rabote nad dissertaciej* [On the application of the principle of falsificationist in the work on the thesis] // *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2013. № 3. P. 124–129. (In Russ).

9. Seletkov S.G. *Dissertacija kak fenomen nauchnogo issledovaniya* [Thesis as a phenomenon of scientific research] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* – Vestnik of Leningrad State University. A.S. Pushkin. 2013. Vol. 2. № 1. P. 156–163. (In Russ).

10. Sinchenko G.Ch. *Zaglavija dissertacij i inyh nauchnyh rabot (devjat' logiko-prikladnyh pravil)* [Titles of dissertations and other academic papers (nine logico-applied rules)] // *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii* – Scientific Herald of Omsk Academy of the MIA of Russia 2005. № 2. P. 54–57.

11. Sokolov E.G. *Dissertacija* [Dissertation] // *StudiaCulturae*. 2006. № 9. P. 318–327. (In Russ).

PROCEDURE OF CHOICE THE PROVISIONS OF CIVIL LAW STUDIES, SUBMITTED FOR PROTECTION

V.A. Boldyrev

Far Eastern Law Institute of MIA of Russia
15, Kazarmennyj lane, Khabarovsk, 680020
E-mail: vabold@mail.ru

Introduction: describes the procedure of choice and the requirements of the provisions of the thesis in civil law, submitted for protection. **Purpose:** the author makes proposals designed to simplify the selection and arrangement of the dissertation thesis. **Methods:** used formal logical methods, the method of observation, statistical and comparative methods. **Results:** it is proposed to consider the neces-

sary stages of work on the provisions submitted for protection: textual highlighting important research abstracts in the course of its preparation; consolidation of the basic thoughts of the dissertation in a single document and discussion with relevant experts; consultation with experts in related fields; public discussion of the thesis; personal discussion of position to be defended, with the reviewers; discussion with the supervisor (consultant). Lists requirements that must be met for the system dissertation thesis: statement of the terms conducted from the general to the particular; review of thesis in relation to subject specialty; author's terminology should receive the interpretation in the text of the thesis; historical nature thesis are submitted for protection in case they help to explain the current state of things; the volume of the thesis should not be excessive; proposals to improve the legislation recognised in the form of ideas; eliminated trivial thesis that does not meet the criterion of falsificationist; thesis work must be positive; the number of positions to the varied nature of should not be numerous. **Conclusion:** the choice of the provisions submitted for protection is an important task that requires a creative effort from the applicant, supervisor (consultant) and reviewers.

Keywords: civil law; thesis; position for protection; algorithm; selection procedure; legal theory; legal history; falsificationist; reviewer; supervisor.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУК

Н.Л. Бондаренко

Доктор юридических наук, профессор кафедры адвокатуры
Международный университет «МИТСО»
220099, г. Минск, ул. Казинца, 21/3;
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: 2iu@tut.by

Введение: в статье обосновывается тезис о взаимообусловленности гражданско-правовой и экономической наук и необходимости их постоянного взаимодействия. **Цель:** аргументировать позицию о том, что результаты, полученные экономической наукой, должны быть использованы в процессе поиска путей повышения эффективности функционирования институтов гражданского права. **Методы:** методологическую основу исследования составила совокупность всеобщих, общенаучных и частнонаучных методов познания, основными из которых явились историко-правовой, сравнительно-правовой, аналитико-критический и системный методы. **Результаты:** констатируется, что недостатки научного сопровождения проводимых в государстве экономических реформ в определенной мере вызваны отсутствием взаимодействия между экономической и цивилистической науками. Целесообразно популяризировать междисциплинарные экономико-правовые научные изыскания, преодолев стремление ограничивать предмет исследования исключительно рамками одной науки. **Заключение:** теория гражданского права может существенно обогатиться, обратившись к трудам экономистов: А. Смита, Дж. Бьюкенена, Джона Р. Коммонса, Р. Коуза, Р.А. Познера и др., раскрывших с позиций экономической науки сущность таких институтов гражданского права, как сделки, собственность, договор, юридическое лицо, проанализировавших важные для граждан-

ского оборота проблемы свободы воли, неприкосновенности собственности, допустимости вмешательства государства в частноправовые отношения и др.

Ключевые слова: наука; право; экономика; гражданское право; взаимодействие; взаимообусловленность; методология.

Введение

В последнее время проблемы совершенствования методологического потенциала гражданско-правовой науки привлекают все больше внимания ученых [10; 14; 18; 19]. Бесспорный факт, что цивилистика имеет в своем арсенале фундаментальные теоретические разработки, не противоречит необходимости поиска путей ее развития, обогащения посредством разработки и внедрения новых методологических подходов в исследовании тех или иных правовых явлений [2]. Так, учеными все еще недостаточно внимания уделяется изучению и учету связей, существующих между гражданско-правовой и экономической науками, позволяющих углубить и приумножить как правовые, так и экономические знания, что актуализирует задачу определения методологических основ их взаимодействия. Как правило, экономисты и юристы анализируют один и тот же предмет, ограничивая анализ лишь рамками своей науки. В диссертациях по гражданскому праву рассмотрение правовых вопросов сквозь призму экономики можно встретить крайне редко, поскольку «выпадение» юриста из специальности по-прежнему оценивается как основание для отклонения диссертации. В результате, как точно заметил Г.А. Гаджиев, юристы не владеют экономической теорией, экономисты не имеют глубоких представлений о правовом концептуальном пространстве [5]. По причине отсутствия корреляции экономики и права разработка и принятие нормативных правовых актов нередко происходит без предварительного познания экономических законов и учета существующих экономических реалий, а экономическим решениям не всегда обеспечивается надлежащее правовое обеспечение. Как следствие, проводимые экономические реформы не приносят ожидаемых результатов. Такое положение вещей существует, несмотря на то что и юристы и экономисты на протяжении нескольких столетий утверждают об органической связи экономики и права.

Основное содержание

Органичная связь природы права и экономики впервые была убедительно доказана немецким цивилистом Г. Данквартом в произведении «Гражданское право и общественная экономия: этюды», положившим начало формированию нового экономического направления в юриспруденции, изучавшего правовые явления в связи с экономическими. В предисловии к его книге Рошер писал: «...право и экономия — две области жизни, равно первичные, равно необходимые, равно близкие сокровеннейшей стороне человеческой природы. Да и предметы, которыми занимается правоведение и экономическая наука почти совершенно одни и те же... Почти каждая глава общественной экономии в собственном смысле имеет свою параллель в гражданском праве...» [8, с. 2]. Оливер У. Холмс-младший — родоначальник правового реализма обращал внимание американских юристов на необходимость изучения экономической науки с целью лучшего понимания правовых отношений. Заслуга ученого и его последователей в том, что ими «была поставлена под сомнение автономия права» и доказана необходимость использования опыта других общественных наук для осмысления права и правовых явлений [20, с. 9].

На взаимную связь экономики и гражданского права обращали внимание и русские цивилисты, в частности, И.А. Покровский, видевший задачу политической экономии в исследовании имущественных отношений с экономической стороны, а задачу гражданского права — в изучении их юридической природы. Основываясь на тезисе, что «экономическая сторона имущественных отношений тесно сплетается со стороною юридической», ученый делал вывод, что ни политику-экономисту, ни цивилисту нельзя ограничиваться только своею непосредственной задачей. «Только совместная рука об руку работа политико-экономиста и юриста будет в состоянии представить вопрос в его истинном освещении» [17]. Недопустимым считал изолирование юриспруденции от экономических наук и Ю.С. Гамбаров, полагавший, что юриспруденция не может разрешить все предстоящие перед ней задачи, используя только свои средства, поскольку все, что касается производства, обмена, распределения и даже потребления экономических благ является предметом юридического регулирования [6].

На связь экономики и гражданского права обращал внимание В.П. Грибанов, подчеркивая, что большинство общественных отношений, составляющих предмет гражданского права как отрасли права,

реализуются именно в сфере экономики [7, с. 221]. С.С. Алексеев и В.Ф. Яковлев полагали, что «богатый инструментарий гражданского права может принести огромную социальную пользу лишь при условии, что правовые вопросы будут решаться в комплексе с экономическими» [1, с. 31].

Тезис об органичной связи права и экономики находит свое подтверждение и в том, что отдельные научные достижения не могут быть признаны достоянием только лишь одной науки. Так, идеи экономиста А. Смита, ставшие политическими лозунгами французской буржуазной революции, впоследствии приобрели статус принципов гражданского законодательства всех стран с рыночной экономикой. В частности, сформулированный ученым принцип *laissez faire* (свободы действий), содержащий требование экономической свободы и невмешательства государства в экономическую жизнь. Кроме того, А. Смит сумел четко определить задачу законодателя, стремящегося эффективно урегулировать сферу гражданского оборота: максимально поощрять добровольный обмен между участниками сделок, устраняя искусственные барьеры любого рода и обеспечивая юридическую защиту добровольно заключаемых контрактов [9].

Признание связи права и экономики неизбежно актуализировало вопрос о главенствующей роли того или иного явления. Следует признать, что долгое время господствовавшим в экономической науке являлся подход к праву, который основывался на признании его вторичности по отношению к экономике. Так, суть разработанного К. Марксом историко-материалистического подхода к государству и праву состояла в понимании этих образований в качестве надстроечных по отношению к экономической структуре общества, в признании главенствующей роли экономических условий в процессе образования и развития права. Такое преувеличение значения экономического фактора на развитие права было подвергнуто критике юристами. «Юридические явления стоят рядом с экономическими, но не вытекают из законов экономического мира, и представляют собою сложные явления, образующиеся под влиянием как экономических, так и иных факторов», — полагал Ю.С. Гамбаров. Также ошибочным полагал ученый рассматривать отношение между правом и хозяйством с точки зрения причинности, считая одно причиной, а другое следствием, мотивируя это тем, что экономические понятия не имеют самостоятельности и всегда связаны определенными правовыми формами: «Право есть форма, хозяйство — содержание социальной

жизни, слагающееся из всей совокупности человеческих действий, направленных на удовлетворение человеческих же потребностей...» [6]. Ю.С. Гамбаров предлагал признать между экономикой и правом отношение взаимозависимости и солидарности.

Принципиально отличный от К. Маркса взгляд на соотношение права и экономики был высказан основателем социально-правового институционализма Дж. Коммонсом, обосновавшим примат права над экономикой [11]. Ученый был убежден в том, что посредством разумной законодательной деятельности можно улаживать возникающие экономические противоречия. Центральным элементом учения Дж. Коммонса справедливо принято считать «теорию сделок», в которой с точки зрения цивилистики методологически верно трансакции (сделки) рассматриваются не как обмен товарами, а как отчуждение и присвоение прав собственности и свобод, созданных обществом. «То, что мы покупаем и продаем, это не какие-то материальные предметы или услуги, а собственность на эти предметы и услуги», – справедливо полагает Дж. Коммонс. При этом в каждой трансакции ученый выделял три элемента: переговоры, принятие обязательств и выполнение обязательств. Акцент, сделанный на природе сделки как центрального элемента экономических отношений и юридического акта понимания, посредством которого возможно урегулировать все возникающие разногласия и разрешить любой конфликт мирным путем, весьма важен для гражданско-правовой науки, рассматривающей сделки прежде всего как действия субъектов, влекущие правовые последствия, и выходящей за рамки правового регулирования переговорный процесс. Между тем именно в ходе переговоров этап противопоставления позиций сторонами перетекает в этап достижения соглашения. Тем самым трансакционный процесс, как справедливо заметил Дж. Коммонс, служит определению «разумной ценности», возникающей из согласия о выполнении в будущем условий контракта. В ходе такого же процесса возникают договорные обязательства сторон в условиях действия принципа свободы договора.

Значительное внимание уделено Дж. Коммонсом исследованию принципа свободы воли, которую он называет «основой и мерилем справедливой стоимости». Наличие свободной воли покупателя и продавца использовано экономистом в качестве отправной точки для всей экономической теории вместо традиционной предпосылки об эгоистичном поведении. «Поскольку добрая воля – это не только добрая воля потребителей, но и добрая воля банкиров и инвесторов, рабо-

чих и продавцов материалов, землевладельцев и арендаторов, и даже конкурирующих между собой сторон, то ее проявления в известной степени могут расцениваться судом как противоречащие общественным интересам» [12].

Научный интерес для цивилистов представляет и проведенный Дж. Коммонсом анализ категории «коллективные действия», в результате которого ученый доказал, что коллективные действия контролируют индивидуальные действия через физические, моральные или экономические санкции и тем самым выступают в качестве ограничителей действий индивидуальных и примеряют противоречивые интересы. Следуя логике Дж. Коммонса, можно по-новому оценить категорию «общественных интересов», которая вызывает оживленные дискуссии в среде цивилистов и к которой апеллирует гражданское законодательство при установлении различного рода ограничений участников гражданских отношений.

Высказанные Д. Коммонсом идеи не сразу завоевали популярность, но как отмечают Р. Бэрроуз и Ц. Вельяновский, «в тех сферах, где право имело очевидное влияние на хозяйственную жизнь, происходило постепенное сближение этих двух наук — например, в изучении проблем антитрестовского регулирования, торговой политики и др.» [4]. Самостоятельное направление экономической и правовой мысли, изучающее соотношение экономики и права, окончательно сформировалось в середине 60-х годов XX века. Наиболее яркими его представителями, чьи работы полезно использовать в качестве теоретической базы при проведении цивилистических исследований, были: Р. Коуз [13], Дж. Бьюкенен [3] и Р. Познер [16].

Согласно предложенной Р. Коузом теореме, все возможности для взаимовыгодного обмена полностью исчерпываются самими заинтересованными лицами при условии, что транзакционные издержки — издержки установления и защиты прав собственности и свобод, принятых в обществе, равны нулю, а права собственности точно определены. Отсюда предписание: помимо установления искусственных барьеров, в задачу законодателя входит также точная спецификация прав собственности на все ресурсы, имеющие экономическую ценность [13]. Таким образом, причину существования правовой системы Р. Коуз видел в том, что транзакционные издержки никогда не бывают равны нулю. Иными словами, если бы все индивиды полностью доверяли бы друг другу, то отпала бы сама необходимость в государственном регулировании и вмешательстве в экономику. Тем самым Р. Коуз

доказывал, что правовая система оказывает глубокое воздействие на работу экономической системы и в некотором смысле управляет ей. Эту мысль он озвучил и в своей Нобелевской лекции.

Нетрудно заметить, что вслед за Дж. Коммонсом, ученый оценивает транзакции не только с экономической, но и с юридической точки зрения, утверждая, что предметом транзакций выступают не физические объекты, как обычно полагают экономисты, а права осуществления определенных действий, установленные посредством правовой системы. Согласно утверждению Р. Коуза, любое правило, сформулированное в нормативном правовом акте или являющееся правилом делового оборота, следует рассматривать как механизм, призванный решать проблему минимизации транзакционных издержек, т.е. общеэкономическую проблему повышения эффективности использования ограниченных ресурсов.

Серьезное внимание стоит уделить цивилистам и изучению работ еще одного Лауреата Нобелевской премии по экономике — Дж. Бьюкенена, затронувшего целый спектр важных для цивилистики проблем. Во-первых, экономист блестяще определил значение Конституции как продукта единогласного решения всех граждан. Ученый полагал, что каждая конституция создана для защиты интересов нескольких поколений, включая последующие поколения, поэтому она должна эффективно ограничить государство, поставить его в жесткие рамки, и тем самым гарантировать суверенитет каждого индивида. Во-вторых, ученый рассматривал правовую систему и закон как своеобразный общественный капитал, отдача от которого повышается с течением времени. Дж. Бьюкенен смог убедительно аргументировать тезис о том, что именно четкое определение прав индивидов создает предпосылки для эффективного функционирования рыночной экономики. В-третьих, Дж. Бьюкененом сумел точно охарактеризовать роль государства в рыночной экономике как средства реализации общественного согласия, выработки правил, которые обеспечивают социальное взаимодействие с выгодой для каждого, в соответствии с двумя функциями: «государство защищающее» и «государство производящее». «Государство защищающее», являющееся результатом соглашения людей, выступает своеобразным гарантом соблюдения ими конституционного договора, а «государство производящее» производит общественные блага. Эта функция государства возникает на базе конституционных прав и свобод как своеобразный договор между гражданами по поводу удовлетворения их совместных потребностей

в ряде товаров и услуг [15]. Серьезное внимание уделено Дж. Бьюкененом угрозе неконтролируемого роста государства, экспроприации им прав индивидов, называя такое государство, вслед за Томасом Гоббсом, Левиафаном¹. По мнению ученого, государство защищающее берет на себя все больше полномочий и изменяет сами конституционные нормы, т.е. изменяет базовую структуру прав без согласия на то граждан [3]. Идеи Дж. Бьюкенена о государстве могут использоваться в качестве теоретической базы при исследовании правового статуса государства как участника гражданских правоотношений.

Наиболее органично сочетается рассмотрение вопросов права и экономики в работах Р. Познера — основоположника экономического анализа права [16]. Ученый смог доказать каким образом экономический инструментарий может использоваться для анализа различных отраслей права, в том числе и частноправовых. Кроме того, Р. Познер сформулировал важный для юристов принцип минимизации транзакционных издержек, в соответствии с которым любые решения правовых органов должны соответствовать критерию экономической эффективности. Р. Познер сформулировал максимум: юридические правила должны подражать рынку, способствовать установлению такого распределения прав собственности, который достигал бы рынок при отсутствии транзакционных издержек, к которым экономические агенты приходили бы сами, не препятствуя им в этом положительные транзакционные издержки. Таким образом, законодатель обязан решить два основных вопроса: о том, кого следует наделять правами, и какую форму юридической защиты следует выбрать, поскольку экономическая эффективность достигается тогда, когда ресурсы достаются тем, кто может их наилучшим образом использовать [9, с. 49].

По сути, в рамках экономического анализа права был доказан тезис о том, что участники гражданского оборота руководствуются в своих действиях экономической целесообразностью, стремясь достичь максимальной выгоды с минимальными расходами. Законодателю при разработке и установлении правовых норм надлежит формулировать правовую норму таким образом, чтобы субъектам гражданского оборота было выгоднее ее соблюдать, нежели нарушать.

Экономически обоснованный вывод о том, что грамотно сформулированная правовая норма способствует снижению трансакци-

¹ Левиафан — мифическое морское чудовище, воплощающее зло.

онных издержек, может быть проиллюстрирован на примере ряда норм гражданского законодательства Республики Беларусь. Так, разработка стандартных условий сделок в договорах присоединения снижает транзакционные издержки на ведение переговоров (ст. 398 ГК РБ), в то время как отсутствие в действующем белорусском законодательстве положений об ответственности за недобросовестное ведение переговоров, напротив, способствует их увеличению. Снижению транзакционных издержек на поиск информации потребителями способствует принятие Правительством Республики Беларусь типовых договоров и положений (п. 4 ст. 396 ГК РБ); обращенное к продавцам требование о предоставлении покупателям необходимой и достоверной информации о предлагаемом к продаже товаре и способах ее предоставления (п. 1 ст. 465 ГК РБ); обязанность подрядчика до заключения договора бытового подряда предоставить заказчику необходимую и достоверную информацию о предлагаемой работе, ее видах и особенностях, о цене и форме оплаты, а также других относящихся к договору и соответствующей работе сведений (п. 1 ст. 687 ГК РБ). Снижению транзакционных издержек способствует четкая регламентация прав участников сделки и детально разработанный механизм их защиты. В частности, так называемые издержки оппортунистического поведения (ложь, обман, неисполнение договора) снижаются наличием в гражданском законодательстве норм о гражданско-правовой ответственности, о недействительности сделок, об обеспечении исполнения обязательств и т.д.

Недостатки в правовом регулировании или законодательные провалы соответственно нивелируют возможности указанных институтов снижать транзакционные издержки. Особенно это заметно на примере института собственности. Издержки спецификации и защиты прав собственности экономистами называются самыми значительными транзакционными издержками. Сформулированное Р. Познером «правило собственности»: право собственности защищено тогда, когда его можно получить от правообладателя только в результате добровольной сделки по взаимосогласованной цене. Такая форма защиты дает наименьший простор для государственного вмешательства. Сегодня, когда в белорусском обществе все громче звучат призывы предоставить государству право шире использовать экспроприацию для решения стоящих перед ним задач, идеи Р. Познера, приобретают особое значение.

Заключение

Любая наука, в том числе и цивилистика, является сложным явлением, концентрирующим научные достижения, сделанные в течение длительной истории ее развития и всегда детерминирована экономическими условиями того или иного государства. Учет экономического компонента, прямо или косвенно влияющего на результаты и научные выводы цивилистики, неоправданно остается за пределами внимания современных исследователей. Вместе с тем теория гражданского права может существенно обогатиться, используя результаты, полученные экономической наукой, необходимо лишь методологически сблизить эти науки, способствовать развитию междисциплинарных связей и шире реализовывать системный подход при рассмотрении экономических и правовых проблем. Полагаем, что в основу взаимоотношений экономической и цивилистической наук должен быть положен принцип солидарности, требующий, чтобы между этими науками была постоянная связь и взаимодействие.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С., Яковлев В.Ф.* Социалистическое хозяйство и гражданское право: тенденции и перспективы // Проблемы гражданского права. Л.: ЛГУ, 1987. 200 с.
2. *Бондаренко Н.Л.* Некоторые проблемы современной белорусской цивилистики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 94–101.
3. *Бьюкенен Дж.* Границы свободы. Между анархией и Левиафаном. М.: Таурус Альфа, 1997. С. 209–244.
4. *Бэрроуз Р., Вельяновский Ц.* Экономический подход к праву. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/6/n6-02.html> (дата обращения: 13.07.2015).
5. *Гаджиев Г.А.* Цели, предмет и содержание курса «Право и экономика». URL: http://bmpravo.ru/show_stat.php?stat=821 (дата обращения: 13.07.2015).
6. *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. URL: <http://www.twirpx.com/file/78517/> (дата обращения: 13.07.2015).
7. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 411 с.

8. *Данкварт Г.* Гражданское право и общественная экономия: этюды. СПб.: Заленский и Любарский, 1866. 217 с.
9. *Капелюшников Р.И.* Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). М.: ИМЭМО, 1990. 90 с.
10. *Комиссарова Е.Г.* Методологический потенциал гражданско-правовой науки // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22). С. 310–315.
11. *Коммонс Джон Р.* Правовые основы капитализма М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 414 с.
12. *Коммонс Джон Р.* Институциональная экономика. URL: <https://www.google.com/> (дата обращения: 13.07.2015).
13. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993. 192 с.
14. *Кузнецова О.А.* Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 254–270.
15. Новая политическая экономия Джеймса Бьюкенена. URL: <http://50.economicus.ru/index.php?ch=5&le=47&r=4&z=1> (дата обращения: 13.07.2015).
16. *Познер Р.А.* Экономический анализ права. СПб.: Экономическая школа, 2004. 522 с.
17. *Покровский И.А.* Желательная постановка гражданского права в изучении и преподавании. URL: <http://www.civilista.ru/articles.php?id=62> (дата обращения: 13.07.2015).
18. *Санникова Л.В.* Научно-исследовательская деятельность аспиранта как основной вид деятельности аспиранта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 271–275.
19. *Серова О.А.* Выбор парадигмы научного исследования: проблемы методологии и внешней оценки // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 276–283.
20. *Черновалов А.В.* Экономическая теория права: курс лекций. Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2010. 137 с.

References

1. *Alekseev S.S., Yakovlev V.F. Sotsialisticheskoe hozyaystvo i grazhdanskoe pravo: tendentsii i perspektivy* [Socialist Economy and Civil Law: Trends and Prospects] // *Problemyi grazhdanskogo prava* – Problems of Civil Law. Leningrad: LGU, 1987. 200 p. (In Russ).

2. Bondarenko N.L. *Nekotorye problemy sovremennoy belorusskoy tsivilistiki* [Some Problems of the Modern Belarusian Civil Law] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2014. № 4 (26). P. 94–101. (In Russ).

3. Byukenen Dzh. *Granitsyi svobodyi. Mezhdru anarhiey i Leviatanom* [The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan]. Moscow: Taurus Alfa, 1997. P. 209–244. (In Russ).

4. Berrouz R., Velyanovskiy Ts. *Ekonomicheskii podhod k pravu* [The Economic Approach to Law] URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/6/n6-02.html> (date of the application: 13.07.2015). (In Russ).

5. Gadzhiev G.A. *Tseli, predmet i sodержanie kursa «Pravo i ekonomika»* [Objectives, subject and content of the course “Law and Economics”]. URL: http://bmpravo.ru/show_stat.php?stat=821 (date of the application: 13.07.2015). (In Russ).

6. Gambarov Yu.S. *Grazhdanskoe pravo. Obschaya chast.* [Civil Law. a Common Part]. URL: <http://www.twirpx.com/file/78517/> (date of the application: 13.07.2015). (In Russ).

7. Gribanov V.P. *Osuschestvlenie i zaschita grazhdanskih prav* [Exercise and Protection of Civil Rights]. Moscow: Statut, 2001. 411 p. (In Russ).

8. Dankvart G. *Grazhdanskoe pravo i obschestvennaya ekonomiya: etyudyi* [Civil Law and Public Savings: Studies] SPb.: Zalenskiy i Lyubarskiy, 1866. 217 p. (In Russ).

9. Kapelyushnikov R.I. *Ekonomicheskaya teoriya prav sobstvennosti (metodologiya, osnovnyie ponyatiya, krug problem)* [Economic Theory of Property Rights (Methodology, Basic Concepts, the Range of Problems)]. Moscow: IMEMO, 1990. 90 p. (In Russ).

10. Komissarova E.G. *Metodologicheskii potentsial grazhdansko-pravovoy nauki* [Methodological Potential of the Civil Science] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2013. № 4. P. 310–315. (In Russ).

11. Kommons Dzhon R. *Pravovyye osnovyi kapitalizma* [The legal foundations of capitalism]. Moscow: Higher School of Economics, 2011. 414 p. (In Russ).

12. Kommons Dzhon R. *Institutsionalnaya ekonomika* [Institutional Economics]. URL: <https://www.google.com/> (date of the application: 13.07.2015). (In Russ).

13. Kouz R. *Firma, ryinok i pravo: sb. st.* [The Company, the Market and the Right: a coll. of art.]. Moscow: Delo, 1993. 192 p. (In Russ).

14. Kuznetsova O.A. *Metodyi nauchnogo issledovaniya v tsivilisticheskikh dissertatsiyah* [Methods of Scientific Research in Civil Dissertations] // *Vest-*

nik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2014. № 4 (26). P. 254–270. (In Russ).

15. *Novaya politicheskaya ekonomiya Dzheymsa Byukenena* [The New Holitical Economy of James Buchanan]. URL:// <http://50.economicus.ru/index.php?ch=5&le=47&r=4&z=1> (date of the application: 13.07.2015). (In Russ).

16. *Pozner R.A. Ekonomicheskiy analiz prava* [Economic Analysis of Law] SPb.: The School of Economics, 2004. 522 p. (In Russ).

17. *Pokrovskiy I.A. Zhelatelnaya postanovka grazhdanskogo prava v izuchenii i prepodavanii* [The Desired Formulation of Civil Law in the Study and Teaching]. URL: <http://www.civilista.ru/articles.php?id=62> (date of the application: 13.07.2015). (In Russ).

18. *Sannikova L.V. Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' aspiranta kak osnovnoy vid deyatel'nosti aspiranta* [Research Activities as a Principal Activity of Postgraduates] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2014. № 4 (26). P. 271–275. (In Russ).

19. *Serova O.A. Vybor paradigmy nauchnogo issledovaniya: problemy metodologii i vneshney otsenki* [The Choice Paradigm of Scientific Research: Problems, Methodologies and External Evaluation] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2014. № 4 (26). P. 276–283. (In Russ).

20. *Chernoalov A.V. Ekonomicheskaya teoriya prava: kurs lektsiy* [Economic Theory of Law: a Course of Lectures]. Brest: BrGU A.S. Pushkina, 2010. 137 p. (In Russ).

SOME METHODOLOGICAL PROBLEMS OF INTERACTION OF CIVIL AND ECONOMIC SCIENCES

N.L. Bondarenko

International Law International University «MITSO»

21/3, Kazintsa st., Minsk, 220099

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990

E-mail: 2iu@tut.by

Introduction: the article proves the thesis of the interdependence of civil and economic sciences and the need for their constant interaction. **Purpose:** to argue

*the position that results from economic science must be used in the search for ways to improve the functioning of the institutions of civil law. **Methods:** the methodological basis of the research is a set of methods of cognition: universal, general science and private science. Leading role for the purposes of this research are historical and legal, comparative legal, analytical and critical and systematic methods. **Results:** states that the lack of scientific support of ongoing economic reforms in the country to a certain extent due to the lack of interaction between the economic and the civil law sciences. It is advisable to promote the economic and legal interdisciplinary scientific research, overcoming the desire to limit the scope of the subject of study only one science. **Conclusions:** the theory of civil law can significantly be enriched by referring to the writings of economists: Adam Smith, John. Buchanan, John R. Commons, Ronald Coase, R. Posner et al. Have disclosed a position of economic science essence of such institutions as the civil law transactions, property, contract, legal entity examine the important issues for the civil circulation of free will, the inviolability of property, the admissibility of state intervention in private law relations, etc.*

Keywords: science; law; economics; civics; interaction; interdependence; methodology.

ПРИЕМЫ ЗЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

А.В. Волков

Доктор юридических наук, профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин

Московская академия экономики и права

117105, Москва, Варшавское шоссе, 23

E-mail: irbisadvokat@gmail.com

***Введение:** статья посвящена недостаточно изученной в современной науке гражданского права проблеме приемов злоупотребительного толкования норм права. К частнонаучным методам правовых исследований относится и метод толкования правовых норм. При этом недопустимо ни при проведении теоретических разработок правовых проблем, ни в процессе правоприменения прибегать к злоупотребительному толкованию правовых предписаний для личной выгоды, в ущерб другим субъектам права. **Методы:** при проведении исследования использовались общенаучные методы диалектической и формальной логики, а также формально-юридический метод и метод толкования гражданско-правовых норм. **Результаты:** обосновано деление субъективных источников злоупотребления гражданскими правами на социальные и индивидуальные (ментально-волевые). При этом последние включают в себя три приема злоупотребительного толкования: злоупотребительные суждения (злоупотребительное отождествление норм права; злоупотребительное игнорирование фактов; злоупотребительный выбор норм права; злоупотребительное заключение от противного); злоупотребительные умозаключения (злоупотребительная дедукция; злоупотребительная индукция; злоупотребительная редукция; злоупотребительная аналогия); злоупотребительные схемы (создание искусственной ситуации правонарушения; использование судебных актов (решений); использование административных актов; злоупотребление правом на отказ в защите в соответствии со ст. 10 ГК РФ). **Вывод:** изложенный взгляд на злоупотребительное толкование гражданско-правовых норм позволяет выстроить определенную методологию изучения этого правового явления в современной России.*

Ключевые слова: толкование гражданского права; злоупотребление правом; злоупотребительное толкование правовых норм; свобода воли; воля; разумность; добросовестность.

Введение

В соответствии со ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). При этом злоупотребление гражданским правом можно определить как особый вид гражданского правонарушения, связанного с умышленным выходом управомоченного лица в ситуации правовой неопределенности за внутренние пределы (смысл, назначение) субъективного гражданского права (определяемые в том числе критериями разумности и добросовестности) для достижения своей незаконной скрытой цели с использованием формализма и недостатков гражданского права, как-то: абстрактность, узость, пробелы, оговорки, ошибки, противоречия правовых норм и договорных условий и т.п. В упрощенном варианте злоупотребление гражданским правом — это недобросовестное правопользование в условиях правовой неопределенности [1, с. 222].

Намерения злоупотребляющего правом лица, о которых идет речь в ст. 10 ГК РФ, возникают не спонтанно, а обусловлены его сложившимся под влиянием общества мировоззрением. Мировоззрение, по меткому замечанию М. Шелера, — это «управляющий всей культурой или одной личностью вид селекции и членения, в котором оно (мировоззрение) фактически вбирает чистую сущность физических, психических и идеальных вещей, независимо от того, как совершается их сознание, и даже от того, происходит ли это осознание вообще» [2, с. 375]. Мировоззрение, следуя физическому и духовному развитию индивидуума, формируется изначально в семье, затем развивается в школе, высших учебных заведениях и в конечном итоге «кристаллизуется» в профессиональной деятельности юриста. Отсюда к субъективным источникам злоупотребительного правоосуществления относятся социальные предпосылки проявления определенного мировоззрения, а также индивидуальная «техника» ментально-волевой деятельности субъектов гражданского права, направленная на намеренное извлечение путем толкования из средств граждан-

ского права выгодных для себя суждений, умозаключений, которые становятся основой их юридически значимых (хотя и незаконных) действий.

Субъективные суждения в той или иной форме могут быть не просто умственным актом, выражающим отношение субъекта к средству права, но и вполне конкретным злоупотребительным планом его квази-юридических действий. Квази-логика, присутствующая в этих заключениях, является тем внешним прикрытием, посредством которого создается видимость легального осуществления гражданских прав и исполнения юридических обязанностей. Таким образом, субъективные источники злоупотреблений гражданскими правами обусловлены как объективной действительностью внутри общества, так и собственным сознанием каждого из его индивидуумов. Поэтому условно субъективные источники можно разделить на *социальные и индивидуальные (ментально-волевые)*.

Социальные, установочные, мировоззренческие предпосылки относятся к косвенным источникам злоупотреблений гражданскими правами. Непосредственно в предмет гражданского права они не входят. Поэтому оговоримся, что с учетом того, что субъектом злоупотреблений в подавляющем количестве случаев является юрист, социальные источники злоупотреблений правами можно условно классифицировать на: а) пробел воспитания; б) пробел образования; в) правовой нигилизм.

Сложившееся в результате пробелов воспитания и образования мировоззрение индивидуума, к тому же «наложенное» на прагматические цели профессиональной юридической деятельности, создает почву для формирования непосредственно в сознании субъектов права злоупотребительных намерений. При этом все злоупотребительные намерения проходят в своем мышлении определенные ментальные стадии. Если их приблизить к гражданскому праву, то к индивидуальным источникам злоупотреблений гражданскими правами необходимо отнести различные формы умственных актов, избираемых и производимых с использованием средств гражданского права и под контролем воли злоупотребляющего субъекта, направленных на извлечение личных выгод в ущерб противостоящим лицам. По нашему мнению индивидуальные, т.е. ментально-волевые, источники злоупотреблений гражданскими правами подразделяются на: 1) злоупотребительные суждения; 2) злоупотребительные умозаключения; 3) злоупотребительные схемы.

Злоупотребительные суждения

Суждение в структурном плане есть усложненная форма анализа. Суждение в гражданских правоотношениях представляет собой ментальный акт, выражающий простое отношение лица к той или иной законодательной норме, правилу, положению, и т.д., которые регулируют то или иное имущественное либо неимущественное отношение. В злоупотребительном суждении проявляется несложное логическое обоснование выбора необходимой субъекту «ложной» нормы, «ложного» правила гражданского права при полном игнорировании тех правил, которые действительно должны быть применены к отношениям противостоящих лиц. Например, конкурсный управляющий в силу закона (ст. 129 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)») имеет возможность распоряжаться имуществом должника. «Право распоряжения, — рассуждает управляющий, — означает не только продажу имущества, но и передачу его в аренду». Отсюда имущество, входящее в конкурсную массу, незаконно сдается арбитражным управляющим в аренду (как правило, за наличные деньги).

В правовых отношениях юридическая квалификация дела производится с помощью умозаключения, т.е. по правилам логического силлогизма. Большую предпосылку здесь образует норма права, где решающее значение имеет ее гипотеза, определяющая область жизненных обстоятельств, наличие или отсутствие которых является основанием для применения этой нормы права. Малую предпосылку составляют выявленные по проблемному случаю конкретные факты. Эти факты сравниваются в своих признаках с рядом обстоятельств, закрепленных в гипотезе. Их степень совпадения и лежит в основе заключения о том, что норма права (большая посылка) относится (либо не относится) к этому случаю и порождает (либо не порождает) последствия, предусмотренные санкцией нормы.

Под простым злоупотребительным (выводом) суждением для удобства мы будем понимать весь ряд мыслительных операций, т.е. формирование большой посылки, малой посылки и заключения. Исходя из различных комбинаций между структурными элементами силлогизма, можно условно выделить следующие виды злоупотребительных суждений: а) злоупотребительное отождествление норм права; б) злоупотребительное игнорирование фактов; в) злоупотребительный выбор норм права; г) злоупотребительное заключение от противного. Оговоримся, что предложенные виды злоупотребительных суждений

(заключений) достаточно условны и на практике иногда не отделяются друг от друга или «переливаются» один в другой, но все они нарушают закон достаточного основания, который формулируется следующим образом: любая истинная мысль должна иметь достаточное основание.

К простейшим злоупотребительным мыслительным операциям относится злоупотребительное отождествление норм права, т.е. элементов, относящихся к большой посылке логического силлогизма. Злоупотребляющий субъект в большой посылке суждения полностью или в части незаметно (без анализа) подменяет «родную», т.е. необходимую к применению в данном случае, норму права, близкой по некоторым признакам «родной» норме, однако ложной по правовому значению. При ложной большой посылке в логическом силлогизме финальное суждение — заключение — также будет ложным. Злоупотребительное отождествление отличается от обычной профессиональной ошибки суждения при применении норм права тем, что субъект злоупотребления доподлинно знает, какую норму права необходимо применять (ставить в большую посылку) в действительности, но намеренно ее обходит, предпочитая использовать ложный элемент. В повседневной практике эти формы правоприменительных суждений очень распространены и фактически образуют огромный латентный пласт злоупотребительных актов под циничной формулой: «лично я закон понимаю именно так...». Демонстрируя подобную «убежденность» в понимании буквы закона, злоупотребляющее лицо тем не менее понимает истинный смысл нормы и дух закона, но сознательно к ним не присоединяется.

Злоупотребительное игнорирование фактов представляет собой следующий вид злоупотребительных суждений (выводов), где в отличие от злоупотребительного отождествления происходит полная либо частичная подмена уже малой посылки в силлогизме, т.е. фактов. Спорные отношения являются тем «материалом» в логическом силлогизме, к которому поочередно применяются по принципу совпадения гипотезы норм гражданского права. При наибольшем количестве совпадений делается вывод, что именно избранная норма права относится к исследуемому правоотношению. Но если злоупотребляющее лицо полностью либо в части подменяет конкретные по делу факты, то это неизбежно приводит к применению ошибочной гипотезы в большой посылке и следом к ложному финальному заключению — квалификации правоотношений. Подставку неверных сведений с намеренным сокрытием истинных фактов и последующее суждение с выходом на

«ложную» норму права при квалификации правоотношений мы называем злоупотребительным игнорированием.

К усложненным злоупотребительным финальным суждениям (заключениям) относится злоупотребительный выбор нормы права. Это мыслительная операция злоупотребляющего субъекта заключается в предварительном анализе и сравнении «конкурирующих» норм права, предназначенных для включения в большую посылку силлогизма, затем по аналогичным, но не тождественным признакам осуществляется выбор необходимой нормы и «инсталляция» ее в большую посылку, которая, в свою очередь, при внешнем сохранении логичного рассуждения приводит тем не менее к ложному финальному выводу. Злоупотребительное сравнение может заключаться и в анализе двух норм права, предназначенных для включения в большую посылку по принципу исключения третьего, в то время как обе нормы ложны. Злоупотребляющая сторона в последнем случае сначала в результате ложного анализа создает искусственную ситуацию (предпосылку), а затем со ссылкой на подходящую норму права реализует свой незаконный интерес. От простого злоупотребительного отождествления злоупотребительный выбор нормы отличается наличием предварительного суждения в форме сравнительного анализа «конкурирующих» норм права, внутри которого, а не в последнем силлогизме происходит подмена понятий.

Злоупотребительное заключение от противного образуется в результате логического «отталкивания» от существующей в силлогизме большой посылки. Обычно в этих случаях эксплуатируется абстрактный характер гипотезы — нормы права, избранной для толкования. Цепь злоупотребительного заключения состоит в выведении из якобы неопределенной нормы путем личных размышлений правила, которого в действительности там нет и быть не может. Так, например, в п. 1 ст. 234 ГК РФ установлено, что «лицо — гражданин или юридическое лицо, — не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность)». «Поскольку анализируемая норма ничего не говорит, о том, что собственник должен быть приобретателем не известен, — рассуждает субъект злоупотребления, — то приобретатель по истечении установленных сроков имеет право оформить имущество на праве собственности». При этом субъект намеренно игнорирует норму права, находящуюся в ст. 218 ГК РФ, которая установила, что право

собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества.

Злоупотребительные умозаключения

Злоупотребительное умозаключение в гражданском праве представляет собой умственную операцию субъекта, который связывает ряд посылок из правовых норм различного содержания в определенное суждение, которое становится внешним обоснованием его незаконной деятельности. При этом целью всех мыслительных процессов является получение «на выходе» не истинного заключения (знания), а ложного обоснования (квази-знания). В злоупотребительных умозаключениях формы (способы) логических рассуждений поднимаются над их смыслом и незаметно нарушают тождество посылок в угоду злоупотребительному заключению (толкованию). Именно так представление о толковании законов стало связываться с печально известной поговоркой про закон и дышло.

Из всех выводных суждений с точки зрения злоупотреблений гражданскими правами можно выделить четыре вида умозаключений: *а) злоупотребительная дедукция; б) злоупотребительная индукция; в) злоупотребительная редукция; г) злоупотребительная аналогия.* При этом мы сознательно отходим от принятой в формальной логике классификации умозаключений на исключительно индуктивные и дедуктивные; от понятия силлогизма как выведения знаний исключительно от общего к частному; от того, что только 19 модусов силлогизма из 64 дают логические правильные заключения, и т.п., поскольку речь в данной классификации идет о злоупотребительных умозаключениях. Цепь нормальных умозаключений возникает благодаря тому, что вывод одного умозаключения становится посылкой в другом умозаключении или наоборот. В приведенных злоупотребительных видах умозаключений подобная связь в том или ином виде нарушается, а истинное заключение незаметно подменяется на ложное.

Злоупотребительная редукция, к примеру, образует усложненный злоупотребительный дедуктивно-индуктивный или злоупотребительный индуктивно-дедуктивный мыслительный процесс, заключающийся не только в переходе от общего к частному (или наоборот, от частного к общему), но и возврат к общему (либо частному). При этом финальное ложное заключение обусловлено либо подменой одной из

посылок в цепи умозаключений, либо редуцированием ложного финального вывода из истинных посылок. Злоупотребительная редукция может проявляться сначала в выведении нового регулирующего правила, его обоснования, а затем злоупотребительного распространения (редуцирования) этого правила на конкретный случай.

Злоупотребительные схемы

Последним и сложнейшим индивидуальным источником злоупотреблений гражданскими правами являются злоупотребительные схемы. В схемах осуществляется многоуровневое планирование действий, создаются искусственные ситуации, используется сложный состав мнимых и притворных правоотношений, способы «защиты», схемы завладения имуществом, включая эксплуатацию различных конструкций гражданского права, осуществляется «выход» в смежные отрасли права (например, в административное либо налоговое право), используются в качестве «преюдициальных» судебные решения, мировые соглашения, а также весь «набор» средств, направленных на профилактику злоупотреблений. Кроме того, и ст. 10 ГК РФ, предназначенная для пресечения злоупотребления правами, парадоксально, но все чаще сама становится средством для злоупотреблений.

Злоупотребительные схемы, на наш взгляд, условно можно подразделить на следующие виды: а) создание искусственной ситуации правонарушения; б) использование судебных актов (решений); в) использование административных актов; г) злоупотребление правом на отказ в защите в соответствии со ст. 10 ГК РФ.

Библиографический список

1. *Волков А.В.* Теория концепции «Злоупотребление гражданскими правами». Волгоград: Станица-2, 2007. 375 с.
2. *Философский словарь: основан Г. Шмидтом / Общ.ред. В.А. Малинин.* М.: Республика, 2003. 576 с.

References

1. *Volkov A. V. Teorija koncepcii «Zloupotreblenie grazhdanskimi pravami».* [Theory the concept of “Abuse of civil rights.”]. Volgograd: Stanica-2, 2007. 222 p. (In Russ).

2. *Filosofskii slovar': osnovan G. SHmidtom / Obsh. red. V.A. Malinin.* [Philosophical Dictionary: based Helmut Schmidt], in V.A. Malinin (ed.). Moscow: Republic, 2003. 576 p. (In Russ.).

WAYS OF ABUSIVE INTERPRETATION OF THE LAW RULES: METHODOLOGICAL ISSUES

A.V. Volkov

Moscow Academy of Economics and Law

23, Varshavskoe Sh., Moscow, 117105

E-mail: irbisadvokat@gmail.com

Introduction: *this article deals with the topic that is not sufficiently studied in the modern civil law science – a problem of methods of abusive interpretation of the law rules. A method of interpretation of the law rules is also referred to the particularistic scientific research methods of law studies. Wherein, it is inadmissible to use the abusive interpretation of law rules for personal benefit in prejudice of other legal entities, neither during the theoretical studies of legal problems, nor in the process of law enforcement. Methods:* during the studies universal scientific research methods of dialectical and formal logics were used, also legalistic method and method of interpretation of civil law rules. **Results:** *was justified the division of subjunctive sources of civil law rules abuse: social and individual (mental and willed). While individual include three methods of abusive interpretation: abusive judgment (abusive identification of law rules; abusive ignore of facts; abusive choice of law rules; abusive conclusions to the contrary); abusive conclusions (abusive deduction; abusive induction; abusive reduction; abusive analogy); abusive schemes (creating artificial situation of law offence; using of judicial acts (ruling); using of administrative acts; abusing the right to refuse the defense in accordance with article 10 Civil Code of RF).* **Conclusion:** *the represented view for the abusive interpretation of civil law rules allows to construct the certain methodology of studies of this legal phenomenon in modern Russia.*

Key words: *civil law interpretation; abuse of right; abusive interpretation of the law rules; free will; will; reasonableness; integrity.*

ЦЕЛЬ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Г. Голубцов

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: v.golybtcov@gmail.com

О.А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор кафедры
гражданского права
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

***Введение:** в статье анализируются и критикуются формулировки целей цивилистических диссертаций, которые зачастую не соответствуют ни требованиям логики, ни правилам лингвистики, ни условиям присуждения ученых степеней. **Цель:** выявить проблемы определения диссертантами целей научных исследований и предложить пути их решения. **Методы:** эмпирические методы сравнения, измерения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** проведенное исследование показало, что многие начинающие ученые-цивилисты крайне формально относятся к определению цели своей научной работы, не видят ее связь с решаемой научной проблемой, не учитывают результаты уже защищенных и опубликованных диссертаций. **Выводы:** цель научной работы должна быть связана с вновь обнаруженной и неразрешенной научной проблемой, на что следует указывать во введении к диссертации. Необходимо признать деление научно-квалификационных работ на теоретико-цивилистические и цивилистико-прикладные, что важно прямо отражать в цели исследования. Цель диссертации может быть*

поставлена правильно только тогда, когда исследователь ознакомлен со всеми ранее опубликованными диссертационными работами по рассматриваемой тематике. Необходим учет проводимых цивилистических исследований для исключения их повторяющихся целей, что будет содействовать оптимизации деятельности научных организаций и отдельных ученых. Перспективным видится становление гражданско-правового науковедения, способного на высоком методологическом уровне систематизировать истинно научные проблемы, решение которых было бы действительно направлено на развитие цивилистической науки.

Ключевые слова: *цель цивилистического исследования; задача, имеющая значение для развития гражданского права; научная цивилистическая проблема; цивилистическая методология; гражданско-правовое науковедение; присуждение ученых степеней.*

Введение

Трудно представить себе направление работы ученого, сопоставимое по важности с постановкой и формулированием цели научного исследования. Конечный результат, к которому стремится ученый, предопределяет выбор объекта, предмета, теоретической и эмпирической базы работы. И, безусловно, именно цель научной работы обуславливает выбор методов научного познания, ее методологии. Вряд ли кто-либо из ученых будет спорить с тем, что именно целеполагание является первичной и главной фазой исследовательского процесса, подчиняющим его себе. От правильности постановки цели зависит и успех исследования, и его конечные результаты.

В связи с этим большой интерес представляет ответ на вопрос: насколько верно молодые ученые-цивилисты избирают и формулируют цель своих диссертационных работ и что в действительности под ней следует понимать?

Выборочный анализ 100 авторефератов диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03, защищенных в период с 1997 по 2015 г., позволил заключить, что для формулировки цели чаще всего избирается один из вариантов следующего терминологического ряда:

1) разработка (формулировка, выработка) теоретической основы (нового подхода, научной концепции, представления, концептуальных положений, теоретических положений) — 10;

2) анализ (комплексный, всесторонний, научный, правовой, теоретический, теоретико-правовой) – 27;

3) рассмотрение (комплексное, системное) – 6;

4) исследование (комплексное, научное, теоретическое, всестороннее, современное) – 16;

5) установление (раскрытие, выявление, выяснение) сущности (правовой природы) – 9;

6) изучение (комплексное, детальное, всестороннее) – 7;

7) обоснование (осмысление) (теоретическое, научное) – 4.

Кроме того, в 35 авторефератах в начале формулировки цели было заявлено, что анализ (рассмотрение, исследование, изучение) осуществляется «на основе анализа гражданского законодательства, доктрины и практики применения»; в 46 авторефератах в качестве цели в конце ее формулировки указывалась «разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения».

В результате в большинстве случаев в цивилистических диссертациях мы видим примерно следующее определение цели исследования: «на основе анализа гражданского законодательства, доктрины и практики применения ...разработка теоретической основы (анализ, рассмотрение, исследование, установление сущности, изучение, обоснование) *заемного обязательства (прощения долга, доли в уставном капитале, сервитута, понятия договора, банковской гарантии и проч.)*, а также разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения». В отдельных случаях цель исследования «сжимается» диссертантами до «изучения действующего законодательства по теме и дачи предложений по его совершенствованию».

Насколько корректны и приемлемы такие формулировки цели?

Во-первых, не будем забывать, что в диссертационных исследованиях по юридическим наукам, помимо цели, обязательным является указание на теоретическую, нормативно-правовую, эмпирическую основу (базу) работы. О том, что диссертант основывает свою работу на определенных научных источниках, на конкретных законодательных актах, на материалах судебной практики, он пишет в соответствующих разделах введения: «Теоретическая основа работы», «Нормативно-правовая основа работы», «Эмпирическая основа работы». Какой смысл дублировать это и в цели работы?

Во-вторых, во введении к диссертации есть раздел «Теоретическая и практическая значимость работы», где перечисляются разработанные

научные концепции, доктринальные понятия, классификации, а также конкретные предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения. Может ли новая формулировка конкретной статьи ГК РФ быть целью (либо одной из целей) научного исследования? Думается, что нет, поскольку все возникшие у исследователя-цивилиста отдельные предложения по совершенствованию действующего законодательства — это последствия достижения цели научной работы, за исключением случая, когда работа носит не научно-теоретический, а научно-практический характер. Значение диссертации в ценности научного исследования, которое объясняет нам, для чего нужна работа, а цель — это то, что должно быть получено в результате ее проведения.

В-третьих, исключительно «изучение действующего законодательства и выдача предложений по его совершенствованию» в любом случае могут быть целью только научно-прикладного исследования, что должно найти однозначное отражение и в названии работы, и в ее результатах.

В-четвертых, термины *«разработка»*, *«анализ»*, *«рассмотрение»*, *«исследование»*, *«установление»*, *«изучение»*, *«обоснование»* во многом синонимичны. Но выбор одного из синонимов требует от ученого кропотливого поиска, учета всех лексических нюансов, оттенков каждого из них. Например, *анализ* — это один из методов исследования, причем не единственный, применяемый в цивилистических диссертациях. *Исследование*, строго говоря, тоже не может быть целью диссертации, так как цель — это конечный результат научного исследования, а не его процесс. Акцент в *изучении* (и *рассмотрении*) делается в большей степени на обучении чему-то самого изучающего лица. Безусловно, это неплохо, что диссертант *изучил* заемное обязательство, но в чем здесь ценность для науки? Любой студент при подготовке к экзамену так же, как практикующий юрист при подготовке к судебному процессу, изучает (рассматривает), например, заемное обязательство (кстати, нередко именно на основе анализа законодательства, доктрины и практики), в чем в таком случае их отличие от ученого?

В-пятых, добавление в описании цели цивилистического исследования к *разработке* (*установлению*, *обоснованию* и *проч.*) таких определений, как *комплексная*, *всесторонняя*, *научная*, *правовая*, *детальная*, также не имеет большого смысла, так как диссертация — это научное исследование, оно не может быть некомплексным, односторонним, недетальным. А представить себе, что целью цивилистического иссле-

дования может быть внеправовая или ненаучная *разработка*, просто невозможно.

Однако это пусть и немаловажные, но все-таки вопросы о терминах. И хотя неточный подбор синонимов или добавление бессмысленных прилагательных не красят научно-квалификационную работу, все-таки это не самая большая проблема. Что именно *комплексно, всесторонне, научно и детально* пытается соискатель ученой степени *разработать, сформулировать, выработать, установить, раскрыть, выявить, выявить*? Вот в этом вопросе и заключена основная проблема формулировки цели научного исследования.

Цель научного исследования в свете Положения о присуждении ученых степеней

Цель диссертационного исследования имеет нормативное наименование. Согласно абз. 2 п. 9 Положения о присуждении ученых степеней целью диссертации должно быть **решение задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложение новых научно обоснованных технических, технологических или иных решения и разработки, имеющих существенное значение для развития страны** [10; 12].

Заметим: решенная задача должна иметь значение именно для отрасли знаний (для науки), а не для законодательства или практики. Причем это не означает, что решение задачи, имеющей значение для развития науки, не будет иметь прикладных законотворческих или правоприменительных последствий. Верно и обратное: отсутствие таких последствий (предложений для законодателя и правоприменителя) не делает исследование ненаучным. Целью научно-теоретического исследования является реальный новый вклад в научную доктрину, в ее развитие.

Исходя из второй части вышеизложенного нормативного правила, можно предположить, что целью цивилистической диссертации, может быть и изложение нового научно обоснованного технико-юридического решения, имеющего **существенное** значение для **развития страны**. Однако вряд ли таким значением обладает изложение двух-трех новых редакций отдельных статей ГК РФ, что мы в большинстве случаев и видим в диссертациях по гражданскому праву.

Допустим, цель цивилистического исследования сформулирована как «разработка теоретической концепции заемного обязательства»,

либо «формирование представления о заемном обязательстве», либо «раскрытие сущности заемного обязательства» и т.д. Заключение о методологической корректности и правильности формулировки цели будет зависеть от того, решается ли достижением такой цели *задача, имеющая значение для развития науки гражданского права*.

Чтобы признать вышеприведенные цели диссертационного исследования соответствующими квалификационным требованиям и правильно поставленными именно для научной работы, мы должны заключить, что успешному *развитию гражданского права* препятствует *отсутствие* теоретической концепции заемного обязательства, либо представления о заемном обязательстве, либо понимания сущности заемного обязательства. Безусловно, заемное обязательство мы взяли как абстрактный пример, вместо него могут быть подставлены и другие гражданско-правовые явления — от исковой давности и бесхозяйных вещей до договора аренды недвижимости и формы завещания.

Цель научной работы — решение вновь выявленной научной проблемы [1, с. 131]. Перед автором диссертации всегда должен стоять вопрос: является ли описанное в цели исследования решением задачи, имеющей реальное значение **для развития гражданского права**? И если да, то какой конкретно задачи? Либо: изложено ли новое научно обоснованное технико-юридическое или иное решение, имеющее **существенное** значение **для развития страны**? К сожалению, понять это из сформулированных до степени смещения целей написанных на похожие темы цивилистических диссертаций практически невозможно.

Формулировки целей исследования на примере научной разработки одного гражданско-правового явления

Приведем конкретные и очень показательные примеры постановки целей учеными, исследовавшими банковскую гарантию, и вопросов, которые в связи с соответствующей формулировкой цели возникают¹.

В 1997 г. банковская гарантия впервые стала предметом *отечественного диссертационного* исследования в работе, посвященной материально-правовым и процессуальным проблемам при обеспечении

¹ Почти во всех нижеприведенных диссертациях в формулировках цели указывалось на то, что банковская гарантия исследуется «на основе законодательства, доктрины и практики применения», а также на «необходимость разработки предложений по совершенствованию законодательства и практики», что мы в примерах по уже обозначенным причинам опустили.

кредитных обязательств договорами залога, поручительства и банковской гарантией, с целью *«комплексной оценки материально-правовых и процессуальных проблем обеспечения банковского кредита»*.

В 1999 г. проведено исследование применения банковской гарантии в торговом обороте со следующей целью: *«формулирование понятия банковской гарантии; определение места банковской гарантии в системе способов обеспечения; выявление аспектов правового регулирования применения банковской гарантии; определение правовой природы соглашения о предоставлении банковской гарантии и взаимных обязанностей гаранта и принципала, возникающих из этого соглашения; выявление прав и обязанностей участников, возникающих из выдачи и принятия банковской гарантии; определение характера, оснований, объема и пределов ответственности гаранта по банковской гарантии и сторон по соглашению о предоставлении банковской гарантии»*. В этом же году состоялась работа на тему об обеспечительной ценности поручительства и банковской гарантии в системе правовых способов, гарантирующих исполнение кредитного договора, с целью *«изучения и анализа наиболее значимых теоретических и практических проблем, связанных с возможностями обеспечить надлежащее исполнение кредитных обязательств посредством поручительства и банковской гарантии, а также показать их место в системе правовых способов, гарантирующих исполнение кредитного договора»*. При этом исследование, уже выполненное в 1997 г., в работах 1999 г. не упоминается.

В 2001 г. проведена научная работа с целью *«комплексного и по возможности всестороннего исследования банковской гарантии»*. Следует ли из этой цели, что предыдущие исследования были «некомплексными» и недостаточно всесторонними?

В 2003 г. банковская гарантия подвергалась исследованию трижды (!).

Во-первых, с целью *«изучения и анализа теоретических и практических вопросов, возникающих в сфере применения банковской гарантии в качестве обеспечительного обязательства»*. Можно ли сделать вывод, что предыдущие работы не охватывали изучение и анализ таких вопросов, особенно с учетом того, что в 1997 г. была проведена «оценка проблем», а в 1999 г. — «изучение и анализ проблем», связанных с банковской гарантией? И следует ли из такой цели, что банковская гарантия может выступать еще в каком-либо качестве, кроме обеспечительного обязательства?

Во-вторых, с целью *«всестороннего исследования отношений, урегулированных нормами ГК РФ о банковской гарантии»*. Предыдущие исследования не имели всестороннего характера? И как автор может достигнуть цели «всестороннего исследования», когда два из четырех уже состоявшихся диссертационных исследований по теме им не изучались?

В-третьих, с целью *«комплексного исследования нормативно-правовой базы и научных трудов специалистов, касающихся института банковской гарантии»*. Можно ли сказать, что задачей, необходимой для развития науки, является отсутствие комплексного исследования законодательства и доктринальных работ о банковской гарантии, особенно с учетом уже проведенных исследований? В более ранних работах авторы *комплексно* не исследовали нормативные и научные источники, посвященные банковской гарантии?

В 2004 г. были проведены еще два исследования банковской гарантии. Первое было посвящено правовому регулированию банковских гарантий и резервных аккредитивов с целями, очень схожими в части банковской гарантии с целями научной работы, проделанной в 1999 г.: *«комплексный анализ понятия независимой банковской гарантии и резервного аккредитива; изучение правовой природы банковской гарантии и резервного аккредитива в законодательстве Российской Федерации, зарубежных стран и международном праве; определение роли и места банковской гарантии и резервного аккредитива в системе способов обеспечения исполнения обязательств; анализ особенностей правового регулирования применения банковских гарантий и резервных аккредитивов; выявление особенностей правоотношений сторон, возникающих в связи требованием платежа по независимым гарантиям и резервным аккредитивам; исследование понятия и критериев определения недобросовестности бенефициара при требовании платежа; выявление проблем, связанных с определением применимого права в спорных правоотношениях»*. Отметим, что в этой работе не использовались три из семи уже проделанных диссертационных исследований, посвященных банковской гарантии.

Второе касалось банковской гарантии как способа обеспечения обязательства по кредитному договору с целью *«изучения и анализа наиболее значимых теоретических и практических проблем, связанных с применением банковской гарантии как способа обеспечения исполнения обязательства по кредитным договорам»*. Эта цель, хотя и сформулирована применительно к кредитным договорам, практи-

чески дословно повторяет цель одной из диссертаций, написанных в 2003 г. И действительно ли изложение сути банковской гарантии применительно к договору кредитного договора решает задачу, имеющую значение для развития гражданского права? Насколько велики и значимы для **развития цивилистической науки** или **развития страны** особенности банковской гарантии по кредитному договору в отличие, например, от банковской гарантии по договору поставки или по договору подряда? Кроме того, исследования банковской гарантии применительно к обеспечению кредитного договора уже были приняты в 1997 и в 1999 гг.

В 2005 г. банковская гарантия вновь трижды (!) становится предметом диссертационных исследований.

Первое исследование было проведено с целью «*анализа* экономической и правовой *природы* банковской гарантии как способа обеспечения обязательства». Опустим комментарии по поводу такой цели в цивилистической диссертации, как анализ *экономической* природы, но «анализ правовой природы банковской гарантии» уже являлся целями исследований, проведенных в 1999 и в 2004 гг. Формулируя такую цель снова, исследователь должен обоснованно доказать, что для дальнейшего развития науки гражданского права действительно необходимо в третий раз (за шесть лет) анализировать правовую природу банковской гарантии.

Автор другой работы исследовал гарантии как правовые способы активизации инвестиционной деятельности и видел свою цель в «*выявлении, постановке и разрешении проблем* доктринальной и законодательной регламентации гарантийных обязательств, а также практики применения положений нормативных правовых актов о гарантийных обязательствах для повышения эффективности использования гарантийных обязательств в качестве правовых инструментов, способных активизировать инвестиционную деятельность в Российской Федерации». Можно ли ставить целью «выявление и разрешение проблем *доктринальной* (!) регламентации» при условии, что автор изучил только пять из девяти уже проделанных в последние годы работ по банковской гарантии?

Третья работа этого года о банковской гарантии преследовала цель «*исследовать проблемы* нормативно-правового регулирования применения банковской гарантии в предпринимательской деятельности в Российской Федерации». Отметим, что из девяти уже проведенных исследований по банковской гарантии этот автор упоминает тоже только о пяти.

В 2006 г. была выполнена работа о банковской гарантии как разновидности поручительства с целью *«изложения проблем правового регулирования отношений по банковской гарантии»*. Здесь не можем не обратить внимание на очевидное несоответствие по объему цели диссертации ее названию: все-таки изложить проблемы правового регулирования и доказать, что банковская гарантия является разновидностью поручительства, — это не одно и то же. Кроме того, следует ли из такой цели, что проблемы правового регулирования отношений по банковской гарантии так и не были изложены предыдущими исследователями?

В этом же году проведено исследование, преследующее цель *«комплексного изучения и анализа юридической литературы, действующего законодательства, выявления особенностей правового регулирования отношений, возникающих при применении банковской гарантии учреждениями ОВД»*. Выявление особенностей применения банковской гарантии учреждениями ОВД в качестве задачи, **имеющей значение для развития гражданского права, или решения, имеющего существенное значение для развития страны**, оставляем без комментариев. Следуя такой логике выбора целей цивилистических исследований, приходится предположить, что для дальнейшего развития науки гражданского права не хватает еще исследований особенностей применения банковской гарантии учреждениями ФСИН, прокуратуры, Министерства культуры и Росреестра. Кроме того, заметим, что половина из двенадцати уже состоявшихся диссертационных исследований по банковской гарантии этим автором не изучалась.

В 2007 г. увидела свет работа, в которой ставилась цель *«всестороннего исследования отношений, возникающих при использовании банковской гарантии в предпринимательской деятельности»*. Отметим, что и предшественники исследовали банковскую гарантию преимущественно на примере предпринимательской деятельности, поскольку банковская гарантия практически только в ней и используется. И можно ли из такого определения цели работы сделать вывод, что ранее банковская гарантия в предпринимательской деятельности исследовалась *не всесторонне* и это есть проблема, препятствующая дальнейшему развитию цивилистической науки, которую решает ученый, особенно с учетом того, что научная работа с такой же целью уже была проделана в 2005 г.? Отметим также, что автор этой работы основывался только на трех из четырнадцати ранее состоявшихся диссертационных исследований по теме.

В этом же 2007 г. было проведено исследование с целью *«комплексного теоретического исследования»* гарантии, как способа обеспечения обязательства». Даже с учетом того, что автор исходит из необходимости отказа от термина «банковская» применительно к гарантии и тем самым расширяет круг ее субъектов, следует ли из такой цели, что предыдущие исследования гарантии были некомплексными и нетеоретическими?

В 2008 г. была защищена диссертация с целью *«исследования правовой природы»* банковской гарантии». При этом ни одна (!) из 16 уже написанных диссертаций на тему банковской гарантии не была использована автором (во всяком случае, не упомянута ни в библиографическом списке, ни в теоретической основе работы). Возможно ли при таком уровне теоретической базы работы ставить и достичь цель *«исследовать правовую природу»* банковской гарантии? Как соотносится цель *«исследования»* правовой природы банковской гарантии с уже достигнутыми другими диссертантами целями *«определения»* правовой природы соглашения о предоставлении банковской гарантии» (1999 г.), *«изучения»* правовой природы банковской гарантии» (2004 г.) и *«анализа»* правовой природы банковской гарантии» (2005 г.)?

Таким образом, в период с 1997 по 2008 г., за 11 лет, в России было проведено как минимум 17 (!!!) научных исследований, специально посвященных банковской гарантии, общим объемом 3086 (три тысячи восемьдесят шесть!) страниц, в них сформулировано более 150 (!) положений новизны — вкладов в развитие цивилистической науки (и это при наличии всего 12 посвященных банковской гарантии статей в ГК РФ и отсутствии за весь проанализированный период не то что кардинальных, но и просто изменений в них). Можно предположить, что фактически цели этих работ явили **цивилистической науке** результаты решения 17 важных **задач, имеющих значение для ее развития**. Однако подтвердить или опровергнуть данное предположение крайне сложно.

С одной стороны, всем авторам проведенных исследований присуждено ученое звание¹, следовательно, и диссертационные советы, и ВАК подтвердили, что каждый из них достиг цели исследования

¹ Мы не подвергаем сомнению обоснованность присуждения ученой степени авторам проанализированных диссертаций, поскольку сопоставление и оценка положений новизны нами не проводились. Хотя такая работа представляет определенный интерес: можно ли в принципе внести несколько десятков новых научных вкладов в столь большой раздел науки гражданского права, которым является учение о банковской гарантии? Настолько ли научно-проблемным является этот раздел?

и решил задачу, имеющую значение для развития цивилистической науки, либо научно обосновал решение, имеющее существенное значение для развития страны.

С другой стороны, оглавления упомянутых диссертационных исследований в основе своей мало чем отличаются друг от друга: понятие, признаки, форма, виды, содержание, условия, исполнение, прекращение банковской гарантии и т.п.

Подавляющее большинство авторов указанных исследований о банковской гарантии не знакомо со многими диссертационными работами своих предшественников. А ведь цель диссертации должна формулироваться с обязательным учетом уже проделанной научной работы другими учеными, только тогда она сможет отражать существующую, еще не решенную научную проблему цивилистики. Здесь важно учитывать и особенности проверки истинности знания в общественно-гуманитарных науках: «Если для естественнонаучного знания проблема достоверности в конечном счете определяется практической проверкой, постановкой научного эксперимента, то в гуманитарной области достоверность определяется глубиной понимания, интерпретации и аргументации. Социально-гуманитарная мысль диалогична, логика диалога во многом заменяет эксперимент» [4, с. 18]. Трудно вести глубокий и аргументированный диалог с авторами неизвестных исследователю-правоведу работ, что может самым негативным образом сказаться на достоверности полученных результатов.

Кроме того, диссертационный совет в своем заключении должен оценить, согласуется ли защищаемая научно-квалификационная работа с ранее опубликованными диссертационными исследованиями, проведенными другими авторами; проведено ли сравнение авторских данных и данных, полученных ранее, по рассматриваемой тематике [11]. Думается, что это невозможно, если соискатель ученой степени не владеет информацией о содержании и результатах ранее состоявшихся диссертационных исследованиях по защищаемой тематике.

Приведенные формулировки целей исследования банковской гарантии, по сути, почти ничем не отличаются друг от друга. Несмотря на то что одни «выявляли сущность», другие проводили «теоретическое, комплексное и всестороннее исследование», третьи «изучали проблемы», четвертые «анализировали законодательство и научные труды», создается общее впечатление, что авторы пишут об одном и том же, идут к одному и тому же результату одним и тем же путем. А ведь

«ученый — это прежде всего первопроходец; это тот, кто вырабатывает новое, ранее отсутствовавшее знание; тот, кто обогащает науку — сокровищницу этого знания» [2, с. 279].

При формальном подходе к определению целей научных работ абсолютно непонятен результат, к которому стремится ученый, совершенно неясно, о чем собственно исследование и чем оно отличается от уже проделанных. И в конечном итоге не только не решаются задачи, имеющие значение для развития науки гражданского права, но и происходит «заболачивание» цивилистики научным планктоном. Возникает риторический вопрос: не юридические ли химеры [16], как умозрительные давно известные цивилистической науке конструкции, множатся в результате таких исследований? При этом многие **истинно научные** проблемы гражданско-правовой науки так и продолжают быть нерешенными.

Важнейшим требованием к начинающим исследователям является обязательный поиск, изучение и анализ результатов всех уже выполненных на схожую и смежные темы научных работ, в том числе диссертаций. Это требование не только научной этики и добросовестности, но и методологической культуры [6] цивилиста. Вполне возможно, что ту цель, которую ставит перед собой молодой ученый, уже кто-то ранее достиг и его исследование просто бессмысленно. Если диссертант ставит перед собой цель «*выявление* сущности банковской гарантии», а при этом в прошлом году было проведено исследование с целью «*выяснения* сущности банковской гарантии», а в позапрошлом году выполнялась работа с целью «*раскрытия* сущности банковской гарантии», то уже это должно зародить в нем сомнения в правильности постановки цели. В противном случае, перед нами конфликт скорее интерпретаций (языковых кодов) [13, с. 87], а не теоретических концепций.

Методологическая связь цели исследования и решаемой научной проблемы

Большим подспорьем в определении задачи должно стать обоснование конкретной научной проблемы, которую пытается решить диссертант. Снятие такой проблемы и есть **решение задачи, имеющей значение для развития гражданского права.**

Интересно отметить, что в диссертациях по другим общественным наукам (педагогике, психологии, социологии, культурологии) «проблема исследования» (и часто — «проблемная ситуация») выделяется

в качестве самостоятельного элемента структуры введения, отличного как от актуальности, так и от цели работы.

Возложение на диссертанта-юриста обязанности формулировать конкретную научную проблему заставит его по-другому посмотреть на цель, ценность и нужность своего исследования.

Допустим, ученым выбрана цель «изложение проблем банковской гарантии». В таком случае придется предположить, что научная проблема состоит в том, что «в цивилистической науке не изложены проблемы». Абсурдность определения такой цели обнаруживается сразу: проблема состоит в том, что не изложены проблемы?

Другое допущение. Автор решил обозначить в качестве цели «выявление правовой природы банковской гарантии». Какая проблема решается такой целью: в цивилистике до сих пор не выявлена правовая природа банковской гарантии? Но такая проблема в большинстве случаев не соответствует действительности: ведь в любом случае некоторый научный анализ этого явления уже проводился. Другое дело, что может быть не выявлен какой-либо аспект правовой природы этого гражданско-правового явления, тогда именно его и надо обозначать как научную проблему и формулировать соответствующую ей цель. Безусловно, такой аспект может не «потянуть» на объем диссертационного исследования. Но в таком случае ученый может подготовить на эту тему научную статью и продолжить поиск научной проблемы, соответствующий уровню диссертации.

И еще один смоделированный пример. Представим, что ученый описал свою цель как «комплексное, всестороннее исследование банковской гарантии». Ее достижение должно решать проблему «отсутствия в науке комплексного, всестороннего исследования банковской гарантии».

В момент появления какого-либо нового гражданско-правового явления мы можем констатировать, что в науке отсутствует его комплексное, всестороннее исследование, не сформировано теоретическое представление о нем. Вот удачный пример формулировки такой цели исследования, отражающей научную проблему, действительно существовавшую в период его проведения: «Цель работы состоит в научном обосновании допустимости использования в гражданском обороте непоименованных способов обеспечения обязательств, выявлении существующих непоименованных способов обеспечения обязательств с соответствующей их квалификацией и раскрытием правового содержания» [15, с. 5].

Появление банковской гарантии в гражданском законодательстве в 1994 г. обозначило научную проблему ее комплексного, системного познания и решение этой проблемы было сразу предпринято [14]. Однако, как было показано выше, мы сталкиваемся с нелепой ситуацией, при которой банковская гарантия, «пережившая» за последующий период уже сотни комплексных научных исследований (на уровне статей, диссертаций, монографий), вновь и вновь попадает под внимание ученых, ставящих перед собой цель ее «всеобъемлющего» рассмотрения.

Безусловно, серьезные изменения в базисных экономических условиях, кардинальная смена правовой идеологии, разворот методологических установок в цивилистической науке, системное реформирование гражданского законодательства могут заставить обратиться к новому научному осмыслению ранее исследованного (но в принципиально других условиях) гражданско-правового явления. Но будем откровенны: за первое десятилетие XXI в. в России не было таких факторов, способных разрушить сформированную в конце 90-х годов XX в. теоретическую концепцию банковской гарантии и понуждающих ее снова и снова, с периодичностью чаще (!) чем один раз в год, *всесторонне* разрабатывать.

Концепция развития гражданского законодательства РФ и уже внесенные объемные изменения в ГК РФ могут быть оценены как такие факторы. Причем исследование, учитывающее этот фактор применительно к банковской гарантии, уже состоялось [8].

Во избежание ожидаемого вала диссертаций о банковской гарантии и о многих других гражданско-правовых явлениях теперь уже «на основе реформированного гражданского законодательства» хотим предостеречь начинающих исследователей от радикального легализма и заметить, что далеко не всякое изменение законодательства требует пересмотра уже сложившегося теоретического представления. То, что законодатель, например, изменил сроки исковой давности по отдельным требованиям, не означает, что требуется новое комплексное, детальное, всестороннее исследование исковой давности в гражданском праве.

С формулировкой цели диссертационного исследования классических гражданско-правовых явлений еще сложнее. Например, заемное обязательство, являвшееся предметом многовекового теоретического осмысления цивилистов, в наши дни (наконец-то!) подвергается «комплексному, всестороннему, детальному, целостному, системному,

научному» исследованию. Подобная цель даже звучит несколько неуместно по отношению ко многим авторитетнейшим предшественникам-исследователям. В таких случаях умение ученого максимально конкретизировать цель исследования очень важно.

Методика определения цели цивилистического исследования

Название диссертации, проблемная ситуация, научная проблема, цель исследования и решенная научная задача всегда должны быть логически связаны и объединены единым методологическим подходом. *Схематично* это выглядит так.

Название диссертации: «Условия эффективности гражданско-правовых норм».

Проблемная ситуация: недостаточная эффективность гражданско-правовых норм.

Научная проблема: каковы условия эффективности гражданско-правовых норм?

Цель исследования: определить условия эффективности гражданско-правовых норм с приведением оснований их классификации и раскрытием содержания.

Решение задачи, имеющей значение для развития гражданского права: определены условия эффективности гражданско-правовых норм.

Продемонстрируем изложенное на конкретном, «живом» примере.

Цивилист-исследователь сталкивается с **проблемной ситуацией**: есть такие гражданско-правовые явления, как ограничения и обременения гражданских прав, имеющие на первый взгляд очевидные различия в правовом генезисе, значении, форме и юридических последствиях. При этом в цивилистической науке и в гражданском законодательстве не единообразно (от отождествления до полного различения) используются термины «ограничение» и «обременение» гражданских прав. Затем формулируется **научная проблема**: с учетом наблюдаемых признаков сходства и различия, какова правовая сущность данных явлений? Потом определяется **цель исследования**: на основе сравнения, сопоставления и противопоставления раскрыть правовую сущность ограничения и обременения гражданских прав [9]. Решенная **задача, имеющая значение для развития гражданского права**: раскрыта правовая сущность ограничения и обременения гражданских прав.

Теоретические и прикладные цивилистические исследования в аспекте формулировки их цели

Научные исследования небезосновательно делятся на догматические и прикладные, на что прямо указывается и в Положении о приращении ученых степеней: «В диссертации, имеющей прикладной характер, должны приводиться сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов, а в диссертации, имеющей теоретический характер, — рекомендации по использованию научных выводов» (абз. 2 п. 10). Можно предположить, что «решение задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний» — это цель теоретического исследования, а «научное обоснование технического решения, имеющего существенное значение для развития страны» — это цель прикладной научной работы.

Однако подобная дифференциация научных разработок традиционно игнорируется учеными-юристами, в том числе цивилистами. Если ученый ставит цель «проанализировать законодательство и дать предложения по его совершенствованию», то это благородное стремление предполагает 1) обнаружение юридико-технических дефектов, пробелов, противоречий внутри гражданского законодательства по заданной теме, возможных нестыковок в его межотраслевых связях, коллизий с международными актами, а также при необходимости сравнение с зарубежными нормативно-правовыми аналогами; 2) выдачи конкретных рекомендаций по их устранению. В этом отношении справедливы слова о том, что задачами «научного исследования в области юриспруденции является не воспроизводство норм и их объяснение, а соотношение желаемого результата и юридического инструментария, при помощи которого возможно достижение этого результата» [7, с. 134].

Кроме того, цивилистика, как и другие отраслевые правовые науки, остро нуждается в научно обоснованной технике правореализации, способной «научить правильному (справедливому, разумному и эффективному) применению некачественного (неточного и непонятного) и нестабильного ...закона» [5, с. 49]. Именно к этому должны стремиться те исследователи, кто ставит своей целью «изучить практику применения законодательства и дать предложения по ее совершенствованию». В этом случае необязательно формулировать множественные предложения по изменению законодательства и выдавать на-гора десятки новых теоретических концепций.

Выводы

Мы понимаем, что изменение ситуации с формулировками целей диссертационных исследований не будет мгновенным. Ведь до сих пор считается, что самый верный способ определения цели диссертации — это позаимствовать соответствующую формулировку у тех, кому уже присуждена ученая степень. Такой путь надежен для всех — от соискателей и научных руководителей до оппонентов и диссертационных советов. Проторенный путь всегда самый легкий путь, но не всегда самый правильный. Безусловно, эту ситуацию «снизу» не изменить: пока диссертации с нечеткими и непонятными целями будут приниматься диссертационными советами к защите и после защиты успешно «проходить» ВАК, у соискателей ученых степеней не будет никаких причин что-либо менять в своих подходах к названиям диссертаций, к обнаружению научной проблемы и определению цели работы.

Однако мы надеемся, что изменение формулировок целей цивилистических диссертаций произойдет усилиями и «снизу» — молодых исследователей и их научных руководителей, и «сверху» — руководителей диссертационных советов и экспертов ВАК.

Полагаем, что научное сообщество может сформулировать определенные рекомендации, направленные на повышение качества научно-квалификационных работ по праву, на решение истинных научных правоведческих проблем, и как следствие способные противостоять размножающемуся научному планктону.

В части целеполагания цивилистических исследований представляются важными следующие соображения.

Во-первых, следует допустить дифференциацию научно-квалификационных работ на теоретико-цивилистические и цивилистико-прикладные исследования. Это позволит уменьшить количество «диссертантов-многостаночников», которые и развивают научное знание, и совершенствуют законодательство, и улучшают практику его применения, причем во многих случаях какая-либо из этих целей «вписана» в диссертацию исключительно потому, что так «принято», а не в связи с решением реальной теоретической или практической задачи.

Во-вторых, необходимо авторитетно ответить на вопрос: может ли цивилистическое исследование преследовать цель научного обоснования технического решения, имеющего существенное значение для развития страны, или же достижение подобной цели возможно

только для естественнонаучных разработок? Мы полагаем, что в части технико-юридического решения это возможно, однако без соответствующей поддержки этого вывода со стороны экспертного совета ВАК по юридическим наукам вряд ли найдется диссертант, который рискнет сформулировать такую цель.

В-третьих, результаты диссертационных исследований, действительно решающих юридико-технические проблемы гражданского законодательства, имеет смысл направлять в представительные органы, ведь именно для них они предназначены. Результаты исследований, снявших проблемы юридической правоприменительной техники, следует предоставлять прямому адресату — Верховному Суду РФ.

В-четвертых, было бы крайне полезным обязать молодых ученых-правоведов четко и емко указывать во введении к диссертации, наряду с актуальностью, степенью исследованности и целью, научную проблему (или хотя бы проблемную ситуацию), которую он обнаружил и попытается в работе разрешить. Безусловно, корректировка сложившейся десятилетиями структуры введения в юридических диссертациях — это долгий процесс, требующий внимания и понимания и со стороны диссертантов, и со стороны аттестационных структур.

В-пятых, важно постоянно обращать внимание диссертантов, в том числе через отказы советов в принятии диссертации к защите и через отрицательные заключения экспертов ВАК по защищенным диссертациям, на необходимость проводить сравнение своих результатов со **всеми** ранее опубликованными диссертационными исследованиями по рассматриваемой тематике. Это позволит не только четко сформулировать цель исследования, но и снять множество вопросов относительно его новизны.

В-шестых, на наш взгляд, давно назрела необходимость наладить определенный учет проводимых в стране научных исследований правовых явлений для исключения очевидного совпадений их целей. В частности, банковская гарантия, несмотря на отсутствие зависимости ее правовой природы от региональных особенностей, в период с 1997 по 2014 г. исследовалась в шести городах России, причем зачастую одновременно: восемь раз в Москве, по три раза в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, по одному разу в Томске, Казани, Ярославле. В исследование банковской гарантии было вовлечено 14 (!) научных и образовательных учреждений.

Если предположить (с учетом сроков обучения в аспирантуре), что кандидатская диссертация выполняется в среднем в течение трех лет,

то мы увидим, что исследования банковской гарантии, выполняемые разными учеными, почти ежегодно наслаивались друг на друга.

Возможно, было бы полезнее для развития цивилистической науки своевременно перенаправлять усилия и творческую энергию молодых исследователей. Речь не идет о том, чтобы в обязательном порядке закреплять одну тему только за одним ученым. Но исследователи должны хотя бы знать друг о друге и постоянно сверять свои текущие результаты с промежуточными выводами коллег, в том числе для получения достоверной новизны и для решения **еще не решенных другими** задач, имеющих значение для развития гражданского права.

В-седьмых, нужна всемерная поддержка гражданско-правовому науковедению — системе обобщенного знания о цивилистической науке, основных направлениях ее развития, теоретических концепциях и методологии, особенно такой ее области, как *цивилистическая науковедческая инноватика* [17; см. также 18], определяющей цели, задачи, проблематику, методологию необходимых дальнейших научных исследований. Цель науки — одна из сложнейших проблем науковедения и методологии в целом [3]. Ставя во главу угла научных исследований постижение и разрешение *действительных научных проблем*, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом об их признаках. Большую помощь начинающим исследователям оказали бы критерии определения истинно научной цивилистической проблемы, позволяющие отграничивать ее от многочисленных надуманных и мнимых проблем, обсуждаемых в диссертационных работах по гражданскому праву.

Библиографический список

1. Белов В.А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ.ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 124—160.
2. Белов В.А. Типичные недостатки диссертаций по гражданскому праву // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7. № 1. С. 272—309.
3. Власова С.В. Цели и ценности науки // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 6. С. 443—456.
4. Едронова В.Н., Овчаров А.О. Методы, методология и логика научных исследований // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 9 (312). С. 14—23.
5. Клепицкий И.А. Форма и цель в уголовном праве // Государство и право. 2012. № 1. С. 45—56.

6. *Комиссарова Е.Г.* Об основах методологической культуры в цивилистике // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4. С. 246–253.

7. *Кручинин А.В.* Методологическое значение правовой идеологии в науке трудового права // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 2. С. 132–135.

8. *Лукманова И.Н.* Банковская гарантия в системе способов обеспечения исполнения обязательства: Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2014. 188 с.

9. *Микрюков В.А.* Ограничения и обременения права собственности и иных гражданских прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.

10. О порядке присуждения ученых степеней: Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 // СЗ РФ. 2013. № 40. Ч. III. Ст. 5074.

11. О формах заключения диссертационного совета по диссертации и заключения организации, в которой выполнена диссертация или к которой был прикреплен соискатель: Решение Президиума ВАК Минобрнауки России от 22 июня 2012 г. № 25/52 // Официальные документы в образовании. 2012. № 25.

12. Об утверждении единого реестра ученых степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения ученых степеней: Постановление Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74 (абз. 2 п. 7) (утратило силу) // СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 580.

13. *Погорельчик А.В., Глищенко А.С.* О философских новациях в методологии правоведения как социально-гуманитарной науки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Философия». 2009. № 2. С. 85–92.

14. *Свириденко О.М.* Материально-правовые и процессуальные проблемы при обеспечении кредитных обязательств договорами залога, поручительства и банковской гарантией: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 160 с.

15. *Торкин Д.А.* Непоименованные способы обеспечения обязательств: Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 182 с.

16. *Хохлов Е.Б.* Юридические химеры как проблема современной правовой науки // Правоведение. 2004. № 1. С. 4–14.

17. *Щербин В.К.* Основные направления современного науковедения: специфика, структура, функционирование // Социология. 2005. № 3. С. 26–38.

18. Якупов Р.И. О науковедении, гуманитарном знании и дефиниции понятия «научная школа» // Вестник ВЭГУ. 2012. № 4 (60). С. 186–189.

References

1. Belov V.A. *Predmetno-metodologicheskie problemi civilisticheskoi nauki* // *Grajdanskoe pravo: aktualnie problemi teorii i praktiki* / pod obsch. red. V.A. Belova [Substantive-methodological Problems of Civil Law Sciences // Civil Law: Current Theory and Practice], in: V.A. Belov (ed.). Moscow: Yurait-Izdat, 2007. P. 124–160. (In Russ).
2. Belov V.A. *Tipichnie nedostatki dissertacii po grajdanskomu pravu* [Typical Disadvantages Theses on Civil Law] // *Vestnik grajdanskogo prava* – Civil Law Review. 2007. Vol. 7. № 1. P. 272–309. (In Russ).
3. Vlasova S.V. *Celi i cennosti nauki* [The Goals and Values of Science] // *Rossiiskii gumanitarnii jurnal* – Russian Humanitarian Journal. 2014. Vol. 3. № 6. P. 443–456. (In Russ).
4. Edronova V.N., Ovcharov A.O. *Metodi, metodologiya i logika nauchnih issledovanii* // *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* – The Economic Analysis: Theory and Practice. 2013. № 9 (312). P. 14–23. (In Russ).
5. Klepickii I.A. *Forma i cel v ugovnom prave* [The Form and Purpose of Criminal Law] // *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2012. № 1. P. 45–56. (In Russ).
6. Komissarova E.G. *Ob osnovah metodologicheskoi kulturi v civilistike* [On the Bases of the Methodological Culture in Civil Law] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2014. № 4. P. 246–253. (In Russ).
7. Kruchinin A.V. *Metodologicheskoe znachenie pravovoi ideologii v nauke trudovogo prava* [The Methodological Significance of Legal Ideology in the Science of Labor Law] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta* – Bulletin of Udmurt University. 2013. Vol. 2. P. 132–135. (In Russ).
8. Lukmanova I.N. *Bankovskaya garantiya v sisteme sposobov obespecheniya ispolneniya obyazatelstva: Dis. ... kand. jurid. nauk* [Bank Guarantee in the Way of Enforcement Obligations: a PhD Thesis in Law]. Ufa, 2014. 188 p. (In Russ).
9. Mikryukov V.A. *Ogranicheniya i obremeneniya prava sobstvennosti i inih grajdanskikh prav: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Restrictions and Encumbrance of Property Rights and Other Civil Rights: a Summary of a PhD Thesis in Law]. Moscow, 2004. 28 p. (In Russ).

10. *Oporjadke prisuzhdenii uchenyh stepenei: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federacii № 842 ot 24 sentjabrja 2013 g.* [About an Order Award of Academic Degrees: The Resolution of the Government of the Russian Federation № 842 of September 24] // *Rossiiskaja Gazeta* – Russian Gazette. October 1, 2013. (In Russ).

11. *Oformah zaklyucheniya dissertacionnogo soвета po dissertacii i zaklyucheniya organizacii, v kotoroi vipolnena dissertaciya ili k kotoroi bil prikreplen soiskatel: Reshenie Prezidiuma VAK Minobrnauki Rossii ot 22 iyunya 2012 g. № 25/52* [Forms to Sign the Dissertation Council on Thesis and Conclusion of an Organization in Which the Thesis is Made or to Which Was Attached the Applicant: the Decision of the Presidium of Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of June 22, 2012 № 25/52] // *Oficialnie dokumenti v obrazovanii*— Official documents in education. 2012. № 25. (In Russ).

12. *Ob utverzhdenii edinogo reestra uchenih stepenei i uchenih zvanii i Polozheniya o poryadke prisuzhdeniya uchenih stepenei: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30 yanvarya 2002 g. № 74 (abz. 2 p. 7), (utratilo silu)* [On Approval of a Unified Register of Academic Degrees and Academic Titles and the Regulations on the Awarding of Academic Degrees: Russian Federation Government Resolution dated January 30, 2002 № 74] // *Sobranie zakonodatelstva RF* – Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 6. Art. 580. (In Russ).

13. *Pogorelchik A.V., Glischenko A.S. O filosofskih novაციyah v metodologii pravovedeniya kak socialno-gumanitarnoi nauki* [On Philosophical Innovations in Methodology of Law as the Social Sciences and Humanities] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya»* – Bulletin of the Voronezh State University. Series of “Philosophy”. 2009. № 2. P. 85–92.

14. *Sviridenko O.M. Materialno-pravovie i processualnie problemi pri obespechenii kreditnih obyazatelstv dogovorami zaloga, poruchitelstva i bankovskoi garantiei: Dis. ... kand. yurid. nauk* [Substantive and Procedural Problems in Securing Credit Obligations of Pledge Agreements, Surety and Bank Guarantee: a PhD Thesis in Law]. Moscow, 1997. 160 p. (In Russ).

15. *Torkin D.A. Nepoimenovannie sposobi obespecheniya obyazatelstv: Dis. ... kand. yurid. nauk* [Unnamed Ways to Ensure Obligations: a PhD Thesis in Law]. Tyumen, 2005. 182 p. (In Russ).

16. *Hohlov E.B. Yuridicheskie himeri kak problema sovremennoi pravovoi nauki* [Legal Chimeras as a Problem of Modern Legal Science] // *Pravovedenie* – Jurisprudence. 2004. № 1. P. 4–14. (In Russ).

17. *Scherbin V.K. Osnovnie napravleniya sovremennogo nauchovedeniya: specifika, struktura, funkcionirovanie* [The Basic Directions of the Modern

Science of Science: Specific, Structure, Functioning] // *Sociologiya – Sociology*. 2005. № 3. P. 26–38. (In Russ).

18. *Yakupov R.I. O naukovedenii, gumanitarnom znanii i definicii ponyatiya «nauchnaya shkola»* [About the Science of Science, Humanities and the Definition of the Concept of “Scientific School”] // *Vestnik VEGU – Vestnik of VEGU*. 2012. № 4 (60). P. 186–189. (In Russ).

CIVIL THESIS RESEARCH PURPOSE

V.G. Golubtsov

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990

E-mail: v.golybtsov@gmail.com

O.A. Kuznetsova

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

Introduction: in the article, the civil thesis purposes' wordings are analyzed and criticized as non-complying neither to the requirements of the logics, nor to the rules of the linguistics and the conditions of awarding the scientific degree. **Purpose:** to discover the problems of defining the purpose of the scientific research by the respondents and to propose the ways to solve the mentioned problems. **Methods:** empiric methods of comparison, measurement, description, interpretation; theoretical methods of the formal and dialectical logic. **Results:** the research performed discovered that many of the civil scientists-beginners have extremely formal attitude towards the definition of the purpose of their scientific work, do not see its connection with the scientific issue being solved and do not take into account the results of the theses that already exist. **Conclusions:** the purpose of the scientific work should be connected with the newly discovered and solved scientific problem, and this should be mentioned in the thesis introduction. In is necessary to admit that the scientific theses are divided into the theoretical civil ones and the applied civil ones, this is important to be mentioned in the research purpose. The purpose of the thesis can only be correctly defined when the researcher knows all the previously published theses on the topic researched. The researches performed need to be listed to avoid the repetition of the purposes, and

this should add to the optimization of the scientific organizations' and separate scientists' activities. The establishment of the civil law science study is viewed to be promising; the latter being capable of systematizing at a high methodological level the true scientific problems the solving of which could really be aimed at the civil science development.

Keywords: *purpose of the civil thesis; the task significant for the civil law development, scientific civil problem; civil methodology; civil law science studies; awarding the scientific degree.*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЕЩНОГО ПРАВА

И.А. Емелькина

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Мордовский государственный национальный
исследовательский университет
430 000, г. Саранск, ул. Полежаева, 44
E-mail: iemelkina@yandex.ru

Введение: в статье акцентируется внимание на недостатках в области современных научных исследований конструкции вещного права: сокращение числа диссертаций, посвященных анализу отдельных ограниченных вещных прав; скудность научной методологии, используемой исследователем при изучении отдельных аспектов вещного права. **Цель:** статья посвящена анализу современных проблем в сфере исследования категории вещного права. **Результаты:** автор отмечает, что метод исторического анализа концентрируется на изучении римского и русского дореволюционного права, незаслуженно остается без рассмотрения пандектное учение о вещном праве. Также подчеркивается, что, используя метод сравнительно-правового анализа, изыскатели редко обращаются к монографической литературе и законодательным первоисточникам на иностранном языке. В итоге положения диссертаций, выносимые на защиту, зачастую не обладают научной новизной и оригинальностью. **Выводы:** сформулированы выводы и обозначены перспективы развития исследований вещных прав. Более активное использование широкого спектра современных направлений цивилистической методологии научных исследований позволит современным исследователям вещных прав переосмыслить те противоречивые теории и концепции, которые изобилуют в отечественной цивилистике, послужит мощным толчком для развития доктрины вещного права, выступит основой осмысления новых предлагаемых к внедрению проектом Гражданского кодекса институтов вещного права.

Ключевые слова: вещные права; методология; приемы; способы; исследования; диссертация; гражданско-правовая наука; право собственности.

Введение

Несмотря на развернувшуюся обширную цивилистическую научную дискуссию относительно категории вещного права, ее доктринальные аспекты требуют глубокого анализа, ее сущность, социальное назначение, система и элементы требуют осмысления. Особенно важно сказанное для отечественной правовой науки, ибо восстановление данной категории в гражданском законодательстве произошло сравнительно недавно; советская наука не знала подлинного вещного права, известные его «суррогаты» в виде хозяйственного ведения и оперативного управления далеки от классической конструкции вещных прав. В связи с этим особую значимость приобретает процесс познания вещного права как явления, который должен базироваться на известном науке богатейшем методологическом исследовательском потенциале. Очевидно, что категория вещного права не требует формирования каких-либо специфических методов исследования. Являясь категорией гражданского права, изучение вещных прав проводится путем давно апробированных и актуальных на сегодняшний день общенаучных и частнонаучных методов исследования [10, с. 256–262].

Основной контент

Являясь совокупностью правовых норм, регулирующих отношения по осуществлению абсолютного и непосредственного господства лица над вещью, вещные права являются частью отрасли гражданского права. В связи с этим, безусловно, в первую очередь задача правовой науки — исследование существующих в праве вещно-правовых норм, их толкование, систематизация, выявление недостатков в правовом регулировании вещных правоотношений, предложение более совершенных и востребованных конструкций, возможно, уже апробированных в других правовых системах, их аргументация, представление положительного эффекта от их действия. Очевидно, что изложенные задачи неосуществимы без исследования существующей юридической практики, конкретных социальных условий жизни российского общества, социально-экономической и политической обстановки и прогнозов на будущее. И это лишь часть предмета исследования науки. Достижение конечной цели невозможно только на анализе норм права, практики их применения и исследования условий жизни общества. Основное внимание правовой науки должно быть основано

на знаниях. Право собственности и производные от него вещные права известны юридической науке со времен римского права. Занимая важнейшее место в жизни общества, имущественные отношения всегда привлекали представителей догматической юриспруденции. На сегодняшний день выработан богатейший арсенал цивилистической мысли, аргументирующий создание конструкции вещного права как категории гражданского права и цивилистику, ее назначение в процессе создания и потребность в ней в современных условиях.

Недостатки догматической юриспруденции в свое время четко определил И.А. Покровский. Он писал: «Как явление социальной психологии право является, таким образом, несомненной реальностью, фактом эмпирической действительности, частью из «мира сущего». Его существование и действие ощущается всеми, и поэтому, естественно, если развивающаяся мысль человека прежде всего обращается к познанию права как оно есть, как оно действует. Целью познания является констатирование существующих в данном обществе норм и установление их подлинного содержания ввиду непосредственных практических интересов жизни. Это констатирование в постепенном развитии приводит к систематизации правовых норм, к установлению более научных приемов толкования и т.д., словом, к тому, что называется юриспруденцией догматической». Между тем И.А. Покровский отмечал, что догматической юриспруденция «не может выйти за пределы этой реальности, не может взяться за какие-либо иные вопросы: самые ее методы пригодны только для ее непосредственной задачи» [12, с. 60]. По его мнению, «всякая норма предстает нашему сознанию не только с точки зрения «данности», но и с точки зрения ее «должности»; мы не только стремимся ее познать как она есть, но в то же время оценить, как она должна быть» [12, с. 60–61].

Сказанное в полной мере относится и к нормам вещного права. Особую актуальность оценка того, каким должен быть механизм правового регулирования вещных прав, приобрела в связи с принятием 7 октября 2009 г. Советом по кодификации гражданского законодательства Российской Федерации при Президенте РФ Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, которая впервые закрепила новые подходы к вещным правам [8].

Вместе с тем следует заметить, что в последнее время наблюдается спад научных работ, в том числе и диссертационных исследований, посвященных категории вещного права. По сравнению с концом 90-х – началом 2000-х годов заметно сократилось число кандидат-

ских и докторских диссертаций, предметом которых выступает анализ отдельных аспектов вещного права. Резкое уменьшение интереса наблюдается после принятия Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации и созданного на ее основе проекта Федерального закона об изменении Гражданского кодекса РФ в сфере права собственности и других вещных прав.

Казалось бы, вот оно «невспаханное поле» для научных исследований: новые виды вещных прав, владельческая защита, институт соседского права, поэтажная собственность, вещные права на нежилые помещения. Однако следует констатировать факт того, что исследование вещных прав стало «неудобной» темой для современного исследователя. Если еще отдельные аспекты права собственности подвергаются анализу, то ограниченные вещные права исследуются очень редко. За последние пять лет было защищено лишь несколько диссертаций по отдельным видам ограниченных вещных прав (в частности, защищены диссертации, посвященные анализу права застройки [9], узуфрукта (личного пользования) [3], права преимущественного приобретения [2], сервитутов [11]). Не подвергались вообще в качестве самостоятельного предмета исследования «вещные выдачи (обременения)», редко подвергаются изучению права преимущественного приобретения, поэтажная собственность, соседские права, личные сервитуты.

В чем проблема такого резкого уменьшения интереса после «всплеска» научного интереса к изысканию вещных прав? Думается, что ответ не так уж и сложен. На него уже неоднократно отвечали в юридической науке, характеризуя в целом ситуацию в доктрине гражданского права постсоветского пространства. Справедливо пишет Е.Г. Комиссарова: «Научное пространство цивилистики, обеспечивающей законодательные перемены в сфере имущественного быта, оказалось вмиг многонаселенным. В число актуальных попали как темы, годами «лежащие» на обочине цивилистики, так и те, которые освоены, но нуждаются в новых ракурсах исследования. Но, как это часто бывает после большого глотка свободы, началось очищение научного пространства и его освобождение от некачественных и откровенно ненаучных сегментов. Ведь вместе со свежими, аргументированными и адекватными идеями на научное пространство прорвались схоластика, бесконечная феноменология и прочие последствия «научной» герменевтики» [7, с. 246–247].

Добавим к сказанному еще одно обстоятельство, которое, на наш взгляд, весьма существенно повлияло на возникшее отношение со стороны современных исследователей вещного права. Сегодня весь-

ма отчетливо наблюдается скудность используемых исследователями приемов и способов цивилистической методологии. Зачастую диссертанты не применяют в полном объеме заявленную в автореферате диссертации систему методов научного познания правовых явлений либо применяют очень узко, однобоко, в связи с этим происходит сужение предмета исследования; зачастую игнорируются проблемы современной практики, исследуются проблемы теории ради теории в отрыве от реальной действительности, игнорируются знания, давно выработанные зарубежной цивилистикой.

В частности, весьма распространенный в исследованиях вещного права метод исторического анализа, как правило, сводится сугубо к исследованию римского частного права и русского дореволюционного права.

Исследователи незаслуженно оставляют без внимания целый пласт научных исследований пандектного права, нередко демонстрируя отсутствие элементарных знаний о том, что теоретическая конструкция вещного права берет корни с германского пандектного права. Пандектное учение объясняет не только сущность вещного права, но и причину появления данной правовой категории. Ограниченные вещные права как правовые институты создавались с конкретной целью, для удовлетворения социально-экономических, правовых, а в ряде случаев и политических потребностей государства. Игнорируя данный факт, исследователи создают собственные версии относительно сущности вещного права и его происхождения, перечеркивая существующие конкретные пандектные исследования на данную тему.

Анализ монографических первоисточников на немецком языке, ибо именно эти работы и являются «сокровищницей» вещного права, позволил бы современным исследователям вещных прав переосмыслить те противоречивые теории и доктрины, которые изобилуют в отечественной цивилистике, дал бы мощный толчок для развития доктрины, а в конечном счете помог бы объяснить юридическому сообществу многие «недоумения», которые просто необъяснимы при анализе исключительно исследований российских ученых.

Отметим, что германская юриспруденция, совершив своеобразную теоретическую революцию в лице Будея и Тибо, а впоследствии — Виншейда, Пухты, Савиньи, Колера, Гирке, освободившись от феодальной разделенной собственности, несколько столетий осуществляла теоретическое оформление институтов гражданского права, в том числе и ограниченного вещного права (*begrenzte dingliche Rechte*), создав к концу

XIX века логически безупречную систему вещных прав, классифицированных по критерию содержания (*Inhalt*) в виде: права пользования чужой вещью (*Nutzungsrechte*), права реализации чужой вещи (права обеспечения) (*Verwertungsrechte (Sicherungsrechte)*), права преимущественного приобретения чужой вещи (*Erwerbsrechte*) [4, с. 98–103].

В этой сфере незаслуженно оставлены без внимания и выводы авторитетных советских ученых в области вещного права. Зарождение вещного права в эпоху отказа от феодальной собственности признавалось советскими учеными А.В. Венедиктовым и О.С. Иоффе. [1, с. 105–109, 116–117; 6, с. 57–58].

Как результат — многочисленные ошибки и неточности в работах по исследованию вещных прав. К примеру, в литературе высказывается суждение, что вещными правами являются только те права, в содержании которых имеется право владения. Если следовать такому выводу, то как тогда объяснить не подвергающиеся сомнению в европейских правопорядках вещную природу ипотеки и права преимущественного приобретения? Объяснить не получится, поскольку, это утверждение неверно. Создавая правовую конструкцию вещного права, пандектисты сформулировали общий признак вещного права как «непосредственное господство лица над вещью», который трактуется весьма широко — не только как возможность пользования чужой вещью, но и воздействия на вещь путем ее принудительной реализации, а также приобретения на нее права собственности без участия третьих лиц. Данная теория логично обосновывает вещность залога, вещного права преимущественного приобретения, поскольку не сводит понятие вещного права к обязательному наличию в его составе правомочия «владения».

В связи с изложенным, бесспорно, следует более активно анализировать новые знания, выработанные современной зарубежной цивилистикой.

При этом важно иметь ввиду, что институты вещного права — явления национально-правовые, не все из них являются универсальными для внедрения в разные правовые системы с различными экономико-правовыми условиями. Однако это вовсе не означает, что чуждость института не требует его анализа. Интеграция России с мировой экономикой, прежде всего с европейской, предполагает унификацию правового пространства.

В связи с этим совершенно справедливо границы сравнительно-правового метода обозначает профессор Е.А. Суханов: «...необхо-

димо постоянно иметь ввиду, что речь идет об изучении российского (национального права), а не зарубежного гражданского права. Зарубежные и международные аналоги отечественных цивилистических институтов и конструкций полезны здесь лишь в той мере, в какой они позволяют лучше понять истоки, существо и возможности использования соответствующих норм российского гражданского права. Их знание, безусловно, расширяет кругозор будущих юристов, но одновременно оно не должно вести к смещению в их формирующемся правосознании различных категорий и подходов, а также созданию у них ошибочного представления о якобы заведомо большей эффективности любых иностранных правил и конструкций и чрезмерно критическому отношению к собственному правопорядку» [13, с. 463].

И, наконец, важнейшим ориентиром исследований вещного права должны выступать интересы правоприменительной практики. Верно отмечено в юридической литературе о соотношении правовой науки и практики: во-первых, наука в своих построениях должна учитывать и учитывает живую жизнь, факты действительности; во-вторых, действенность науки гражданского права проявляется в том, что она служит законодательной практике и практике применения законодательства. Иное отношение к практике способно привести к тому, что теоретические разработки останутся умозрительными конструкциями и построениями [6, с. 314].

Г.Ф. Шершеневич в свое время настоятельно рекомендовал современникам писать научные работы, которые востребованы практикой: «Только при условии, что наука гражданского права примется, наконец, за историческую и догматическую разработку русского законодательства, а практика освободится от цепей, наложенных на нее кассационными решениями, и обратится к научной помощи, — только тогда можно ожидать устранения той розни между теоретической и практической юриспруденцией...» [14, с. 248]. Очевидно, что ученый имел ввиду потребности прежде всего судебной практики.

Обращаясь к российской действительности, нельзя не заметить, что в нашей стране наряду с интересами судебных органов важнейшую роль играют интересы бизнес-сообщества. Успехи и неудачи того или иного законодательного проекта зависят от того, как он будет воспринят соответствующими предпринимательскими кругами. Любопытно заметить, что ориентир на интересы бизнеса взят и в самых авторитетных кругах практикующих юристов и ученых-

правоведов. В частности, в рамках Петербургского Международного юридического форума 29 июля 2015 г. был организован круглый стол «Ограниченные вещные права: что дает проект Гражданского кодекса бизнесу». Следует отметить, что впервые за последние годы представители бизнес-сообщества позитивно оценили предлагаемые в проекте ГК РФ новеллы относительно изменений права собственности и других вещных прав. Думается, что следует подчеркнуть вклад цивилистов, принявших участие как в разработке законопроекта, так и в аргументации, разъяснении и толковании новелл вещного права, и как следствие — положительной характеристике предпринимателями новых видов вещных прав с отдельными замечаниями (в том числе права застройки).

Выводы

Одна из важнейших задач науки гражданского права — аргументировать недостатки и достоинства новых положений вещного права, предложить более совершенные конструкции, обосновать негативные интересы недобросовестных бизнесменов, злоупотребляющих возможностями диспозитивного обязательственного права, и показать положительный эффект от свойства императивности и стабильности вещных прав на десятилетия и столетия вперед.

В таком случае юридическая научная доктрина займет свое достойное место в системе «наука — законодательство — практика», и большинство исследований не получит известной характеристики как «антикварных».

Библиографический список

1. *Венедиктов А.В.* Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. II. М.: Статут, 2004. 557 с.
2. *Гребенкина И.А.* Институт преимущественной покупки чужой недвижимости в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 30 с.
3. *Гуленков М.С.* Правовая модель права пользования узурфрукта: перспективы применения в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 25 с.
4. *Емелькина И.А.* Система ограниченных вещных прав на земельный участок. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 416 с.

5. *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. 777 с.

6. *Комиссарова Е.Г.* Методологический потенциал гражданско-правовой науки // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22). С. 247–253.

7. *Комиссарова Е.Г.* Об основах методологической культуры в цивилистике // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 247–253.

8. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

9. *Круглова О.А.* Право застройки чужого земельного участка: гражданско-правовые проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 26 с.

10. *Кузнецова О.А.* Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 254–270.

11. *Монахов Д.А.* Сервитуты и их судебная защита: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 25 с.

12. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.

13. *Суханов Е.А.* О преподавании гражданского права в современных условиях // Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008–2012 гг. М.: Статут, 2013. 494 с.

14. *Шершеневич Г.Ф.* Наука гражданского права в России. М.: Статут, 2003. 250 с.

References

1. *Venediktov A.V. Isbrannie trudi po grasgdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law: in 2 v.]. Moscow: Statut, 2004. Vol. II. 557 p. (In Russ).

2. *Grebyonkina I.A. Institut preimucshesnvennoi pokupki cshusgoi nedvisgimosti v rossiiskom grasdanskom prave: Avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [Institute Emption Alien Property in the Russian Civil Law: a Summary of a PhD Thesis in Law]. Moscow, 2013. 30 p. (In Russ).

3. *Gulenkov M.S. Pravovaya molel prava polsovladeniya (usufrurt): perspektiva primeneniyyz rossiiskom grasdanskom prave: Avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [The Legal Model of the Right of Usufruct Usufruct: Prospects of Application in the Russian Civil Law: a Summary of a PhD Thesis in Law]. Moscow, 2014. 25 p. (In Russ).

4. *Emel'kina I.A. Sistema ograničennykh veshchnykh prav na zemel'nyi uchastok* [The System of Limited Real Rights to Land]. Moscow: Infotropik Media, 2013. 416 p. (In Russ).

5. *Ioffe O.S. Isbrannie trudi po grasdanskomu pravu: Iz istorii civilisticheskoi mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «hozjaistvennogo prava»* [Selected Works on Civil Law: the History of the Civil Law of Thought. Civil Relations. Criticism of the Theory of “Economic Rights”]. Moscow: Statut, 2000. 777 p. (In Russ).

6. *Komissarova E.G. Metodologicheskii potencial grasdansko-pravovoi nauki* [Methodological Potential of the Civil Science] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2013. № 4 (22). P. 310–314. (In Russ).

7. *Komissarova E.G. Ob osnovakh metodologicheskoi kul'tury v civilistike* [About Fundamentals of Methodological Culture in Civil Law] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2014. № 4 (26). P. 247–253. (In Russ).

8. *Koncepciya razvitiya grasdanskogo zakonodatelstva v Rossiiskoi Federacii* [The Concept of Civil Legislation of the Russian Federation] // The Bulletin of the Supreme Arbitration Court Russian. 2009. № 11. (In Russ).

9. *Kruglova O.A. Pravo zastroyki chuzhogo zemel'nogo uchastka: grazhdansko-pravovye problemy: Avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [The Building Leasehold of Somebody Else's Land: Civil Legal Problems: a Summary of a PhD Thesis in Law]. Moscow, 2014. 26 p. (In Russ).

10. *Kuznetsova O.A. Metodyi nauchnogo issledovaniya v tsivilisticheskikh dissertatsiyah* [Methods of Scientific Research in Civil Dissertations] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2014. № 4 (26). P. 254–270. (In Russ).

11. *Monachov D.A. Servituti i ich sudebnaya zaschita: Avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [Easements and their Judicial: a Summary of a PhD Thesis in Law]. SPb., 2010. 25 p. (In Russ).

12. *Pokrovsky I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of Civil Law]. Moscow: Statut, 1998. 353 p. (In Russ).

13. *Suchanov E.A. O prepodavanii prava v sovremennikh usloviyakh // Problemy reformirovaniya Grazhdanskogo kodeksa Rossii: Izbrannye trudy 2008–2012 gg.* [On the Teaching of Civil Law in Modern Conditions // Problems of Reforming of the Russian Civil Code: Selected Works 2008–2012]. Moscow: Statut, 2013. 494 p. (In Russ).

14. *Shershenevich G.F. Nauka grasdanskogo prava v Rossii* [The Science of Civil Law in Russia]. Moscow: Statut, 2003. 250 p. (In Russ).

MODERN PROBLEMS OF RESEARCH PROPERTY LAW

I.A. Emelkina

Mordovia State University

44, Polesgaeva st., Saransk, 430000

E-mail: iemelkina@yandex.ru

Introduction: *the article focuses on weakness of the modern property law research: decrease of the number of dissertations, lack of scientific methodology.*

Objective: *the article analyzes contemporary issues in the sphere of modern property law research. Results:* *the author notes that the method of historical analysis focuses on the study of Roman and pre-revolutionary Russian law. So called «Pandekt doctrine» of Property law is unfairly left without scientific attention. Conducting comparative research legal scholars rarely refer to original sources in foreign languages. As a result the thesis to be defended often does not contain the scientific novelty and originality. Conclusions:* *the use of the modern trends of civil research methodology will enable legal scholars to rethink contradictory theories and concepts of Russian property law. That will help to comprehend the new categories and institutions of Property Law which are proposed by the project of Russian Civil Code.*

Keywords: *property rights; methodology; techniques; methods; research; thesis; dissertation; civil legal science; real estate; property law; ownership right.*

ВЛИЯНИЕ МЕТОДОЛОГИИ НА ВЫБОР МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦИВИЛИСТИКЕ

Е.Г. Комиссарова

Доктор юридических наук, профессор кафедры
гражданского права и процесса

Тюменский государственный университет
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 34;

профессор кафедры гражданского права

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: eg-komissarova@yandex.ru

***Введение:** автор исследует методологические ценности применительно к цивилистической науке, исходя из понимания методологии как способа организации научного знания. Основные идеи автора основаны на том, что цивилистическая методология — это не автономное и самодостаточное явление, а одна из граней общенаучной методологии, имеющей три системно зависимых уровня — общий, особенный и единичный. **Цель:** исследовать цивилистическую методологию на уровне единичного с аргументацией того положения, что методология отраслевых наук — это продолжение общеправовой методологии. Общность последней для всех других отраслей научного познания в правоведении объективно предопределена едиными мотивационными факторами исследовательской деятельности в виде стремления обеспечить прирост имеющегося научного знания по проблемам развития и формирования права. Этому процессу должна сопутствовать методологическая определенность, тождественная определенности внутринаучных критериев. Актуализация вопроса о методологической самодостаточности цивилистики, как и любой другой науки, в первую очередь связана с ее предметными особенностями, предопределяющими ширину горизонта и границы познавательного пространства, задающими соответствующий набор методологического инструментария. Методологическая модель в рамках цивилистики, как единичный уровень методологического пространства, может различаться, однако не за счет разного сущностного подхода к методологии, а за счет индивидуализации необхо-*

димого для гражданско-правовых исследований набора методов, методик, методологических компонентов, стереотипов и ценностей, которые изымаются из общеправовой методологии, а не создается самой цивилистической наукой. **Результаты:** итоговые суждения автора основаны на том, что у гражданского юриста нет и не может быть «своей» методологии. Задача цивилистики — приблизиться к тому методологическому учению, которое уже создано в философии и правоведении. Лишь руководствуясь им, можно прийти к выверенности набора методов в цивилистическом познании, исключить их случайный набор, не связанный с предметом и задачами познания. Тем самым методология для цивилистики — это не только определенность методов, уровней и подходов исследования, это еще и управление методами исследования в целях обеспечения осознанного подхода к их отбору, адресность и гуманистичность выбранных.

Ключевые слова: метод; методика; методология; гражданско-правовая наука; частноправовые явления; управление методами; частнонаучные методы исследования.

Введение

Методологические сюжеты в цивилистических исследованиях — дело не столь редкое. Однако пока большей частью демаркационное, так как не всегда подчиненное истинно методологическим целям. Как показывает анализ имеющихся заголовков научных исследований, относящихся к области квалификационных научных работ, наполняющих сегодняшнее «диссертационное право», термин «методология» здесь нередко упоминается в качестве общеупотребительного. В условиях исследовательского плюрализма он оказался весьма удобным для подчеркивания научно-теоретической значимости затрагиваемой проблемы в целях вычленения презентуемого исследования из разряда однопорядковых.

По настоящему методологически эмансипированных трудов в цивилистике не так много. В числе немногочисленных работы В.А. Белова [3], В.А. Витушко [5], Д.И. Степанова [18], Е.А. Суханова [20]. Находясь на высоте академической значимости, эти труды до недавнего времени не стимулировали цивилистов к методологической заботливости. На фоне общего методологического безмолвия в цивилистике они пребывали как бы в стороне от всех ее «первоочередных» дел и выглядели больше монологами, не поколебленными другими методологически выверенными высказываниями. Но вопрос обрел

неожиданное развитие, и одиночные методологические штудии начали неспешно обретать контуры научной дискуссии [8; 12; 17; 27]. Автор настоящей статьи также присоединяется к этой дискуссии во благо ее плодотворного продолжения — ведь методология правопведения не может и не должна стоять на месте.

Состояние «методологического вопроса» в праве и в цивилистике

Современную юриспруденцию уже нельзя заподозрить «в крайней отсталости» и приписывании ей проблем неразработанности юридической методологии. Практически все исторические этапы становления и развития правопведения овеяны трудами по методологии, и число их множится. Труды таких мэтров по правовой методологии, как В.М. Васильев, Д.А. Керимов, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, В.М. Сырых, Н.Н. Тарасов, В.А. Шабалин и др., постепенно обретают заслуженные признаки фундаментальности и уже имеют достаточное число последователей. Иное доктринальное положение сопутствует вопросам внутриотраслевой методологии. Пусть точно, но она начинает подавать признаки научной жизнеспособности. Однако вопрос о собственной методологии в отдельных отраслях научных знаний небесспорен. Не будем вдаваться в этот диспут. Скажем лишь, что для целей тематизации и афиширования методологии в праве и отдельных отраслях он нуждается в «свежих» идеях, пусть и промежуточного характера.

Оглянемся на небезызвестное высказывание немецкого философа-правоведа, профессора Г. Радбруха о том, что «науки, призванные заниматься собственной методологией, — больные науки» (*Anlaß haben, sind kranke Wissenschaften*). Приведенное высказывание не вошло в историю под названием как «формула Радбруха»; подобный образ получило другое суждение профессора, относящееся к аморальным законам. Однако по степени цитируемости это «методологическое высказывание» также занимает не последнее место и, как оказалось, стало выполнять роль своеобразного «шлагбаума» для самодвижения научной мысли по поводу межотраслевой и отраслевой методологии. В связи с этим ограничимся двумя ремарками по поводу высказывания Г. Радбруха о методологии.

Первая. Философско-правовые теории автора находятся в лоне такого направления в философии права, как юридическая аксиология. Из отечественных ученых к этому направлению принадлежали

П.И. Новгородцев, И.А. Ильин. Ведущие взгляды Г. Радбруха были основаны на идее о том, что есть более высокое право, чем закон, — естественное право, божественное право, разумное право, т.е. надзаконное право, которое и является идеальным [15]. Заметим, что философская рефлексия на данный подход в современных условиях претерпела необходимые изменения. Второе. Подлинный смысл цитируемого высказывания ученого на самом деле остается «за семью печатями» — уж слишком разнятся результаты переводных изданий (с немецкого языка), из которых мы можем почерпнуть его реальный контекст. В одном издании оно процитировано как «науки, вынужденные заниматься собственн[ой] методологией, — больные науки» [28, с. 49]. В другом, относящемся к анализу методов сравнительного правоведения, — «науки, вынужденные заниматься собственн[о] методологией...». В третьем — «науки, занимающиеся [учением о своих собственных методах]...» [9, с. 121]. Кому что больше подходит по собственному контексту, то и изымается. Удобно и ... неперспективно.

Вопрос о роли методологии и месте методологических постулатов в цивилистической науке нельзя отнести к числу исследовательских новаций. Проблема поднималась в трудах таких ее зачинщиков, как Ю.С. Гамбаров и Е.В. Васьковский. Диссертация Е.В. Васьковского на тему «Цивилистическая методология: учение о толковании и применении гражданских законов» защищена в 1901 г. на юридическом факультете Императорского Казанского университета и переиздана сегодня в серии «Научное наследие» [4]. К советскому периоду развития гражданско-правовой науки относится труд С.И. Аскназия «Основные методологические вопросы гражданского права» [1], названный Ю.К. Толстым «живительным источником по разработке методологических проблем гражданского права..., мимо которого не прошли ни цивилисты, ни теоретики права» [23, с. 375]. Замеченной в гражданско-правовой науке осталась и работа В.П. Грибанова «Методологические проблемы советского гражданского права» [7].

Как представляется, методологические проблемы современного межотраслевого правоведения в виде отдаленности от общеправовых методологических проблем, идут в том числе от неопределенности целей современной правовой науки, и науки цивилистической, в частности.

Перед цивилистикой, берущей свой официальный отчет от XIX века, в разные века стояли разные цели. После ее возникновения как науки она видела свою задачу в описании правовых явлений через экзегезу (толкование), их группировку и объяснение с выяснением причинных

соотношений с внешней средой. Как сказал французский философ XX века М. Фуко: «...это был всего лишь первый, естественный и самый разумный шаг зарождающейся науки» [25, с. 8]. В XX веке, когда наука развивалась в одном гносеологическом ключе, стремясь познать правовую действительность в ее предельных основаниях, наиболее распространенной сентенций о цели была та, что она «изучает общие закономерности развития государства и права...». В этом плане отнюдь не рефреном выглядит небезызвестное высказывание представителя «ленинградской школы права» профессора М.Д. Шаргородского о том, что «юридическая наука начинается там, где она говорит законодателю: нет» (1963 г.). В XXI веке — веке постмодерна или позднего модерна, и веке исследовательского плюрализма цивилистика с необходимостью и вполне отчетливо повернула в сторону романистики. Вследствие этого она обрела собственный юридический язык, получила серьезное обременение в виде зависимости от судебного и правового по своей сути законодательного материала ипотеряла внятную и осязаемую цель, как впрочем и другие общественные науки «слабой версии», относимые к таковой в силу их не слишком высокого прикладного потенциала.

Вряд ли сегодня найдется какой-либо удовлетворительный, устраивающий и ученых, и тех, кто находится в стороне от гражданско-правовой науки, ответ о ее целях. Попытка опереться на формальные критерии, заложенные в Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»¹, огласившем, что «научная (научно-исследовательская) деятельность — это деятельность, направленная на получение и применение новых знаний», так же не приведет к ответу. Отсюда современный цивилистический скарб в виде мнений плюс достижения по их каталогизации, и разные, но в меньшей степени научно-практические, комментарии «хорошего» и «плохого» законодательства. Все это вместо научного разума с его интерсубъективным компонентом. Нужен ли такой науке специальный методологический инструментарий? Вряд ли. В то время как наличие осознаваемой цели может оказаться не самым последним мотивом для методологической рефлексии. Не определившись с этой отправной точкой хотя бы на уровне доктрины, мы лишаем науку той точки координат, на которую должен быть ориентирован методологический регламент, а науку обрекаем на споры о том, есть ли он (регламент) на уровне отрасли, что его наполняет в части взаимозаменяемости

¹ СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

методики, методов и методологии, подлежит ли общеправовая методология коррекции в расчете на отраслевое исследование. Как говорил Г.В. Гегель, «в содержание науки входит вообще само понятие науки, причем это понятие составляет ее конечный результат» [6, с. 2]. И добавить здесь больше нечего.

Не добавляет методологической чувствительности исследователям и такая уже успевшая «состариться» проблема, как взаимодействие юридической науки и практики. Не столь активно, но вопрос в той или иной степени обсуждается [16], правда, как и методологическая проблематика в отдельных частях права, без особой доктринальной усталости. Мы не будем в данной статье углубляться в этот вопрос по той причине, что основные суждения автора по затронутому вопросу уже изложены в других публикациях [11]. Заметим лишь, что существующая сегодня неумная активность судебной практики в деле создаваемых ею обобщений, предназначенных как руководство для разрешения судебных споров, — не просто необходимое толкование законодательства и его разъяснение для целей единообразного правоприменения. Это еще и компенсация отсутствующей наработанной доктрины, которая бы наличным количественно-качественным заделом научных знаний, созданным с учетом должных методологических опор, способствовала бы направлению как законотворческих процессов, так и правоприменительных.

Не менее важно, пусть и в большей степени воспитательно, звучит тезис о необходимости пропаганды методологической культуры как неотъемлемого элемента правовой культуры исследователя. В условиях современного исследовательского «вала» без нее не обойтись. Как заметил А.Л. Маковский, из каждых десяти исследований только два содержат научные идеи [14, с. 170]. В отличие от методологии как учения о ценностях, характеризующих содержательно-теоретическую сторону процесса познания и не отличающейся умозрительностью, методологическая культура при постижении гражданско-правовой действительности в достаточной мере вещь осязаемая. Ее можно рассмотреть (или не рассмотреть), увидеть или услышать, воспринимая конечный научный продукт. Любой ученый, имеющий неформальный опыт научного рецензирования и оппонирования, с этим согласится. Ведь нетрудно увидеть и понять, пусть даже и на уровне смысла, придерживался ли исследователь продуманного подхода к проводимому исследованию, что составляет его базовую идею и есть ли она, ориентирован ли труд на конкретную типологию правопонимания, осно-

ваны ли выводы теории на ее аксиомах, предпринят ли продуманный и необходимый подход к выбору набора методов и т.д. Грустно это сознавать, но, не развивая методологическую культуру в многотрудной цивилистике, избегая разговоров о ней, мы постепенно придем к невозможности отличить умственный труд от физического. Последний, при современных электронных технологиях, весьма умело маскируется под труд творческий.

Следует признать, что наличие внутреннего дифференцированного смысла и мощный философский оттенок, сопутствующий методологии, значительно усложняют суть этого феномена. Но постигать придется. Ушедшее в историю отождествление метода и методологии привело к тому, что методологическое учение стало выстраиваться на многоуровневом подходе к методологии, что соответствует уровню развития современной цивилизованной юриспруденции [22, с. 41]. В цивилистике такой уровень уже задан. Как отмечает Д.И. Степанов, в методологии есть подход — высший уровень методологии; юридический метод, понимаемый как гносеологический метод; приемы и способы познания правовой действительности — наиболее простейшие, элементарные составляющие методологии, не способные выступать в качестве самостоятельного научного инструментария в деле познания права [18, с. 5].

Оттолкнемся от того, что методология — явление многоуровневое. В ней есть общее, особенное и единичное. Общий — философский уровень методологии определяет наиболее общую стратегию научного познания, является предельно общим мировоззренческим и гносеологическим обоснованием познавательной деятельности. Другие методологические уровни — особенное (например, методология общеправовая) и единичное (отраслевая методология) имеют самостоятельные методологические задачи, не подменяющие и не устранивающие философскую проблематику. По этой причине есть возможность говорить о совместимости всех трех уровней, находящихся между собой в состоянии как относительной взаимозависимости, так и относительной автономии. Учтем это и постараемся избежать категоричности, признав на уровне исследовательского подхода к заявленной в заголовке статьи проблеме, что цивилистика, как и другая отраслевая наука, входящая в структуру юриспруденции, не призвана разрабатывать собственные методологические положения. Что, однако, не снимает неопределенности в других методологических вопросах, имеющих отношение как к функциональному, так и системно-структурному аспекту мето-

логии. Первый аспект наиболее тесно связан с уровнями, подходами к исследованию, условиями успешного применения той или иной методики. Это так называемая особенная часть методологического каркаса. Наиболее абстрактная — общая часть методологии покоится на ее функциональной значимости методологии, позволяющий получить ответ на вопрос, что и как изучать.

Цивилистическая методология или методология для цивилистики?

Однокоренная основа триады «методика — метод — методология» нередко ведет к их отождествлению. Между тем у каждого понятия есть свой синоним. Методика — это алгоритм в виде заданной последовательности познавательных действий. У метода при всей его философской поддержке, разнообразии и множестве определений, также есть доступный синоним. Методология на мирском языке — это правила благоразумного научного поведения для исследователя, необходимая связь научного исследования с задачами правового регулирования и функциями научного познания, определенность и осознанность выбираемых внутринаучных критериев, ориентированных в том числе и на практику правоприменения.

Методология отраслевых наук — это, безусловно, продолжение общеправовой методологии. Общность последней для всех других отраслей научного познания в правоведении объективно предопределена едиными мотивационными факторами исследовательской деятельности в виде стремления обеспечить прирост имеющегося научного знания по проблемам развития и формирования права, которому должна сопутствовать методологическая определенность.

Потребность в исследовании вопросов о методологической самодостаточности каждой отрасли правоведения во многом определяется ее собственным научным фундаментом, наработанным алгоритмом получения новых знаний, силой влияния на практику правореализации и правоприменения, спецификой правовых явлений, входящих в предмет отраслевых научных исследований, и в конечном итоге достатком «ученых сил». Представители некоторых отраслей правоведения, осознав эти параметры, пусть единично, но уже обратились к проблемам отраслевого методологического регламента [8, 13; 19]. Современная цивилистика к этому также готова, свидетельством чему являются последние, пусть пока немногочисленные, научные публикации о назначении

методологии в масштабе отрасли. Методологическая модель в рамках цивилистики, как единичный уровень методологического пространства, может оказаться специфической и необходимо большей по сравнению с другими отраслями правоведения. Ведь цивилистическая наука, познает гражданско-правовые явления, как говорил Д. Ульпиан, «клоняющиеся к пользе отдельных лиц» (*ad singulorum utilitatem*). Не без этого гражданское право принято считать центром современной юридической системы. Однако формирование этой модели должно происходить не из разного сущностного подхода к методологии, а за счет индивидуализации необходимого для гражданско-правовых исследований набора методов, методик, методологических компонентов, стереотипов и ценностей, которые будут изыматься из общеправовой методологии, а не создаваться самой цивилистической наукой.

Методология как инструмент управления отраслевыми методами исследования (методометрия)

Как заметил Н.Н. Тарасов, мы практически оставили без внимания сами методы построения наших теорий [21, с. 43]. Так и есть, привычность исследовательских обрядов, связанных с эксплуатацией известных правоведению методов, заставляет задуматься и над этим. Несмотря на то что особых «головоломных проблем» при понимании сущности и назначения того или иного метода (за исключением нарождающихся новых) уже нет, феноменологический подход к «самим методам» — явление более распространенное, нежели подход сущностной конкретики, направленный на исследование с помощью заданных характеристик метода соответствующего явления (группы явлений), имеющих отраслевую нишу. Анализ метода (методов) как приемов обращения с самим научным материалом практически исключен. Ушла из ориентиров современных исследований мысль-наказ Г.Ф. Шершеневича, посвятившего методам гражданского правоведения весомый научный труд о том, что «как вообще всякий путь определяется местом назначения, так и научный метод зависит от той задачи, какую ставит себе данная наука» [26, с. 15].

Доктринальные подвижки в связи со случившейся относительной эмансипацией понятий «метод» и «методология» с приданием последней признаков науки о закономерностях развития и функционирования научного познания в отраслевой научной практике оказались не очень замеченными. Тогда как подобное соотношение

этих двух исходных категорий, при котором метод, сохраняя свою прежнюю философскую «окраску», стал рассматриваться в качестве одного из уровней методологического пространства, оказалось предопределенным еще и потребностями в управлении методами познания. Такой вид связи метода и методологии естественным образом взаимообусловлен. Вряд ли возможно оценить эффективность тех или иных методов в виде системы познавательных действий, принимаемых для решения соответствующих научно-теоретических задач без соответствующего методологического базиса со всеми его составляющими.

Уход от прежних методологических ценностей, сопровождавших социалистическое право, изменение того положения, при котором методология и идеология перестали отождествляться, — научный мир ощутил расширение границ исследовательской свободы. Что, однако, особо не повлияло на механизм работы с методами. Такие исследовательские вешки, как предмет, объект, цели, задачи исследования, совсем не обязательно определяют набор и систему избираемых методов и их взаимодействие между собой.

Исследовательская практика показывает, что неизменно в «обойме» методов исследования оказывается исторический метод как классика любого исследования. Нет никаких оснований отрицать важность и значимость этого метода: ведь право — идеальное образование и без исторического наследия его исследование немислимо. Вопрос в том, что сам метод, как и другие — известные и привычные, оказался без внимания. Обычный исход работы с таким методом как правило таков — обращение к истории напоминает повествование о том, «как было» и «как стало». Но ведь современные знания о гражданском праве благодаря почти абсолютной доступности исторических источников и основательным научным трудам современной волны уже обрели характер глубоких и развернутых. А это значит, что часть тех приемов, которые в цивилистике продолжают использоваться под крылом исторического метода, на самом деле больше уместны разве что для историков права. Для цивилиста же историко-правовой экскурс имеет ту ценность, которая позволяет понять, какой смысл изначально вкладывал законодатель и (или) доктрина в то или иное правовое явление. При этом неизменно значимой является необходимость сопряжения полученных выводов с новыми научными фактами диалектикой современных законодательных норм, что происходит не всегда. Примером такого «обратного» обращения с историческим методом может

послужить активно исследуемая современными цивилистами теория диффамации. «Достав» из истории весь «преждепродуманный» исторический контент о диффамационном учении, представители этой теории рассматривают данный исторический факт как синоним его современной законодательной значимости, не обращая внимания на то, что как исторические, так и нормативные границы для него уже выставлены. Зародившись впервые в нормах уголовного законодательства, а впоследствии выйдя за его пределы не без участия цивилистов, этот термин не позволял создать точные и последовательные возможные законодательные построения. В связи с этим законодатель так и не взял его в нормативный оборот — из уголовного законодательства он был исключен, а в нормы гражданского так и не вошел, — ни один из кодифицированных актов гражданского законодательства его не воспринял. Явление, покрываемое термином «диффамация», в современном доктринальном и законодательном обороте и практике правоприменения «живет» в другом масштабе, совершенно другом облике (личных нематериальных благ) и связи с другими правовыми явлениями. Иное легло на полку истории, оставшись лексическим отголоском в современном общеупотребительном российском обороте. Другая нормативная граница объективно очерчивается современным развитием законодательных норм о личных нематериальных благах и их защите. Существующая сегодня нормировка вопроса, покрываемая в дореволюционном праве не столь искусным понятием «диффамация» со всей простотой его наполнения, давно ушла далеко вперед. Но доктрина не останавливается — препарирует, классифицирует и дробит эту самую диффамацию как реальную или потенциальную нормативную конструкцию, предлагая устную и письменную, полную и усеченную, преднамеренную (клевета), неприличную (оскорбление), достоверную и недостоверную, умышленную и неумышленную. Нельзя исключить появления и новых разновидностей диффамации, ведь точки отсчета, которая может считаться истиной, нет. Заметим в связи с этим главное. Оно в том, что прибегая к историческому методу, провозглашенному Ф.К. Савиньи, как «методу, присущему самой природе права», не надо забывать главного — в истории было много судьбоносного, но задача науки в том и состоит, чтобы понять это и не повторить тех простейших форм, которые навсегда ушли в историю. Как указывал незаслуженно забытый русский цивилист И.А. Базанов, «экскурс современного цивилиста в область (римского) права является

вполне оправданным, ценным и плодотворным, *когда применяется правильно*» [2, с. 649].

Метод системного подхода также можно отнести к числу традиционных методов, используемых при исследовании социальных, правовых, в том числе гражданско-правовых, явлений. Применяемый в сочетании с собственно юридическими методами, он позволяет выявить такие свойства правовых норм, правовых явлений, которые появляются лишь при взаимодействии отдельных элементов единого целого, каковым является система права. Но, как показывает исследовательская практика, в гражданском праве этот метод либо смешивается с приемами классификации, либо обрывает явными признаками математизации. И то и другое — крайности. Классификация, в отличие от систематизации, всегда остается теоретическим приемом. Гибкость и многозначность ее критериев не позволяет отождествлять систематизацию с классификацией. Если говорить об эффекте математизации метода систематизации, то он проявляется в праве в том результате, когда приведенной систематизации придается самодовлеющее начало, требующее приоритета всей сформированной системы над элементами, ее наполняющими. Здесь, как и в аргументах с историческим методом, дело заключается «в правильном использовании» заявленного метода.

В условиях глобализации права и других государственных явлений необходимым атрибутом, а значит общераспространенным, стал метод сравнительного правоведения. С его помощью декларируется прием интегрированного исследования гражданского права. На макроуровне — при исследовании различной законодательной техники, стиля кодификации и методов толкования законодательных актов, использование этого метода достигает желаемой цели в виде получения объективных сравнительно-сопоставимых выводов. Но есть еще и микроуровень, на котором исследуются отдельные правовые институты, конструкции, понятия. Вот здесь, с учетом частноправовой природы гражданского права, построения абсолютного большинства его институтов на конструкциях немецкого опыта, надлежит доктринально договориться об алгоритме, обеспечивающем необходимую аналитику, базу для сопоставимых выводов. Надо сказать, что примеров компетентного, т.е. правильного, использования микроуровневой стороны метода сравнительного правоведения, а значит и самого метода, в современной цивилистике уже достаточно. Однако весьма и весьма нередко итог использования такого метода преподносится

«как у них» и «как у нас» с неизменно высокой степенью научного доверия к тому, «как у них».

Приведенные весьма кратко рассуждения о недооценке истинного потенциала каждого исследовательского метода для целей гражданско-правовой науки преследуют одну цель — стать поводом для научного разговора о том, какие общеправовые методы важны и неизбежны на уровне частноправовых исследований, а какие нужны еще. Ведь не секрет, что современная цивилистика оказалась замкнутой в основном на доктринальных (юридико-технических) исследовательских методах, т.е. учениях, которые являются продуктом науки права как таковой. В то время как в право в целом и гражданское в частности пришли общечеловеческие ценности, принципы справедливости, добросовестности, разумности, гуманности. Для самой правовой науки эти процессы требуют более высокого науковедческого уровня, поскольку дело не только в их осмыслении и описании на уровне филологии юридического языка, а в поиске новых методов к изучению отдельных институтов, явлений, конструкций. И только дружественное отношение к методологии на уровне цивилистики позволит обеспечить понимание того, что методы цивилистического исследования должны быть в первую очередь щадящими, гуманистическими и оправданными. Для каждого предстоящего исследования они должны предварительно отбираться (а не выполнять ретроспективную статистическую функцию). Отобранные исследователем методы и работа с ними — это лицо его теоретического самосознания, которое должно быть адекватно тому виду деятельности, который им избран.

Что касается новых методов, чей конструктивный потенциал поможет цивилистике «сохранить свое лицо», то один из них уже предложен в науке. Речь идет о методе научного исследования межотраслевых связей гражданского права, заслуга в обосновании доктринальной ценности которого принадлежит М.Ю. Чельшеву. Как указал этот ученый, данный метод представляет собой «отражение общего междисциплинарного подхода, сочетает в себе элементы (черты) других методов юридических исследований — сравнительно-правового и системного, является одной из составных частей цивилистической методологии — инструментом познания правовой действительности, который позволяет отразить в науке усиление комплексности правовой жизни в частноправовой сфере, выявить особенности функционирования системы межотраслевых связей гражданского права» [26]. Дело только в одном — за последователями.

В числе новых сегодня числятся такие методы познания правовой действительности, как синергетика, герменевтика, концептология. Примет ли их «по умолчанию» гражданско-правовая доктрина или отторгнет, зависит от того, повстречаются ли ее представители с их существом заранее (назначение, цель, результат) или примут в качестве очередной номинации в чуть застоявшемся привычном ряду методов. Последнее нежелательно, поскольку очень необходимо увидеть разницу между модным и современным, классическим и неклассическим, эффективным и неэффективным и тем самым не попасть в следующую (после забвения самой методологии) методологическую ловушку.

Заключение

Автор не ищет оснований для канонизации методологии и не призывает считать методологию единственным мерилем научного успеха в сегодняшней цивилистической науке, существующей, как известно, не без признаков порочности. Дело отнюдь не в этом или не только в этом. Оно еще и в необходимости тематизации методологии для цивилистики, придании ей того методологического бремени, без которого цивилистика как невероятно объемное по сути своей динамичное социальное явление с его сложнейшим научным бытом обрекается на бесплодие. Чтобы этого не случилось, теоретическое самосознание цивилиста должно опираться на конструктивную, а не декларативную методологию. Важно достигнуть такого положения, при котором тренированный научный ум не сможет обойтись без методологии, а нетренированному она и не поможет.

Библиографический список

1. *Аскназий С.И.* Некоторые вопросы методологии советского гражданского права // *Аскназий С.И.* Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М.: Статут, 2008. 859 с.
2. *Базанов И.А.* Исторический метод в цивилистических исследованиях // *Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права. Выпуск второй (2005)* / Под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. М.: Статут, 2006. С. 648–661.
3. *Белов В.А.* Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // *Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики* / Под общ.ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 124–161.

4. *Васьковский Е.В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Юринформ, 2002. 508 с.
5. *Витушко В.А.* Общенаучная методология в цивилистике // Журнал российского права. 2000. № 3. С. 54–60.
6. *Гегель Г.В.ф.* Наука логики. М.: Издан. профкома слушателей ин-та красной профессуры, 1929. 686 с.
7. *Грибанов В.П.* Методологические проблемы советского гражданского права // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. 1986. № 1. С. 48–53.
8. *Бондаренко Н.Л.* Современный методологический подход к исследованию принципов гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4. С. 305–309.
9. Введение в науку права / Г. Радбрух, проф. Гейдельберг.ун-та. М.: Труд, 1915. 160 с.
10. *Вишинецкая С.В.* К вопросу о назначении методологии науки трудового права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 3. С. 58–65.
11. *Комиссарова Е.Г.* К вопросу о взаимодействии юридической науки и практики: методологические подходы // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика. Вып. 40 / Под ред. А.Г. Диденко. Алматы: Раритет, 2012. 344 с.
12. *Кузнецова О.А.* Научная проблема и названия цивилистических исследований // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4. 316–324.
13. *Малешин Д.Я.* Методология гражданского процессуального права. М.: Статут, 2010. 208 с.
14. *Маковский А.Л.* Американская история // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 165–196.
15. *Радбрух Г.* Философия права. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.
16. *Семякин М.Н.* Цивилистическое правоведение и юридическая практика // Российский юридический журнал. 2014. № 4. С. 5–15.
17. *Серова О.А.* Выбор парадигмы научного исследования: проблемы методологии и внешней оценки // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4. С. 276–283.
18. *Степанов Д.И.* Вопросы методологии цивилистической доктрины // Актуальные проблемы гражданского права: Сб. статей / Под ред. О.Ю. Шилохвоста. М.: Норма, 2003. Вып. 6. С. 1–33.

19. Стус Н.В. Наука уголовно-судебного права: теория и методология исследований // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 10. С. 42–49.
20. Суханов Е.А. О проблемах методологии цивилистических исследований // Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008–2012 гг. М.: Статут, 2012. С. 445–456.
21. Тарасов Н.Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка системного анализа) // Правоведение. 2001. № 1. С. 31–50.
22. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. 264 с.
23. Толстой Ю.К. Из пережитого. М.: Проспект, 2015. 432 с.
24. Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казанского государственного ун-та, 2008. 205 с.
25. Фуко М. Рождение клиник. М.: Смысл, 1988. 310 с.
26. Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань: Типо-лит. Импер. ун-та, 1898. 46 с.
27. Халабуденко О.А. Вопросы методологии права: гражданско-правовые прерогативы и юридические конструкции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 1. С. 174–187.
28. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1998. 478 с.

References

1. Asknaziy S.I. *Nekotorye voprosy metodologii sovetskogo grazhdanskogo prava* // Asknazii S.I. *Osnovnye voprosy teorii socialisticheskogo grazhdanskogo prava* [Some Problems of the Methodology of Soviet Civil Law // Askinazi S. I. *The Basic Theory of the Socialist Civil Law*]. Moscow: Statut, 2008. 859 p. (In Russ).
2. Bazanov I.A. *Istoricheskiy metod v tsivilisticheskikh issledovaniyakh* [Historical Method in Civil Law Studies // Scientific Research: Yearbook of Civil Law], in: B.L. Khaskelberg, D.O. Tuzov (ed). Moscow: Statut, 2006. Vol. 2. P. 648–661. (In Russ).
3. Belov V.A. *Predmetno-metodologicheskie problemi civilisticheskoi nauki // Grajdanskoe pravo: aktualnie problemi teorii i praktiki / pod obsch. red. V.A. Be-lova* [Substantive-methodological Problems of Civil Law Sciences // Civil

Law: Current Theory and Practice], in: V.A. Belov (ed.). Moscow: Yurait-Izdat, 2007. P. 124–160. (In Russ).

4. Vaskovskiy E.V. *Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov* [Civil law methodology. The Doctrine of the Interpretation and Application of Civil Laws]. Moscow: Yurinform, 2002. 508 p. (In Russ).

5. Vitushko V.A. *Obshchenauchnaya metodologiya v tsivilistike* [General Scientific Methodology in Civil Law] // *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2000. № 3. P. 54–60. (In Russ).

6. Gegel G.V.f. *Nauka logiki* [The Science of Logic]. Moscow: Profkom slushateley instituta krasnoy professury, 1929. 686 p.

7. Gribanov V.P. *Metodologicheskie problemy sovetskogo grazhdanskogo prava* [Methodological Problems of Soviet Civil Law] // *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 11. Pravo* – Moscow University Bulletin. Ser 11. Law. 1986. № 1. P. 48–53. (In Russ).

8. Bondarenko N.L. *Sovremennyy metodologicheskiy podkhod k issledovaniyu printsipov grazhdanskogo prava* [Modern methodological Approach to the Civil Law Principles Research] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2013. № 4. P. 305–309. (In Russ).

9. *Vvedenie v nauku prava* [Introduction to the Science of Law] / G. Radbrukh. Moscow: Trud, 1915. 160 p. (In Russ).

10. Vishnovetskaya S.V. *K voprosu o naznachenii metodologii nauki trudovogo prava* [On the Issue of the Labour Law Science Methodology Purpose] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2013. № 3. P. 58–65. (In Russ).

11. Komissarova E.G. *K voprosu o vzaimodeystvii yuridicheskoy nauki i praktiki: metodologicheskie podkhody* // *Grazhdanskoe zakonodatel'stvo. Stat'i. Kommentarii. Praktika. Vyp. 40 / pod red. A.G. Didenko*. [To the Question About the Interaction of Legal Science and Practice: Methodological Approaches], in: A.G. Didenko. Almaty: Raritet, 2012. Vol. 40. 344 p. (In Russ).

12. Kuznetsova O.A. *Nauchnaya problema i nazvaniya tsivilisticheskikh issledovaniy* [Scientific Problem and the Titles of the Civil Research] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2013. № 4. P. 316–324. (In Russ).

13. Maleshin D.Ya. *Metodologiya grazhdanskogo protsessual'nogo prava*. [The Methodology of the Civil Procedure Law]. Moscow: Statut, 2010. 208 p. (In Russ).

14. *Makovskiy A.L. Amerikanskaya istoriya* [American history] // *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2007. № 1. P. 165–196. (In Russ).
15. *Radbrukh G. Filosofiya prava*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. 240 p. (In Russ).
16. *Semyakin M.N. Tsivilisticheskoe pravovedenie i yuridicheskaya praktika* [Civil Law and Legal Practice] // *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* – Russian Juridical Journal. 2014. № 4. P. 5–15. (In Russ).
17. *Serova O.A. Vybora paradigmy nauchnogo issledovaniya: problemy metodologii i vneshney otsenki* [The Choice Paradigm of Scientific Research: Problems, Methodology and External Evaluation] // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2014. № 4. P. 276–283. (In Russ).
18. *Stepanov D.I. Voprosy metodologii tsivilisticheskoy doktriny* // Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik statey / Pod red. O.Yu. Shilokhvosta. [Methodological Issues of Civil Doctrine // Actual Problems of Civil Law], in: O.Yu. Shilokhvost (ed)]. Moscow: Norma, 2003. Vol. 6. P. 1–33.
19. *Stus N.V. Nauka ugovorno-sudebnogo prava: teoriya i metodologiya issledovaniy* [Science of the criminal law: theory and methodology of research] // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2014. № 10. P. 42–49. (In Russ).
20. *Sukhanov E.A. O problemakh metodologii tsivilisticheskikh issledovaniy* // *Sukhanov E.A. Problemy reformirovaniya Grazhdanskogo kodeksa Rossii: Izbr. tr. 2008–2012 gg.* [About the Problems of Civil Research Methodology // Sukhanov E.A. Problems of Reforming the Civil Code of Russia: Selected Papers 2008–2012]. Moscow: Statut, 2012. P. 445–456. (In Russ).
21. *Tarasov N.N. Metod i metodologicheskiy podkhod v pravovedenii (popytka sistemnogo analiza)* [Method and Methodological Approach in Jurisprudence (Attempt System Analysis)] // *Pravovedenie* – Jurisprudence. 2001. № 1. P. 31–50. (In Russ).
22. *Tarasov N.N. Metodologicheskie problemy yuridicheskoy nauki*. [Methodological Problems of Legal Science]. Ekaterinburg, 2001. 264 p. (In Russ).
23. *Tolstoy Yu.K. Iz perezhitogo* [Out of the Experience]. Moscow: Prospekt, 2015. 432 p. (In Russ).
24. *Chelyshev M.Yu. Osnovy ucheniya o mezhotraslevnykh svyazyakh grazhdanskogo prava* [The Basis of the Doctrine of Inter-industry Relations of Civil Law]. Kazan: Publishing of Kazan University, 2008. 205 p. (In Russ).
25. *Fuko M. Rozhdenie klinik*. [The Birth Clinics]. Moscow: Smysl, 1988. 310 p. (In Russ).

26. *Shershenevich G.F. Zadachi i metody grazhdanskogo pravovedeniya: elektronnyaya kniga* [Objectives and Methods of the Civil Law]. Kazan, 1898. 46 p. (In Russ).

27. *Khalabudenko O.A. Voprosy metodologii prava: grazhdansko-pravovye prerogativy i yuridicheskie konstruksii* [Some Issues of Methodology in Law: Civil Law Prerogatives and Legal Construction] // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2013. № 1. P. 174–187. (In Russ).

28. *Tsvaygert K., Ketts Kh. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava. V 2 t. Vol. 1.* [Introduction to Comparative Law in the Field of Private Law: in 2 v.]. Moscow: International Relations, 1998. 478 p. (In Russ).

THE INFLUENCE OF METHODOLOGY THE CHOICE OF RESEARCH METHODS IN CIVIL LAW

E.G. Komissarova

Tyumen State University

25, Lenina st., Tyumen, 625000

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990

E-mail: eg-komissarova@yandex.ru

Introduction: *the author explores the methodological value in relation to civil science, based on the understanding of the methodology as a way of organization of scientific knowledge. The main ideas of the author based on the fact that the methodology is not Autonomous and self-sufficient phenomenon, but one facet of the General scientific methodology with three systemically dependent level – General, special and single. Objective:* *to Explore scientific methodology with a single argument with the fact that the methodology of applied Sciences is a continuation of the General legal methodology. The commonality of the latter for all other branches of scientific knowledge in the law objectively predefined single motivational factors research in the form of commitment to ensure the growth of existing scientific knowledge on the development and formation of law. This process must be accompanied by methodological certainty, identical certainty intrascientific criteria. Mainstreaming the issue of methodological self-sufficiency of civil law as any other science is primarily associated with its subject characteristics that determine the width of the horizon and the boundaries of the cognitive space that*

*specifies a corresponding set of methodological tools. Methodological model in the framework of civil law, as a single level of methodological space can vary, however, due to the different intrinsic approach to the methodology, but at the expense of individualization necessary for civil legal research methods, techniques, methodological component, stereotypes and values which are removed from the General methodology, and not created the civil science. **Results:** The final judgment of the author based on the fact that the civil law is not and cannot be “their” methodology. The task of the civil law approach to the methodological doctrine already established in philosophy and jurisprudence. Just based on that, you can come to the adjustment of the set of methods in scientific knowledge, to exclude them random set is not associated with the subject and the problem of knowledge. Thus, the methodology of the civil law is not only the certainty of the methods, levels, and approaches, research, and management research methods in order to ensure an informed approach to their selection, targeting and humanity chosen.*

Key words: *method; technique; methodology; civil science; private law phenomena; management methods; specific scientific methods of research.*

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ (В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ УЧЕНИЯ М.Ю. ЧЕЛЫШЕВА)

В.В. Кулаков

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права
Российский государственный университет правосудия
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
E-mail: faust-ul2004@yandex.ru

Введение: в статье представлены основные тезисы, которые следует учитывать при изучении межотраслевых связей в российском праве. Системное единство всего российского права предполагает применение совокупности разноотраслевых средств в целях эффективного правового регулирования. При этом следует учитывать объективно существующее деление права на отрасли, обусловленное самостоятельностью их предметов, в основе которых лежат принципиально разные социально-экономические законы. **Цель:** продемонстрировать дальнейшие направления развития исследований межотраслевых связей с учетом учения профессора М.Ю. Чельшева. **Методы:** использовались теоретические методы научного познания (методы формальной и диалектической логики). **Результаты:** самостоятельность отраслей права означает невозможность конкуренции между разноотраслевыми формами права. О субординационных связях можно говорить лишь применительно к одноотраслевым формам права в целях установления их юридической силы. **Выводы:** обоснованы выводы о межотраслевых связях между частным и публичным правом, а также внутри частного права; о делении норм публичного права на нормы, предназначенные для урегулирования исключительно публичных правоотношений и на нормы, назначение которых заключается в урегулировании частных отношений; о необходимости разграничения отношений, входящих в предмет частноправовых отраслей.

Ключевые слова: межотраслевые связи; система права; частное право; публичное право; многоотраслевая квалификация правоотношения; императивное регулирование; диспозитивное регулирование; методология права.

Введение

Право является единой системой, цель которого заключается в эффективном правовом регулировании всех значимых общественных отношений. Это единство подтверждает наличие общих для всех отраслей норм независимо от закрепления в законе той или иной «отраслевой» принадлежности (например, о правовом положении юридических лиц). Вместе с тем право как любая система состоит из элементов, в первую очередь – отраслей, специфика которых обусловлена природой общественных отношений, урегулированных их нормами. Значительное внимание изучению межотраслевых связей обращал наш современник, выдающийся ученый-цивилист Михаил Юрьевич Чельшев, который в 2008 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование». Идеи Михаила Юрьевича продолжают развитие в трудах его учеников и последователей. В этой статье предложены некоторые мысли о методологии исследования межотраслевых связей в российском праве, также основанные на работах М.Ю. Чельшева и личных беседах с ним.

Единство права как системы

В процессе правового регулирования нельзя бездумно разрывать право частное и публичное. Зачастую только совокупностью разноотраслевых средств можно достичь должного эффекта. Если юрист может системно понимать право, его дух, то сможет и принимать непротиворечивое законодательство, и выносить верные решения. К сожалению, у нас не так все хорошо с этим. В качестве примера приведем проблему соотношения норм ГК РФ о взыскании неустойки или процентов за пользование чужими деньгами и нормы п. 3 ст. 250 НК РФ (признанные должником или подлежащих уплате должником на основании решения суда, вступившего в законную силу, штрафов, пеней и (или) иных санкций за нарушение договорных обязательств, а также сумм возмещения убытков или ущерба). Согласно налоговому законодательству, еще не получив суммы основного долга с должника, кредитор – взыскатель уже становится должником по налогам. Такая ситуация, безусловно, неприемлема.

Вместе с тем частные потребности каждого индивидуума необходимо согласовывать с интересами общими, поэтому деление права на частное и публичное объективно. Развитие права в этом смысле представля-

ет собой борьбу с частным эгоизмом. Императивное регулирование должно быть направлено на защиту таких общих ценностей, интересов, не умаляя, однако, частной инициативы. Поэтому важно обеспечить разумный баланс соответствующих правовых средств. Известно, что в развитии отечественного частного права были разные этапы — с пре-валированием публичного или диспозитивного регулирования. Как видим, «разбаланс» в ту или иную сторону к хорошему не приводит.

Объективное деление права на отрасли

Право едино, но как любая система состоит из частей, которые хоть и связаны между собой, но отличаются. Необходимо учитывать разную природу (или сущность — по терминологии ст. 4 СК РФ) общественных отношений, которая лежит в основе деления права на отрасли. Отрасли существуют объективно, вне желания конкретных субъектов, так как общественные отношения группируются в соответствии с социально-экономическим базисом, назначением, определяемым в конечном итоге потребностями участников этих отношений. Эти отношения настолько специфичны, что требуют особого правового регулирования и в конечном итоге становятся предметом самостоятельной отрасли права. Так, семейные отношения своим назначением кардинально отличаются от отношений экономического обмена, регулируемых гражданским правом, даже если у них сходный объект, сходное положение субъектов (соответственно, перевод родителем денег ребенку, даже совершеннолетнему, к примеру, на оплату учебы, вряд ли обоснованно квалифицировать в качестве дарения, равно как и оплату одним членом семьи лечения другого).

В основе предмета той или иной отрасли лежат принципиально разные социально-экономические законы, которые, кстати, и обуславливают сущность основных начал (принципов) той или иной отрасли права. Заметим при этом, что категория «принцип права» имеет двойственную природу. Так, для органов законодательной власти принципы права представляют собой руководящие начала для дальнейшего правотворчества и являются не правовыми, а *политическими идеями*, так как государство признает наиболее важные, объективно существующие в обществе и экономике явления, состояния, потребности (социально-экономические законы) и «берет на себя обязательство» учитывать их в процессе правового регулирования, без чего нормальное существование и развитие общества

будут невозможными. Для судов и органов исполнительной власти принципы права выступают как особая форма права (более высокого уровня обобщения).

О соподчиненности отраслей права

Равнонаправленны ли межотраслевые связи и соответственно соподчинены ли тем или иным образом правовые отрасли? Данный вопрос возникает, например, когда говорят о ведущем значении конституционного права. М.Ю. Чельшев обращал внимание на принципиальную разницу отдельных групп межотраслевых связей: *субординационные (отраслевого приоритета)* и *координационные*, приводя в качестве примера подчинение всех отраслей Конституции РФ. В свою очередь, полагаем, что каждая отрасль права самостоятельна, а потому и не соподчинена одна другой. При этом, безусловно, нельзя смешивать вопросы о юридической силе Конституции РФ и «отраслевых» законов и соподчиненности отраслей. Дело в том, что в Конституции РФ закреплены нормы не только конституционного права, но и гражданского, семейного и иных отраслей, а место фиксации их отраслевой природы не меняет, хотя, безусловно, положения статьи Конституции РФ сформулированы довольно абстрактно и так или иначе развиваются в отраслевом законодательстве.

Полагаем, что говорить о субординационных связях можно лишь применительно к одноотраслевым формам права в целях установления их юридической силы, что может быть весьма сложной задачей. Социально-экономическая самостоятельность групп отношений определяет самостоятельность соответствующих правовых отраслей, предметом которых эти отношения являются. Говорить о субординации применительно к отраслям не следует в силу самостоятельности их предметов.

Соответственно нормы разных отраслей не могут конкурировать. Так, часто говорят о якобы имеющей место конкуренции нормы п. 4 ст. 575 ГК РФ о запрете дарения между коммерческими организациями с нормами НК РФ об освобождении налога на прибыль помощи «материнской» компании дочерней (подп. 11 п. 1 ст. 251 НК РФ). На первый взгляд, налоговое законодательство косвенно разрешает то, что прямо запрещает ГК РФ. Однако квалификация такого отношения может быть только гражданско-правовой, исключая тем самым применение к таким отношениям норм НК РФ. Даже если некий договор о финансовой помощи будет судом квалифицирован не как

дарение (см. по этому поводу Постановление Президиума ВАС РФ от 4 декабря 2012 г. № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12), а как некий непоименованный договор, противоречие снимается, но гражданско-правовая природа отношений остается неизменной. Таким образом, установление отраслевой природы отношения (т.е. его правильная квалификация) не позволяет говорить о межотраслевой коллизии; коллизия же одноотраслевых норм решается с помощью известных правил о приоритете специального или позднего закона.

О связях частного и публичного права

Здесь следует иметь в виду, что есть нормы публичного права, во-первых, предназначенные для урегулирования исключительно публичных правоотношений (например, уплаты налогов, выборы и т.п.); во-вторых, вспомогательные к частному, поскольку их назначение в конечном счете заключается в урегулировании частных отношений, хотя в итоге предполагается достижение общего блага (публичный интерес). Это нормы о государственной регистрации, о вводе объектов в гражданский оборот, антимонопольные нормы, о государственных закупках, о банкротстве. Эти нормы не имеют иного значения вне их связи с нормами чисто частноправовыми. В этом смысле вполне обоснованно выделение самостоятельного предпринимательского права, если учитывать, что публично-правовые нормы направлены на урегулирование частных по природе интересов.

Возможна многоотраслевая квалификация одного и того же отношения нормами частного и публичного права, если имеется пересечение общественных отношений, составляющих их предмет. Например, отношения по незаконной торговле могут быть квалифицированы и как преступление (административный проступок), и как, например, недействительная сделка; лишение жизни — как преступление и гражданско-правовой деликт, безбилетный проезд, неверная маркировка груза и т.д. При этом имеются основания полагать, что частноправовая квалификация конкретного общественного отношения должна учитываться при его квалификации нормами публичного права.

При этом не исключено применение норм, закрепленных в статьях «отраслевых» законов, к иным отношениям, однако если на это есть указание законодателя, что означает не что иное, как прием *юридической техники*, направленный на «законодательную экономию», и не меняет природы отношений.

Связи внутри частного права

Схожесть предметов частноправовых отраслей обусловлена общими «цивилистическими» корнями, но цели гражданских, трудовых и семейных отношений различны, и различие это обусловлено необходимостью создания гарантий для специальных субъектов (работников, несовершеннолетних, нуждающихся родственников и др.), что обуславливает преимущественно императивный метод в трудовом и семейном праве. Поэтому важно верно квалифицировать те или иные отношения как семейные, трудовые или гражданские отношения (разграничивать их), дабы не создать гарантий субъектам, не имеющим на то права. Вместе с тем «генетическая» близость отраслей частного права позволяет, во-первых, применять нормы, закрепленные в кодексах иной отраслевой направленности в качестве приема юридической техники (см. ст. 4 СК РФ), во-вторых, унифицировать правовое регулирование близких отношений (например, связанных с компенсацией морального вреда в трудовом, семейном, гражданском праве, условий действительности сделки, злоупотребления правом и т.д.).

THE RESEARCH METHODOLOGY OF INTERBRANCH RELATIONS IN THE RUSSIAN LAW (IN THE LIGHT OF THE TEACHINGS OF M.Y. CHELYSHEV)

V.V. Kulakov

Russian State University of Justice

69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418

E-mail: faust-ul2004@yandex.ru

Introduction: the article represents the key ideas that should be used in a study of inter-branch links in the Russian Law. Integrity of whole Russian law as a system suspects usage of different-branch legal instruments in order to provide effectiveness of the legal regulation. It's should be noticed that due to particularity of different spheres of economy the division of law into branches is an objective fact. **Aim:** to show further directions for the development of the inter-branch links conception by prof. M. Yu. Chelyshev. **Methods:** author used theoretical methods of humanitarian science (methods of formal and dialectical logic). **Results:** self-dependence of the branches of law doesn't exclude a possibility of competition

*between law instruments from different branches of law. Subordinate links may be found only for the same-branch forms of law in order to detect their legal power. **Conclusion:** the author validates his conclusions about inter-branch links between private and public law and inside the private law; about division of the public law rules on rules that can regulate only public relationships and rules that are aimed to regulate private relationships; about necessity of differentiation of relations in the object of the private law.*

Keywords: *inter-branch links in the Russian Law; the system of law; private law; public law; Diversified qualifications of the relationship; imperative regulation; dispositive regulation; methodology of law.*

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

А.Н. Левушкин

Доктор юридических наук, профессор кафедры
гражданского права и процесса

Ульяновский государственный университет

432970, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 40/9

E-mail: lewuskin@mail.ru

Введение: статья посвящена вопросам методологии науки семейного права. Она является составной частью методологии цивилистической науки. Бесспорно, что методология науки семейного права основывается на общенаучной методологии, использует общенаучный методологический инструментарий и компоненты. **Результаты:** многие правовые преобразования последних лет, в том числе в области семейных отношений, базируются на односторонней методологии, не учитывают комплекса методологических средств, необходимых для эффективного правового регулирования брачно-семейных отношений. Проведение же эффективных исследований, в том числе законотворческих, возможно только на базе единых методологических предпосылок. Игнорирование методологического обоснования правового регулирования семейных отношений может привести к созданию сугубо декларативных, недействующих норм семейного законодательства, которые, к сожалению, в настоящее время закреплены в СК РФ и отдельных нормативно-правовых актах, регулирующих семейные отношения. **Выводы:** к сожалению, следует признать, что многие имеющиеся теоретические методологические подходы не имеют должного применения и реализации в законотворческом и правоприменительном процессе. Одна из важных причин этого видится в отсутствии отраслевого научного подхода в сфере науки семейного права. Видится необходимым соединение методологии общей теории права с особенностями семейного права как науки и самостоятельной отрасли частного-публичного права.

Ключевые слова: методология науки; методы; системная методология; семейное право; частно-публичные отношения; методологические принципы; частнонаучные; общенаучные методы познания.

Введение

Еще И. Кант подчеркивал, что наука должна руководствоваться методом, «она требует познания систематического, следовательно, осуществленного по обдуманым правилам» [3, с. 526]. Успех исследований во многом зависит от комплексного использования всех методов. В ином случае выводы могут носить двойственный и противоречивый характер.

Интерес ученых к определению понятий «метод науки», «метод научного исследования» прослеживается на протяжении многих лет. Вместе с тем в настоящее время достаточно часто в цивилистической науке происходит смешение таких юридических категорий, как «методология», «правовой метод», «методика». Вопросы методологии являются в любой области науки одними из наиболее актуальных и значимых.

Понятие методологии науки и метода научного исследования

«Методология является не столько упорядоченным набором средств (методов) познания, сколько средством постановки познавательной проблемы. Поэтому выбор методологии (или их сочетания) зависит в первую очередь от характера и масштабности формулируемой или заданной познавательной проблемы» [8, с. 17].

По мнению Е.В. Васьковского, методология отделяет приемы исследования «правильные и целесообразные от ошибочных и негодных...» [1, с. 42]. В то же время большинство недостатков осуществляемых в последнее время преобразований в регулировании семейных отношений связаны в первую очередь с упущениями на уровне методологии.

Системная методология и особенно те ее аспекты, которые позволяют находить междисциплинарные подходы к описанию разнокачественных событий и выявлять в них общие признаки и закономерности, открывают возможности познания реформ не как уникальных частных, а как различных проявлений достаточно однотипных организационных процессов со схожим генезисом, логикой развития, условиями устойчивого протекания и т.п.

Анализируя проблемные вопросы методологии науки, В.Н. Карташов обоснованно указывал: «... существует определенный эмпирический (фактические данные, правовые акты и другие официальные

документы) и теоретический (результаты уже проведенных исследований, отраженных в научных трудах) материал, составляющий методологическую основу, методология — это определенный инструментарий (техника)..., методология включает принципы, правила, приемы, способы, а также средств познания (тактику)..., способы долгосрочного планирования и прогнозирования научных поисков, определяющих перспективу развития фундаментальной и иных юридических наук, образуют методологию и ее стратегический компонент..., мировоззренческая основа юридических наук — система определенных жизненных позиций ученых-юристов, их идеалы и убеждения, ценностные ориентиры и установки ...» [5, с. 33].

«Правовой метод представляет собой известный набор юридического инструментария, посредством которого государственная власть оказывает необходимое воздействие на волевые общественные отношения в целях придания им желаемого развития» [7, с. 401]. Большинство авторов под методологией права рассматривает совокупность принципов, средств и способов познания, применяемых в процессе изучения правовых явлений [9, с. 44]. Понятие правового метода является более дискуссионной проблемой. Некоторые авторы под ним понимают действие, в результате которого достигается определенная цель, а также вид и способ выполнения такого действия [10, с. 32]. Другие рассматривают его в качестве совокупности юридических приемов, средств, способов воздействия социальных управляющих систем, входящих в государственный аппарат, на социально-правовую среду в целом и на составляющие ее элементы [4, с. 84].

Основные методы правоведения как система средств исследования права подробно разработаны в науке Н.Н. Тарасовым, который выделял следующие ее подсистемы: 1) философские средства метода юридической науки; 2) общенаучные средства; 3) специальные юридические средства, принципиальное значение в данном случае имеют традиционные установки догматической юриспруденции, во многом определяющие понимание норм научного исследования и критерии восприятия юридическим сообществом научного знания, в связи с чем особый смысл приобретают теоретические и методологические исследования юридической догмы — юридические конструкции; 4) методики и техники исследований [11, с. 227].

Полагаем, что эффективность исследования и правового регулирования семейных отношений зависит от правильного и рационального применения методов всех уровней. Это особенно проявляется

в регулировании семейно-брачных отношений, так как именно здесь применяются философские и общенаучные средства, специальные юридические методы и следует подчеркнуть значимость ненормативных регуляторов брачно-семейных отношений, таких как обычаи, нормы морали и религиозные предписания.

Особенности и пути развития методологии науки семейного права

Методологию науки семейного права не следует рассматривать как автономное и изолированное явление. Наоборот, она является составной частью методологии цивилистической науки. Бесспорно, что методология науки семейного права основывается на общенаучной методологии, использует общенаучный методологический инструментарий. Видится ошибочным применять ограниченное толкование методологии цивилистической науки и рассматривать ее лишь в качестве системы методов научного познания цивилистики. Полагаем, что важная роль принадлежит именно теоретико-мировоззренческому компоненту в системе методологии науки семейного права.

Представляется, что игнорирование методов других уровней свидетельствует об односторонности, обеднении научного исследования и механизма реализации нормативных положений. Применение только специальных методов семейного права или только юридических приемов может привести к сужению исследования, ограничению его только частными проблемами. Поэтому эффективное правовое регулирование семейных правоотношений возможно только при комплексном использовании методов всех уровней, в том числе применении норм морали и религии. Следует признать значимость для семейного права именно последних регуляторов, в особенности в мусульманских государствах (Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан).

Последовательно развивая теорию о самостоятельности семейного права как отрасли частнопубличного права и формировании внутренней сложной системы данной отрасли, доказываем специфические особенности методологических основ семейного права, которые в первую очередь обусловлены спецификой предмета науки семейного права. Семья и брак, супружество, детско-родительские отношения обладают отраслевой самобытностью, что диктует необхо-

димось специфики правового регулирования данных семейно-правовых отношений. Согласно ст. 2 СК РФ семейное законодательство устанавливает условия и порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами, а также определяет формы и порядок устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей. Таким образом, предмет семейно-правового регулирования формируется российским законодателем посредством использования двух критериев — субъектного, что выражается в определении круга субъектов соответствующих отношений, и содержательного, что позволяет включать в сферу семейно-правового регулирования как имущественные, так и личные неимущественные отношения без каких-либо изъятий.

С точки зрения методологии такой подход представляется вполне обоснованным, приоритетным же, на наш взгляд, является акцент на так называемых субъектных признаках. Обратим внимание, отношения между членами семьи семейное законодательство регулирует в полном объеме, поскольку не установлено каких-либо ограничений. В то время как отношения между другими родственниками и иными лицами подлежат семейно-правовой регламентации лишь в случаях, прямо предусмотренных СК РФ.

Научное осмысление семейно-брачных отношений только с помощью средств семейного права как юридической науки будет неполным. Необходимо применение также средств познания, используемых такими науками, как социология, психология, теология, и других наук, что, позволяет познать морально-этические, религиозные компоненты в системе семейно-брачных отношений. Многие отношения семейно-брачного содержания находятся за рамками правового регулирования; нормы семейного права, в силу специфики предмета и особого субъектного состава не в состоянии регулировать все многообразие семейных отношений.

Семейные отношения — это отношения, складывающиеся между супругами и бывшими супругами, между родителями и детьми, между лицами, заменяющими родителей, и ребенком, оставшимся без попечения родителей, а также отношения между иными субъектами семейного права. По нашему мнению, на современном этапе развития

семейного права и семейного законодательства есть все основания для пересмотра границ предмета семейного права, иначе говоря, необходимо четко обосновать потребности и возможности вмешательства государства в семейно-правовую сферу, определить реальные пределы семейно-правового регулирования.

Существовавшее в советское время утверждение о том, что сфера правового регулирования постоянно расширяется в связи с усложнением сфер общественной жизни [6, с. 526], сегодня звучит неубедительно. Речь должна идти не об усложнении сфер общественных отношений, а об изменении содержания и видов социальных связей.

Представляется, что предмет семейно-правового регулирования как один из критериев самостоятельности соответствующей отрасли не может обладать признаком исключительной статичности. Социальные потребности и государственный интерес определяют пределы вмешательства государства в сферу частноправового регулирования.

Предмет семейного права как критерий отраслевой самостоятельности должен оцениваться в совокупности с другими системообразующими факторами. Специфика предмета семейного права, отражающая гармоничное «вплетение» в него гражданско-правовых признаков, не может в настоящее время рассматриваться как исключительный системообразующий фактор. Даже столь интенсивно дискутируемую тему, как государственное признание фактических брачных отношений, можно расценивать как общую черту для территории СНГ, которая, однако, может послужить основанием для дальнейшего развития семейного законодательства соответствующих стран в разные направления.

Представляется, что на современном этапе развития системы семейного законодательства России объективной потребностью стало регулирование так называемых фактических брачных отношений. По нашему мнению, данные отношения нуждаются не только в легальном признании, но и в установлении четких критериев, отличающих подобные формы сожительства мужчины и женщины от брака.

Полагаем, что нормы семейного права носят явно выраженный императивный характер, предписывая субъектам, как правило, единственный вариант поведения. Хотя в законодательстве встречаются и исключения, например, возможность заключения брачного договора, алиментного соглашения и других соглашений. Действительно, при договорном регулировании вопросов, вытекающих из принадлежности к браку и семье, применяется свобода и усмотрение

сторон, однако степень свободы ограничена рамками императивных норм.

Заслуживает поддержки мнение О.Ю. Ильиной о том, что семейно-правовая методология основывается на трех базовых предпосылках: во-первых, «согласительности», договорности большинства семейных связей; во-вторых, особом государственном интересе в обеспечении нормального функционирования семьи как важнейшей общественной «ячейки», «клеточки» социального организма, а главное — в максимально эффективной защите прав и интересов детей; в-третьих, невозможности глубокого проникновения в ткань семейных отношений юридических технологий — внутреннее существо этих отношений более поддается регуляции через мораль, обычаи, традиции, иные формы социального воздействия. Поэтому указанный автор приходит к справедливому выводу о том, что в семейно-правовой методологии достаточно сложно сочетаются частноправовое и публичное начала, диспозитивные и императивные нормы [2, с. 126].

Согласимся с О.Ю. Ильиной, что в методе семейно-правового регулирования находит свое непосредственное выражение гармонизация частных и публичных интересов в семейных отношениях [2, с. 126].

Полагаем, что системная методология и особенно те ее аспекты, которые позволяют находить междисциплинарные подходы к описанию разнокачественных событий и выявлять в них общие признаки и закономерности, открывают возможности познания реформ не как уникальных частностей, а как различных проявлений достаточно однотипных организационных процессов со схожим генезисом, логикой развития, условиями устойчивого протекания и т.п. Приложение системной методологии к разработке организационной теории реформирования правового регулирования семейных отношений представляется весьма полезным и в чисто практическом отношении.

Таким образом, методология науки семейного права не сводится лишь к системе методов исследования, а охватывает и методологические подходы, принципы, методику и технику познавательной деятельности, а также теоретико-мировоззренческий компонент, ее особенности необходимо искать не в наличии собственных методов познания, а в своеобразном сочетании и взаимодействии этих структурных компонентов. Такой подход видится абсолютно оправданным и может быть применен к методологии науки семейного права, с учетом специфики предмета правового регулирования.

Выводы

Методологические принципы выступают в качестве регулятора в развитии знания о браке и семье и процессах, складывающихся внутри них. В зависимости от того, какие методологические принципы будут избраны субъектом познания в качестве базовых, будут использоваться и соответствующие методы, методики и приемы, а значит, и средства и способы исследования, формы их конкретизации.

Методология выступает в качестве основного компонента исследовательской деятельности семейно-правовых явлений и процессов. В науке семейного права должны применяться как частнонаучные, так и общенаучные методы познания, т.е. приемы, способы и средства научного осмысления семьи и брака, состоящие в применении познавательных методик, применяемых для изучения брачно-семейных связей и закономерностей отношений, складывающихся из брака и принадлежности к семье.

Полагаем, что недостатком современной методологии как научного феномена является отсутствие последовательной линии практической реализации общих методологических подходов в отраслевых юридических науках, в том числе это в наибольшей степени проявляется в науке семейного права. К сожалению, следует признать, что многие имеющиеся теоретические методологические подходы не имеют должного применения и реализации в законотворческом и правоприменительном процессе. Одна из важных причин этого видится в отсутствии отраслевого научного подхода в сфере науки семейного права.

Видится необходимым соединение методологии общей теории права с особенностями семейного права как науки и самостоятельной отрасли частнопубличного права. Игнорирование методологического обоснования правового регулирования семейных отношений может привести к созданию сугубо декларативных, недействующих норм семейного законодательства, которые, к сожалению, в настоящее время закреплены в СК РФ и отдельных нормативно-правовых актах, регулирующих семейные отношения.

Библиографический список

1. *Васьковский Е.В.* Цивилистическая методология: Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Юринфор, 2002. 508 с.

2. *Ильина О.Ю.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.
3. *Кант И.* Трактаты. СПб.: Наука, 1996. С. 552.
4. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта +, 2001. 459 с.
5. *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества: Учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2005. 544 с.
6. *Лукашева Е.А.* О расширении сферы действия общенародного права в развитом социалистическом обществе // Проблемы правоведения: Республиканский межведомственный научный сборник. Киев: Вища шк., 1977. Вып. 36. С. 13–20.
7. *Лукич Р.* Методология права. М.: Наука, 1981. 316 с.
8. *Малахов В.П.* Многообразие методологий современной теории государства и права // История государства и права. 2010. № 6. С. 2–17.
9. *Сорокин В.Д.* Метод правового регулирования: Теоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1976. 213 с.
10. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2000. 512 с.
11. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. 309 с.

References

1. *Vaskovsky E.V. Civilisticheskaya metodologiya: Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov* [Scientific Methodology: the Teaching on the Interpretation and Application of Civil Laws]. Moscow: Yurinfor, 2002. 508 p. (In Russ).
2. *Ilina O.Y. Problemy interesa v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii* [The Problems of Interest in the Family Law of the Russian Federation]. Moscow: Gorodets, 2007. 192 p. (In Russ).
3. *Kant I. Traktaty* [Treatises]. St. Petersburg: Nauka, 1996. 552 p. (In Russ).
4. *Kerimov D.A. Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava)* [Methodology of Law (Subject, Function, Problems of Philosophy of Law)]. Moscow: Avanta +, 2001. 459 p. (In Russ).
5. *Kartashov V.N. Teoriya pravovoy sistemy obshestva: uchebnoe posobie. V 2 t. V. 1.* [The Theory of Legal System: Textbook: in 2 v.]. Yaroslavl: Izd-vo JarGU, 2005. 544 p. (In Russ).
6. *Lukasheva E.A. O rasshirenii sfery deistviya obshenarodnogo prava v razvitom socialisticheskom obshestve* [On Expanding the Scope of Public Rights

in the Developed Socialist Society] // *Problemy pravovedeniya: respublikanskii mezhvedomstvennyi nauchnyi sbornik* — Problems of Law: The Republican Interdepartmental Scientific Collection. Kiev: Visha shkola, 1977. P. 16–19. (In Russ).

7. *Lukich R. Metodologiya prava* [Methodology of Law]. Moscow: Nauka, 1981. 316 p. (In Russ).

8. *Malakhov V.P. Mnogoobrazie metodologiy sovremennoy teorii gosudarstva i prava* [The Diversity of the Methodologies of the Modern Theory of State and Law] // *Istoriya gosudarstva i prava* — The History of State and Law. 2010. № 6. P. 2–17. (In Russ).

9. *Sorokin V.D. Metod pravovogo regulirovaniya: Teoreticheskie problem* [Method of Legal Regulation: Theoretical Issues]. Moscow: Uridicheskaya literatura, 1976. 213 p. (In Russ).

10. *Teoriya gosudarstva i prava / pod red. N.I. Matuzova, A.V. Malko* [Theory of State and Law], in N.I. Matuzov, A.V. Malko (ed.). Moscow: Urist, 2000. 512 p. (In Russ).

11. *Tarasov N.N. Metodologicheskie problemy uridicheskoy nauki* [Methodological Problems of Legal Science]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Gumanitarnogo universiteta, 2001. 309 p. (In Russ).

METHODOLOGY OF A SCIENCE OF A FAMILY LAW

A.N. Levushkin

Ulyanovsk State University

40/9, Goncharova st., Ulyanovsk, 432970

E-mail: lewuskin@mail.ru

Introduction: article is devoted questions of methodology of a science of a family law. It is a methodology component civilsciences. Undoubtedly that the methodology of a science of a family law is based on general scientific methodology, uses general scientific methodological toolkit and components. **Results:** many legal transformations of last years, including in the field of family relations, are based on unilateral methodology, do not consider a complex of the methodological means necessary for effective legal regulation of brachno-family relations. Carrying out of effective researches, including legislative, is possible only on the basis of uniform methodological preconditions. Ignoring of a methodological substantiation of legal regulation of family relations can lead to creation of especially

*declarative, invalid norms of the family legislation which, unfortunately, are fixed now in the Family code of the Russian Federation and the separate regulatory legal acts regulating family relations. **Conclusions:** unfortunately, it is necessary to recognise that many available theoretical methodological approaches have no due application and realisation in legislative and litigation. One of the important reasons of it sees in absence of the branch scientific approach in sphere of a science of a family law.*

Keywords: *science methodology; methods; system methodology; family law; private-public relations; methodological principles; private general scientific methods of knowledge.*

РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОГО ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Ю.С. Решетов

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: theory_of_law@kpfu.ru

М.В. Воронин

Кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: maksim.v.voronin@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются современные методологические проблемы юридической науки. **Цель:** показать роль формирования системного правового знания в динамике правовой методологии. **Задачи:** рассмотреть основные проблемы современной правовой методологии; проанализировать значение системного правового знания в развитии компонентов и срезов современной правовой методологии, охарактеризовать потенциал системного знания для динамики правовой методологии; выявить перспективы углубления юридической методологии благодаря развитию системного знания. **Методы:** методологическую основу познания составляет диалектический подход к исследованию социальной реальности, в том числе и к праву. В статье использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и др.), частнонаучные методы (сравнительно-правовой, технико-юридический). Статья содержит непосредственный анализ методов и подходов к праву, которые являются определенными составляющими богатства элементов современной правовой методологии. **Выводы:** современная правовая методология находится на этапе решения задачи, связанной с увязкой различных научных течений, трактующих по-разному понима-

ние права. Развитие правовой методологии сопровождается появлением подходов, углубляющих не только само правовое знание, но и законы, категории, которые являются отправными для указанного правового знания. Так, системный подход углубляется с точки зрения уровневого, структурного, компонентного составляющих. Развитие системного подхода приводит к необходимости комплексного (при помощи знаний разных социо-гуманитарных наук) осмысления общественных процессов для понимания того, что происходит в праве. Усложнение общественной жизни, усиление степени ее системности требуют развития и правовой методологии, что выражено в появлении междисциплинарных правовых исследований. Ключевое значение методологии междисциплинарности — это связь гносеологических единиц. Выход системного обобщения на уровень междисциплинарности — своего рода перспектива развития правовой методологии.

Ключевые слова: право; методология; системное правовое знание; правовая методология; системный подход; межотраслевые связи; синергетика; междисциплинарность.

Введение

Системный подход к изучению социальной реальности получил свое активное развитие в 60-е годы XX века. Это привело к определенным и весьма существенным изменениям и в правовой методологии. Известные дискуссии о структуре системы права позволили сформировать целостную теорию о делении права на отрасли. Эта теория была воспринята юридической наукой и практикой.

Усложнение общественной жизни привело к увеличению степени как общесоциальной системности, так и системности права. Впоследствии отраслевой подход к правовой материи привел к формированию идей о комплексных отраслях права, о глубокой специализации права. Но тем не менее в современной юридической науке существуют подходы, которые отрицают деление права на частное и публичное. Во многом эта проблема связана и с достаточно плюралистической позицией современной юридической науки по поводу множества концепций правопонимания, которые существуют и развиваются в рамках одной правовой системы. В этих условиях крайне важно решить проблему поиска универсального методологического средства, а может, и целой методологической системы, чтобы объяс-

снить указанные тенденции, которые проявляются как в науке, так и в практике.

Методология российской юридической науки переживает сложный период. В ней сочетаются принципы и правила прошлой, настоящей и будущей научной деятельности. Поэтому понять и верно оценить нынешнее состояние методологии российской юридической науки довольно трудно. Но это нужно сделать.

Основной контент

Развитие правоведения зависит от многих факторов. Однако нужно сказать, что немалую роль в этом деле должно сыграть адекватное восприятие юридической наукой философии плюрализма и толерантности. Конечно, на этом пути возникают трудности. Ученым-юристам бывшего Советского Союза непросто признать, что марксизм-ленинизм не может претендовать на единственно верное объяснение государства и права. Идеи марксизма продолжают развиваться и в нынешней историко-правовой науке, проникают даже и в сравнительное правоведение и государствоведение [16].

Значимость философии плюрализма и толерантности для методологии отечественной юридической науки можно обосновывать по-разному. И это вполне естественно. Думается, перспективно рассматривать философию плюрализма и толерантности через призму синергетического методологического подхода. Непривычный для нас термин «синергетика» все чаще стал появляться на страницах книг и научных журналов в конце 80-х — начале 90-х годов XX века [1; 2; 4; 5; 6; 7; 9; 13]. Самое краткое его разъяснение — нелинейное мышление. Оно позволило сформировать даже целые теории синергетического осмысления права. Яркий пример этому — появление в 2013 г. такой работы, как «Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения» [17]. Синергетика обогатила правовую методологию за последнее десятилетие, смогла укрепить теоретическую базу понимания генезиса рождения правового знания.

Если попытаться спроецировать методы классической науки, линейного мышления на общественные явления, государство и право в частности, то получается примерно следующая картина. Общественные процессы отличаются жесткими причинно-следственными связями. Причинные цепи имеют линейный характер, и следствие

соизмеримо с причиной. Развитие предсказуемо и «ретросказуемо». Настоящее определяется прошлым, а будущее — настоящим и прошлым. Случайность считается второстепенным фактором в жизни общества. Неравномерность, неустойчивость воспринимаются как нечто негативное, разрушительное, сбивающее с правильной траектории. Развитие мыслится как безальтернативное.

Марксистская теория общественно-экономических формаций — один из примеров однолинейной конструкции. История общества рассматривается как естественно-исторический процесс смены одной общественно-экономической формации другой. Все формации выстраиваются в единый ряд. Как и смена общественно-экономических формаций, смена одного типа государства другим — естественно-исторический процесс, характеризующийся следующим: а) он объективен; б) осуществляется в результате революции; в) это такой процесс, в котором каждый последующий тип государства является более перспективным. Выделялись четыре типа государства: рабовладельческий, феодальный, буржуазный, социалистический. По аналогии с государством рабовладельческое, феодальное, буржуазное и социалистическое право рассматривались в качестве исторических типов права. Советская юридическая наука говорила о неизбежном отмирании государства и права. Анализировались конкретные пути и формы быстрого перерастания государственности в общественное коммунистическое самоуправление.

Сейчас мы столкнулись с такими жизненными реалиями, объяснение которых не укладывается в привычные рамки. Почему социальные революции всегда оказываются «иронией истории» в отношении предсказуемости исхода? Почему не смогла претвориться в жизнь ни одна, даже самая блестящая, теория социального переустройства? Почему мы не смогли воспитать человека, ликвидировать правонарушения, заменить право моралью и т.д.? Ответить на эти вопросы поможет синергетика. Она утверждает, что сложным системам нельзя предопределять, навязывать пути развития. Общество же является сложной, открытой, неравновесной системой, в которой действуют процессы самоорганизации. Самое большое, что можно сделать, — это воздействовать на резонансные зоны, чтобы ускорить присущие этой системе процессы. Зная будущее желательное состояние системы и следуя естественному ходу ее развития, можно попытаться выйти на новую форму организации. Идти вопреки законам самоорганизации сложной системы нельзя.

Но что же такое самоорганизация? Этим термином обозначаются все процессы самоструктурирования, саморегуляции, самовоспроизведения систем различной природы. Самоорганизация является одним из основных свойств движущейся материи, в том числе и ее социальной формы. Источником самоорганизации выступает противоречивость любого явления или процесса. Возникновение и разрешение противоречий есть стержень самоорганизации системы.

Самоорганизация присуща открытой системе. Общество, на которое можно спроецировать закон самоорганизации, является открытой системой. В том смысле что в нем происходят постоянные обменные процессы (социальный метаболизм). Страны обмениваются сырьем, товарами, культурными, технологическими достижениями, информацией, финансами и т.д. Конечно, и социальные системы могут быть относительно замкнутыми, особенно во время существования тоталитарных режимов. В нашей стране эта закрытость была связана с потребностью защиты от окружающего мира социального эксперимента по строительству социализма. Советское общество отсекало от себя возможное внешнее влияние. Велась непримиримая идеологическая борьба. Но нормальным условием динамического развития общества является именно его открытость. Только тогда в нем с наибольшей полнотой проявляются законы самоорганизации.

Как трактуются эти законы с точки зрения синергетики? Любая открытая система находится в неравновесном, пульсирующем состоянии. Она подвергается многочисленным и постоянным изменениям, флуктуациям. Это слово латинского происхождения и в условном переводе означает «колебание», т.е. флуктуация — это временное отклонение от состояния равновесия. Постоянно раскачивая систему, флуктуация подводит ее к точке так называемой бифуркации, т.е. к такому моменту, когда дальнейшее развитие системы оказывается непредсказуемым. Иначе говоря, бифуркация означает момент хаоса в развитии.

Эта точка в развитии системы очень важна. Она дает выход двум возможностям: или развитие системы станет более хаотичным и тогда она обречена, или родится новая, более упорядоченная структура. Вырисовывается следующая (немного упрощенная) картина: от порядка — к хаосу, от хаоса — к порядку нового уровня через механизмы самоорганизации.

Обратим внимание на тот факт, что велика роль случайности и непредсказуемости в точке бифуркации. Нельзя точно определить разви-

тие социальных систем, особенно на длительную перспективу. Здесь уместно сказать о следующем. Марксистский формационный подход характеризуется излишней запрограммированностью общественного развития, в котором происходящие процессы лишались событийного статуса и становились всего лишь иллюстрацией того, что изначально было предопределено природой данного способа производства. «Вместо чуткого к изменениям хода вещей исторического сознания формационная теория формировала пассивное «детерминистское» сознание. Утрата народом статуса подлинного исторического субъекта, действующего в условиях выбора, вменяемого и ответственного, является, пожалуй, наиболее ощутимой утратой, связанной с формационным фатализмом.

Формационная теория создала своего рода «плановую историю», которая рушится сегодня вместе с нашим плановым хозяйством» [10].

В точке бифуркации система теряет свои прежние системные качества. Старые детерминации здесь уже не срабатывают, новые еще не появились. Возникает целый спектр новых возможностей развития. Выбор системы того или иного пути в фазе бифуркации зависит от случайности, реализуемой, например, как деятельность конкретных политиков. Именно конкретные исторические личности выводят государство и общество на новое системное качество.

Сегодня это активно воспринял цивилизационный подход к праву. «Цивилизационный подход стремится объяснить неразрывность прав человека с системой таких социальных регуляторов, как религия, мораль, обычаи, традиции и прочие. ...Опираясь на достижения цивилизационного подхода, важно понять то, что системные особенности зависят от функциональных характеристик, которые присущи государству в соответствии с объективными возможностями, условиями развития цивилизации. Государство призвано закрепить ценности цивилизации посредством права в процессе реализации своих функций. Если в обществе на конкретном этапе его развития идет отторжение закрепляемых в законодательстве эталонов поведения, ценностей, то подобная нормативная система может оказаться безжизненной, приводить к конфликтам разного уровня сложности и направленности. Достижения ученых-юристов, опирающихся на цивилизационный подход в своем исследовании, способствуют обогащению понимания природы государственной воли как основания системности права, дают возможность взглянуть на регулирование системы отношений

в отдельно взятом государстве с позиции признания его уникальности и специфичности этих отношений. ...Так, стремление некоторых государств регионализировать права человека выражает вполне понятную позицию об объективной направленности государственной воли на интрасоциетальную систему конкретного общества, интересы которого призвано защищать государство посредством права. При этом, осуществляя свои межгосударственные, внешние (в том числе и правотворческие) функции, государство объективно стремится укрепить системные связи между внешней и внутренней правовыми средами, создать единство системы права, обеспечив тем самым его целостность и устойчивость» [3, с. 87–89]. Здесь важно отметить достижение цивилизационного подхода в переосмыслении парадигмы в целом социального, а в частности и правового, развития [8]. Это переосмысление в первую очередь сказалось на структурном понимании правовой системы.

Сочетание случайности и механизмов бифуркационного типа рождает феномен необратимости эволюционного процесса. Каждая бифуркация ведет к появлению новых, в том числе и более сложных, форм организации материи. Случайность подталкивает то, что остается от системы после прохождения критической точки, на новый путь развития. После выбора одного из возможных путей вновь вступает в силу детерминизм — и так до следующей точки бифуркации.

Итак, случайность и необходимость выступают не как несовместимые противоположности. Они взаимно дополняют друг друга. Здесь нужно сказать о принципе дополнительности. Его кратко выразил великий датчанин Нильс Бор: «Противоположности не исключают, а дополняют друг друга». Данный принцип наталкивает на мысль о совсем ином взгляде на ход истории, чем тот, что внушал нам исторический материализм. Этот взгляд интересно излагается представителями кентавристики, которые в поисках истины, сталкиваясь с парадоксами, призывают на помощь сочетание несочетаемого. И неудивительно, что кентавристика вносит неоценимый вклад в философию плюрализма и толерантности. Ведь именно терпимость — толерантность — и требуется от обеих сторон, когда возникает любое сочетание несочетаемого: демократизма и авторитаризма, федерализма и унитаризма, парламентаризма и министерализма.

Соблазнительно предположить, что кентавр как метафора сочетания несочетаемого — просто синоним диалектического «единства и борьбы противоположностей». Но это не так. В кентавре нет непри-

миримого противостояния двух начал с предполагаемой или возможной победой одного из них и поражения другого.

«Победа» и «поражение» есть конфронтация, а не консолидация, конвергенция. Основополагающему закону Гегелевой и Марксовой диалектики — отрицанию отрицания — философия толерантности чужда. Из этой философии вытекает, что государства и общества — классовые и многонациональные — могут не разъединять, а объединять людей. Они были и бывают стабильными, когда на смену нескончаемой классовой и межэтнической борьбе приходит терпимость во всех опасных направлениях. В этих условиях деятельность государства сопрягается не столько с классовой борьбой, сколько с коллективными потребностями общества. На первый план у государства выдвигается выполнение общих дел, а не решение сугубо классовых задач. Право же становится воплощением согласованной воли разных социально-политических сил. В силу чего создаются реальные предпосылки для сближения внутригосударственного и международного права. Последнее вообще не сможет развиваться и функционировать без согласования воль многих государств. Поэтому одним из важных направлений обогащения отечественной юридической науки предстает анализ современных проблем взаимодействия российского и международного права.

В нашем привычном понимании закон тождествен необходимости, повторяемости. Именно из этого исходят теоретики, выдвигающие идеи планомерного переустройства мира. Но осчастливить человечество воплощением в жизнь умозрительных схем не удавалось никому. У самоорганизующихся систем свои универсальные законы, которые можно и нужно учитывать (в реализации права, например). Юридической наукой уже обоснован вывод о существенной роли процессов саморегуляции в механизме реализации права. Такой подход вскрывает активную роль самих участников регулируемых правом общественных отношений. Здесь происходит саморегулирование субъектами правореализации собственного поведения, поскольку последнее согласуется с предписаниями правовых норм по воле самих этих субъектов, без вмешательства каких-либо специальных органов.

Конечно, требования правовых норм строго регламентированы, их выполнение нельзя представить без внешних побудительных сил. Существуют специальные учреждения, которые принимают непосредственное участие в проведении правовых норм в жизнь, поддер-

живают их своей властью и влиянием, контролируют их выполнение, применяют санкцию. Однако внешняя заданность в процессах осуществления права сочетается с внутренней саморегуляцией. Это вытекает, в частности, из единства права и нравственности. Единство внешних и внутренних факторов выступает в качестве методологического принципа, из которого следует исходить при изучении процессов реализации права. Внутренние побудительные силы должны занимать подобающее место в осуществлении права. Будут, естественно, совершенствоваться и внешние формы государственного контроля за выполнением правовых норм. В современных условиях эти формы преобразуются, открывая все более широкий простор для инициативы и самостоятельности участников правореализации. Создание все более благоприятных условий для подъема роли процессов саморегулирования, их стимулирование — важнейший фактор обновления правореализации, предопределяемый объективными потребностями перехода к рыночной экономике, правовому государству.

На основе синергетики можно построить теорию, адекватную многомерным процессам, происходящим в государстве, учитывающую как процессы самоорганизации социальных систем, так и субъективную деятельность. Наложение этого вывода на становление рыночных отношений в нашей стране позволяет сказать следующее. Стихийный рынок — это хаос. Но хаос амбивалентен. Он созидателен и разрушителен одновременно. Если рыночные отношения не регулировать в определенных пределах, то придется долго ждать спонтанного возникновения порядка. Можно и нужно воздействовать на резонансные зоны российского рынка, т.е. выйти на структуры — аттракторы, включить механизмы его регулирования. Но это не будет означать какого-то жесткого, раз и навсегда закрепленного порядка. Живой порядок самоорганизации — это порядок пульсаций, колебаний между относительным доминированием государственного централизованного начала и стихией рынка [7, с. 46].

Выходит, что нам не обязательно повторять долгий путь других стран к цивилизованному рынку. Можно инициировать, ускорить этот процесс, используя законы самоорганизации системы. В конце концов и немецкое, и японское, и тайландское, и сингапурское «экономическое чудо» стало возможным только потому, что были точно найдены точки воздействия (как в акупунктуре) на систему с учетом потенциально содержащихся в ней возможностей. Причем важна не

столько сила воздействия, сколько точное его распределение, пространственная и временная организация.

Здесь важно отметить, что эту тенденцию давно уловили ученые, придерживающиеся материалистического правопонимания. В частности, В.М. Сырых, отстаивая идею определяющей роли экономических отношений по отношению к праву, называет причины, «в силу которых законодатель запаздывает с санкционированием вновь возникших экономических отношений: 1) эти отношения рассматриваются законодателем как отношения, лежащие за пределами предмета его правового регулирования; 2) существующее законодательство устарело, не соответствует новым экономическим отношениям, но при этом запрещает эти отношения под страхом уголовного или иного наказания. Экономические отношения, для которых в обществе имеются все необходимые условия, в реальной жизни проявляются не только в форме правоприятий заинтересованных субъектов, но и в виде единичных правоотношений. Права же и обязанности его участников определяются ими самостоятельно либо в соответствии со сложившимися правовыми обычаями» [12, с. 483]. В целом стоит отметить, что материалистическое правопонимание в том виде, в котором его представил В.М. Сырых, весьма емко, методологически корректно отразило развитие методологических конструкций, выработанных в советское время. Но это предмет отдельного разговора.

Скажем о следующем. Из синергетического подхода вытекают и другие выводы, касающиеся государственного управления. Оптимизация управления идет через понимание факторов, рождающих непредсказуемость социальных систем, а также с учетом элементов неуправляемости. Поведение людей отнюдь не всегда поддается разумному объяснению. Идея самопожертвования, пожалуй, самая красивая, самая притягательная, но и самая бессмысленная, доставшаяся нам от эпохи тоталитаризма. Как часто звучало в то время: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов. И как один умрем в борьбе за это». Святая и безусловная вера людей в свою правоту, как свидетельствует советский опыт, подавляет здравый смысл.

Синергетика считает необходимым учитывать волновые процессы (цикличность) в развитии. Синергетика и цикличность внутренне сопряжены друг с другом, так как волны как раз и есть нелинейная форма развития. Волна — это противоречие во времени, его движение, развертывание. Волна — это борьба двух неразрывных начал, сторон в одном целом.

Гребень волны — фаза бифуркации, где систему могут настигнуть неожиданности, во многом определяющие ее будущую судьбу. Процессы же «восхождения» или «скатывания» более определены, при этом проявляются более долгосрочные и поэтому легче отслеживаемые закономерности. Неравномерной периодичностью отличается само развитие: скачки качественных изменений сменяются более спокойными периодами количественного роста.

В политической жизни ритм социальной системы обычно связан с борьбой разных политических сил и чередованием их побед и поражений. Здесь обнаруживается связь и с экономическими циклами, но не всегда и не обязательно. Эти закономерности колебательных процессов в обществе были подробно рассмотрены в свое время американским историком А. Шлезингером. Причем в обществе имеются и регуляторы колебательных процессов, позволяющих системе функционировать наиболее эффективно. Это, например, приход к управлению то «правых», то «левых», то республиканцев, то демократов, то консерваторов, то радикалов и т.д. Это позволяет осуществлять ту вариантность, без которой не может быть нормального развития.

В нашей литературе выдвигается идея создания интегральной циклической истории. Причем начало ей, собственно, положено. Например, марксизм дал концепцию смены общественно-экономических формаций, т.е. это в основном социально-экономическая концепция. Разрабатывались идеи биосоциального подхода к исследованию общества, т.е. как к организму со сложным ритмом. Существуют и концепции, увязывающие развитие общества с космическими, биохимическими процессами. Все это свидетельствует о постоянном стремлении проанализировать иные процессы, на первый взгляд не относимые к социальным, в контексте общественного развития. Здесь наряду с синергетическим подходом комплексным изучением реальности все больше начинает проявляться методология междисциплинарности в исследовании. Междисциплинарность как эпистемологическая характеристика с нашей точки зрения шире комплексности, основана на системном знании (база системного знания — принцип всеобщей системности окружающего мира) и предполагает постижение истины на качественно новом уровне — не простого использования информации и ее субъективной интерпретации, а получения знания в результате взаимосвязи содержательных компонентов разных наук (областей знания). Междисциплинарность

воплотила в себе синергетические тенденции в самой правовой методологии, отразила наиболее высокий уровень системности методов, философских законов и категорий.

Как проявление весьма удачного использования этого методологического подхода можно привести работу Р.Ф. Степаненко, которая выстраивает целую общеправовую теорию маргинальности на основе междисциплинарного подхода. При этом она отмечает, что «...для разностороннего понимания и объяснения влияния искомого феномена на правовую действительность междисциплинарный подход выступает синтезирующим конструктом или алгоритмом поиска общего и особенного, движения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному и т.д.» [11, с. 382–383]. Думается, что юридической науке еще предстоит осмыслить в полной мере всю мощь междисциплинарного подхода. Это своего рода перспектива углубления правовой методологии. При этом перспектива, связанная с развитием всех срезов системного подхода к праву — со структурой, связями права, с его уровневым делением.

Заключение

Посвящая настоящую статью памяти профессора М.Ю. Чельшева, отметим существенный прорыв, связанный с воплощением теоретических идей в отраслевой, сугубо практикоориентированной правовой науке гражданского права. Весьма удачная попытка М.Ю. Чельшева найти способ решения рассматриваемых методологических проблем на уровне отраслевого знания отразилась в сформированной им идее межотраслевых связей гражданского права. Впоследствии его идеи стали развиваться и в других отраслевых юридических науках, способствовали обогащению общей теории права.

М.Ю. Чельшев по-новому представил систему рождения целостного и единого комплексного правового знания, сформировал собственные принципы в правовой методологии. Он смог показать три основных направления развития системного знания в правоведении, раскрыл генезис и генеалогию этих направлений:

- 1) в самой правовой методологии (ее обогащение и совершенствование);
- 2) в компетентностном наборе практикующего юриста;
- 3) в содержании научной теории.

М.Ю. Челышев был воспитанником казанской юридической научной школы, что отразилось в его работах. Здесь необходимо подчеркнуть, что важная особенность казанской юридической научной школы — это опора на принцип методологического плюрализма, который позволяет обогащать научную теорию. М.Ю. Челышев успешно смог уловить это и показать, что в обществе, как в открытой системе, постоянно происходят обменные процессы, которые отражаются в праве, в том числе и в самоорганизации межотраслевых связей. На познание этих связей он был нацелен сам — что прослеживалось в его кандидатской диссертации [14] и нашло яркое воплощение в докторской [15] — и нацеливал своих учеников. Подготовленные им монографические работы пользуются заслуженным авторитетом в научном мире.

Развитие межотраслевого подхода к праву является толчком вперед для системной правовой методологии и будет углубляться и совершенствоваться, выходить на новые уровни как конкретизации, так и обобщения.

Библиографический список

1. Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 36–45.
2. Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 227 с.
3. Воронин М.В. Основания и проявления системности права: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. 223 с.
4. Гомаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 99–107.
5. Добронравова И.С. Синергетика: становление нелинейного мышления. Киев: Лыбидь, 1990. 152 с.
6. Климонтович Н.Ю. Без формул о синергетике. Мн.: Высшая школа, 1986. 223 с.
7. Князева Е., Курдюмов С. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С. 38–51.
8. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма, 2009. 384 с.
9. Моисеев Н.Н. Идея естествознания и общественные науки. М.: ВЦ АН СССР, 1991. 55 с.
10. Панарин А.С. «Возвращение в цивилизацию» или формационное одиночество? // Философские науки. 1991. № 10. С. 11–16.

11. Стратегии правового развития России / Ред. О.Ю. Рыбаков. М.: Юстиция, 2015. 624 с.
12. Сырых В.М. Материалистическая теория права: Избранное. М.: РАП, 2011. 1260 с.
13. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в саморегулирующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985. 423 с.
14. Чельшев М.Ю. Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с участием предпринимателей. М.: Статут, 2014. 160 с.
15. Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. 206 с.
16. Чиркин В.Е. Сравнительное государственное право. М.: Норма: Инфра-М, 2014. 448 с.
17. Шундилов К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М.: Юрлитинформ, 2013. 256 с.

References

1. Vengerov A.B. *Sinergetika, yuridicheskaya nauka, pravo* [Synergetics, Legal Science, Law] // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – The Soviet State and The Right. 1986. № 10. P. 36–45. (In Russ).
2. *Volnovye protsessy v obshchestvennom razviti*i [Wave Processes in Social Development]. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1992. 227 p. (In Russ).
3. Voronin M.V. *Osnovaniya i proyavleniya sistemnosti prava: Dis. ... kand. yurid. nauk* [Grounds and Systemic Manifestations Rights: a PhD Thesis in Law]. Kazan, 2013. 223 p. (In Russ).
4. Gomayunov S. *Ot istorii sinergetiki k sinergetike istorii* [From the History of Synergy to Synergy Stories] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – Social Sciences and Modernity. 1994. № 2. P. 99–107. (In Russ).
5. Dobronravova I.S. *Sinergetika: stanovlenie nelineynogo myshleniya* [Synergetics: the Emergence of Non-linear Thinking]. Kiev: Lybid, 1990. 152 p. (In Russ).
6. Klimontovich N.Yu. *Bez formul o sinergetike* [No Formula of Synergy]. Minsk: Vysshaya shkola, 1986. 223 p. (In Russ).
7. Knyazeva E., Kurdyumov S. *Sinergetika: nachala nelineynogo myshleniya* [Synergetics: the Beginning of Nonlinear Thinking] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – Social Sciences and Modernity. 1992. № 2. P. 38–51. (In Russ).

8. *Lukasheva E.A. Chelovek, pravo, tsivilizatsii: normativno-tsennostnoe izmerenie* [Person, Right, Civilization: Normative Value Dimension]. Moscow: Norma, 2009. 384 p. (In Russ).

9. *Moiseev N.N. Ideya estestvoznaniya i obshchestvennye nauki* [The Idea of The Natural Sciences and Social Sciences]. Moscow: VTs AN SSSR, 1991. 55 p. (In Russ).

10. *Panarin A.S. «Vozvrashchenie v tsivilizatsiyu» ili formatsionnoe odinochestvo?* [“The Return to Civilization” or Formational Loneliness?] // *Filosofskie nauki — Philosophy*. 1991. № 10. P. 11–16. (In Russ).

11. *Strategii pravovogo razvitiya Rossii* [Legal Strategy of Russia], in O.Yu. Rybakov (ed.). Moscow: Yustitsiya, 2015. 624 p. (In Russ).

12. *Syrykh V.M. Materialisticheskaya teoriya prava: izbrannoe* [The Materialist Theory of Law: Favorites]. Moscow: RAP, 2011. 1260 p. (In Russ).

13. *Khaken G. Sinergetika. Ierarkhii neustoychivostey v samoreguliruyushchikhsya sistemakh i ustroystvakh* [Hierarchy Instabilities in Self-regulating Systems and Devices]. Moscow: Mir, 1985. 423 p. (In Russ).

14. *Chelyshev M.Yu. Vzaimodeystvie grazhdanskogo i nalogovogo prava v regulirovanii otnosheniy s uchastiem predprinimateley* [Interaction Civil and Tax Law to Regulate Relations with Entrepreneurs]. Moscow: Statut, 2014. 160 p. (In Russ).

15. *Chelyshev M.Yu. Osnovy ucheniya o mezhotraslevykh svyazyakh grazhdanskogo prava* [Fundamentals of Interbranch Relations of Civil Law]. Kazan: Izd-vo Kazan. gos. un-ta, 2008. 206 p. (In Russ).

16. *Chirkin V.E. Sravnitel'noe gosudarstvovedenie* [A Comparative Study of the State]. Moscow: Norma: Infra-M, 2014. 448 p. (In Russ).

17. *Shundikov K.V. Sinergeticheskiy podkhod v pravovedenii. Problemy metodologii i opyt teoreticheskogo primeneniya* [Synergetic Approach to Jurisprudence. Problems of Methodology and Experience of The Application of the Theoretical]. Moscow: Yurlitinform, 2013. 256 p. (In Russ).

DEVELOPMENT OF THE SYSTEMIC LEGAL KNOWLEDGE AS A FACTOR OF CONTEMPORARY LEGAL METHODOLOGY DYNAMICS

Yu.S. Reshetov

Kazan (Volga region) Federal University
18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008
E-mail: theory_of_law@kpfu.ru

M.V. Voronin

Kazan (Volga region) Federal University
18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008
E-mail: maksim.v.voronin@mail.ru

Introduction: in the article we envisage contemporary methodological issues of legal science. **The purposes** of the article are to demonstrate what part formation of systemic legal knowledge plays in dynamics of legal methodology. **The Objectives** of the article are to examine basic issues of modern legal methodology; analyze the significance of systemic legal knowledge for development of the components of contemporary legal methodology; characterize the potential of the systemic knowledge for dynamics of legal methodology; detect perspectives of intensification of legal methodology due to development of the systemic knowledge. **Methods:** the methodological basis of the cognition is defined by the dialectical approach towards research of social reality, including law. In study general scientific methods (analysis, synthesis, induction and deduction, abstraction and others) and particular scientific methods (legal comparative method and legal technical method) are used. The article includes direct analysis of methods and approaches towards law, which represent a certain part of abundant range of elements of contemporary legal methodology. **Conclusions:** modern legal methodology is at the stage of reasoning an answer to the problem, connected with coordinating different scientific trends, which interpret the understanding of law differently. Development of legal methodology is accompanied by appearances of approaches, which signify not only legal knowledge itself, but also laws, categories of reference for the mentioned legal knowledge. Thus systemic approach is signified from a perspective of level, structural, componential constituents. Development of the systemic approach leads to necessity of complex comprehension of social processes to understand what goes on in law. The increasing complexity of social life, the extent growth of its systemic nature require development of legal methodology,

it is conveyed in the appearance of interdisciplinary legal researches. The key significance of interdisciplinary methodology lays in connection between epistemological units. The transition of systemic generalization to the interdisciplinary level is a kind of a development perspective for legal methodology.

Keywords: *law; methodology; systemic legal knowledge; legal methodology; systemic approach; interdisciplinary relations; synergetics, interdisciplinarity.*

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ВЕЩНЫХ ПРАВ

З.Ф. Сафин

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
трудового, экологического права и гражданского процесса
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: Zsafin@rambler.ru

З.А. Ахметьянова

Кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: zamira9@yandex.ru

Введение: в статье изложены некоторые методологические вопросы исследования вещных прав: преобладание «прагматического» направления в юриспруденции; несистемный подход к анализу вещных прав на земельные участки; нерешенность проблемы гарантированности осуществления вещных прав; единство и дифференциация правового регулирования в сфере вещных прав; специфика методологии исследования вещных прав. **Цель:** анализ некоторых теоретических и методологических проблем цивилистических исследований в сфере вещных прав. **Результаты:** в работе обосновывается необходимость выработки и законодательного закрепления понятия (определения) вещного права; решения вопроса о системе вещных прав, ее необходимых элементах и принципах построения; закрепления в гражданском (!) законодательстве норм о земельном участке как объекте вещных (и обязательственных) прав; определения содержания методологии исследования вещных прав с учетом специфики анализируемых правовых явлений. **Выводы:** обозначены перспективы и основные направления исследования вещных прав; предложено определять понятие вещного права через совокупность его основных свойств; обоснована необходимость законодательного решения вопроса о соотношении норм гражданского и земельного права в части регулирования вещных прав на

земельные участки; сформулированы основы методологии исследования в сфере вещных прав, включающие в себя выявление специфики проявления в вещном праве философских, общетеоретических и гражданско-правовых категорий, определение порядка проведения исследований вещных прав, в том числе с целью выявления собственно вещно-правовых понятий и категорий.

Ключевые слова: методология исследования; вещное право; земельный участок; гарантированное осуществление вещных прав; методология исследования вещных прав.

Введение

Вопросы методологии научных исследований можно отнести к числу традиционных, «вечных» вопросов, поиск ответов на которые всегда интересовал представителей отечественной правовой науки.

Надо отдать должное, что особенно ярко этот интерес проявлялся еще в работах исследователей начала прошлого века, отмечавших исключительную важность методологии научных исследований в сфере юриспруденции. По меткому выражению Б.А. Кистяковского, признававшего методологию «самосознанием и совестью науки», наиболее ценные черты методологии «заключаются в оздоравлиющем самоанализе и просветляющей самокритике методологии, в ее непоколебимой решимости отвергать все традиционное и освещенное временем или авторитетом, если оно оказывается ошибочным, наконец, в ее готовности идти по совершенно новым путям» [6, с. 46–47]. При этом каждый новый период развития науки предъявляет свои новые требования, в том числе и к методологии научных исследований.

Основной контент

Наметившийся еще в конце прошлого столетия в условиях перехода к новым, рыночным отношениям рост цивилистических исследований особенно стал заметным в период работы над совершенствованием Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [9; 7; 8]. И если многие предлагаемые изменения уже нашли свое отражение в ГК РФ, раздел о вещном праве все еще ждет своего часа.

Нерешенными остаются и методологические вопросы цивилистических исследований в сфере вещных прав, хотя выработка некоторых

методологических приемов и их последующее оформление и имеют место быть в первичных исследовательских этапах — при сборе и обобщении научной информации, выработке методологических приемов и способов, соответствующей методологической обработке полученной информации и т.д.

В то же время можно констатировать тот факт, что в последние годы несколько преобладает «прагматическое» направление в юриспруденции, а именно практический интерес, когда наука вынуждена «служить» практике, приспособлявая для решения практических задач и законодательство. Мы же полагаем, что юридическая наука должна исходить из идеальных задач, быть несколько выше реальной действительности, возвышаться над ней во имя высших принципов. Однако и оторванной от правовой действительности наука быть не может и не должна. Следовательно, необходимо находить баланс, позволяющий науке учитывать практические интересы, перед ними не пресмыкаясь.

Методология цивилистических исследований представляет собой систему принципов и подходов исследовательской деятельности в области цивилистики и смежных правовых наук (земельного, жилищного, семейного права и др.), с помощью которой осуществляется познание цивилистической действительности — законодательства в сфере гражданского права и его применения. Целью такого познания является обеспечение эффективности правового регулирования соответствующих отношений, и, как следствие, формирование и совершенствование системы гарантированного осуществления субъективных прав [10].

Одной из значимых сфер гражданско-правового регулирования, безусловно, является сфера вещных прав, исследование которых имеет существенное значение и для цивилистической науки, и для законотворческой деятельности в обозначенной сфере, и для практического правоприменения. При этом методология научного познания в сфере вещных прав имеет свою специфику, обусловленную в первую очередь особенностями самих изучаемых явлений.

Самым важным, требующим своего однозначного решения вопросом по сей день остается вопрос о понятии (определении) вещного права. И если необходимость законодательного решения этого вопроса уже не вызывает особых сомнений, то оптимальный вариант самого понятия субъективного вещного права пока еще не найден. Это порождает множество вопросов, сомнений, разногласий среди исследователей,

что не может не отражаться и на практике применения действующего законодательства о вещном праве. Представляется целесообразным определение вещного права через совокупность основных его свойств (признаков), что позволит решать вопрос об отнесении того или иного имущественного права к числу вещных.

Немало вопросов остается по поводу деления прав на вещные и обязательственные, а попытки обозначить некие смешанные, вещно-обязательственные права и соответствующим им правоотношения недостаточно убедительны.

Все это негативным образом сказывается и на решении вопроса о системе вещных прав, принципах ее построения. Проблематика это глобальная и сугубо научная [2, с. V], решению которой препятствует отсутствие законодательного определения понятия вещного права и его признаков. Правильное, грамотное определение и обозначение признаков (внутренних свойств) вещного права позволило бы однозначно решать как вопрос об отнесении (или неотнесении) того или иного имущественного права к числу вещных прав, так и проблему определения содержания и особенностей осуществления вещного права того или иного вида.

Изучение вещных прав самым непосредственным образом связано с изучением отдельных вопросов земельного права, поскольку именно земельный участок традиционно, еще со времен римского права, является основным видом объектов вещных прав.

На сегодняшний день именно в Земельном кодексе Российской Федерации (далее — ЗК РФ) дано определение земельного участка (п. 3 ст. 6) в отсутствие соответствующего определения в ГК РФ. При этом определяется земельный участок как объект права собственности и иных предусмотренных ЗК РФ прав на землю, являющийся недвижимой вещью, представляющей собой часть земной поверхности, имеющей характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи. Возможны также и искусственные земельные участки, в случаях и в порядке, установленных федеральным законом. В частности, Федеральным законом «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 3) введено понятие искусственного земельного участка, созданного на водном объекте, находящемся в федеральной собственности, под которым понимается сооружение, создаваемое на водном объекте, на-

ходящемся в федеральной собственности, или его части путем намыва или отсыпки грунта либо использования иных технологий и признаваемое после ввода его в эксплуатацию также земельным участком. Искусственно созданный земельный участок может как прилегать к существующим земельным участкам, так и быть изолированным от них.

Анализ содержания вышеприведенных определений земельных участков не оставляет сомнений в том, что в них речь идет о земельном участке как об объекте именно гражданских прав. При этом в ГК РФ в действующей редакции определения земельного участка нет, хотя разработчики документов, направленных на совершенствование ГК РФ, и предлагают включение соответствующего определения именно в данный законодательный акт (п. 1 ст. 287 ГК РФ в редакции проекта федерального закона о внесении изменений в ГК РФ).

Что касается непосредственно вещных прав на земельные участки, то, хотя термин «вещное право» непосредственно в ЗК РФ и не упоминается, несколько глав кодекса посвящены отдельным видам вещных прав на земельные участки. Прежде всего, это гл. 3 («Собственность на землю») и гл. 4 («Ограниченное пользование чужими земельными участками (сервитут), аренда земельных участков, безвозмездное срочное пользование земельными участками»). О приобретении же названных прав на земельные участки и особенностях их реализации речь идет также и в других главах ЗК РФ.

В ГК РФ в ст. 216 в числе вещных прав на земельные участки по-прежнему называются право пожизненного наследуемого владения, право постоянного (бессрочного) пользования и право ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут). В ожидаемой редакции ГК РФ перечень вещных прав на земельные участки должны пополнить право постоянного землевладения (эμφитеυσις), право застройки (суперфиций) и право ограниченного владения земельным участком (п. 2 ст. 223 ГК РФ в редакции проекта федерального закона о внесении изменений в ГК РФ).

В части регулирования вещных прав на земельные участки вопрос о соотношении норм гражданского и земельного законодательства остается неясным по сей день. В п. 2 ст. 3 ГК РФ оговаривается, что нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ. В соответствии же с п. 3 ст. 3 ЗК РФ имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок

с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами. В результате получается, что ЗК РФ «необоснованно расширяет сферу своего действия за счет имущественных отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования» [5, с. 4], что вряд ли целесообразно и правильно. Следовательно, разумно указанную норму из основного земельного акта исключить.

При исследовании вопросов соотношения норм гражданского и земельного законодательства в регулировании вещно-правовых отношений немаловажное значение приобретает межотраслевой метод исследования, детально разработанный в трудах М.Ю. Чельшева, суть которого видится «в изучении специфики того или иного правового явления с позиций разных правовых отраслей, взаимодействующих в рамках системы права» [11, с. 135–136; 12, с. 146 и след.], в нашем случае — гражданского и земельного права при исследовании вещных прав на земельные участки.

В сфере исследования вещных прав заслуживает внимания и проблема гарантированности осуществления вещных прав, на что уже обращалось внимание в литературе [10, с. 141–142; 3]. Подтверждение тому находится не только в доктринальных источниках и диссертационных исследованиях, но и в документах, направленных на совершенствование ГК РФ. Так, в проекте федерального закона о внесении изменений в ГК РФ предложена ст. 225 «Осуществление вещных прав», в соответствии с которой вещные права осуществляются с соблюдением прав и охраняемых законом интересов других лиц. При этом лица, владеющие соседними недвижимыми вещами, при осуществлении принадлежащих им вещных прав должны соблюдать ограничения, установленные в соответствии с законом в пользу соседей (соседские права), в том числе поддерживать свои недвижимые вещи в надлежащем состоянии. Заметим, что в редакции проекта федерального закона, подготовленной ко второму чтению еще осенью 2012 г., указанная статья дополнена положением о том, что владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законом, осуществляются свободно, если это не противоречит закону, не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и охраняемых законом интересов других лиц.

Исследование в сфере вещных прав не может ограничиваться статикой вещно-правовых отношений (т.е. рассмотрением понятия, признаков и содержания вещных прав), поскольку без должного анализа особенностей приобретения и осуществления вещных прав (т.е. динамики вещно-правовых отношений) их исследование представляется неполным, неполноценным [1, с. 50–52].

Вполне ожидаемо при исследовании вещных прав встает и вопрос о единстве и дифференциации правового регулирования вещно-правовых отношений. Действие вещного права анализируется именно с позиции принципа единства и дифференциации, поскольку в процессе исследования вещных прав, с одной стороны, устанавливается, уясняется единая правовая природа вещно-правовых явлений, с другой стороны, выявляются их специфика, отличия друг от друга. Таким образом, в процессе научного анализа вещных прав выявляются общие и дифференцирующие признаки, свойства вещно-правовых явлений.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, заметим, что методология исследования вещно-правовых явлений представляет собой учение о познании гражданско-правовых явлений, связанных с принадлежностью движимых и недвижимых вещей (прежде всего земельных участков) тем или иным субъектам и особенностями осуществления ими в отношении указанных объектов правомочий владения, пользования и распоряжения. В рамках такого учения формируются представления о системе методов исследования рассматриваемых явлений.

Методология исследования вещных прав, являясь частью гражданско-правовой методологии, имеет свою специфику, что обусловлено особенностями самого изучаемого явления. При этом отталкиваясь от предложенного П.А. Варулом определения содержания методологии гражданского права [4, с. 187], можно сказать, что содержание методологии исследования вещных прав включает в себя, во-первых, выявление специфики проявления в вещном праве философских, общетеоретических и гражданско-правовых категорий; во-вторых, порядок проведения исследований вещных прав и складывающихся по поводу их вещных правоотношений; в-третьих, определение собственно вещно-правовых понятий, наполнение их соответствующим содержанием.

Библиографический список

1. *Ахметьянова З.А.* Вещное право: Учебник. М.: Статут, 2011. 360 с.
2. *Белов В.* Предисловие // *Бабаев А.Б.* Система вещных прав: Монография. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. III–IX.
3. *Вавилин Е.В.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. 360 с.
4. *Варул П.А.* О структуре методологии гражданского права // Ученые записки Тартуского государственного университета: Методология права: общие проблемы и отраслевые особенности. Труды по правоведению. Вып. 806 / Отв. ред. И.Н. Грязин. Тарту: Изд-во Тарт. гос. ун-та, 1988. С. 170–193.
5. *Витрянский В.* Правовое регулирование имущественных отношений в Земельном кодексе РФ // *Хозяйство и право.* 2010. № 7. С. 3–12.
6. *Кистяковский Б.А.* Методология и ее значение для социальных наук и юриспруденции // *Юридический вестник.* 1917. Кн. XVIII. С. 46–47.
7. *Концепция* развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // URL: <http://www.privlaw.ru>.
8. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект федерального закона № 47538-6 // URL: <http://www.pravo.ru>.
9. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 // СЗ РФ. 2008. № 29 (ч. 1). Ст. 3482.
10. *Сафин З.Ф., Чельшев М.Ю.* О методологии цивилистических исследований // *Вестник Саратовской государственной академии права.* 2011. № 6. С. 140–150.
11. *Чельшев М.Ю.* Основы учения о межотраслевых связях гражданского права: Монография. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. 206 с.
12. *Чельшев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009. 501 с.

References

1. *Ahmet'janova Z.A. Veshhnoe pravo: uchebnik* [Property rights: textbook]. Moscow: Statut, 2011. 360 p. (In Russ).
2. *Belov V. Predislovie* [The preface] // *Babaev A.B. Sistema veshhnyh prav: monografiya* [Property rights system]. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. P. III–IX. (In Russ)
3. *Vavilin E.V. Osushhestvlenie i zashhita grazhdanskikh prav* [Implementation and protection civil rights]. Moscow: Wolters Kluwer, 2009. 360 p. (In Russ)
4. *Varul P.A. O strukture metodologii grazhdanskogo prava* [On the structure of the methodology of civil law] // *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta: Metodologiya prava: Obshhie problemy i otraslevye osobennosti. Trudy po pravovedeniju*. – Scientific notes of Tartu State University: Methodology of law: Common challenges and industry features. Works on jurisprudence. ISS.806 / Executive editor I.N. Gryazin. Tartu: Publishing house of Tartu State University, 1988. P. 170–193. (In Russ).
5. *Vitrjanskij V. Pravovoe regulirovanie imushhestvennyh otnoshenij v Zemel'nom kodekse RF* [Legal regulation of property relations of the Land code of the Russian Federation] // *Hozjajstvo i pravo* – Economy and law. 2010. № 7. P. 3–12. (In Russ).
6. *Kistjakovskij B.A. Metodologija i ee znachenie dlja social'nyh nauk i jurisprudencii* [Methodology and its value for the social sciences and jurisprudence] // *Juridicheskij vestnik* – Law Gazette. 1917. Book XVIII. P. 46–47. (In Russ).
7. *Koncepcija razvitija grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii (odobrena Sovetom pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniju grazhdanskogo zakonodatel'stva 7 oktjabrja 2009 g.)* [The concept of development of civil legislation of the Russian Federation (approved by the Council under the President of the Russian Federation on the codification and improvement of civil law. October 7, 2009)] // URL: <http://www.privlaw.ru>. (In Russ).
8. *O vnesenii izmenenij v chasti pervuju, vtoruju, tret'ju i chetvertuju Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii, a takzhe v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Proekt federal'nogo zakona № 47538-6* [Amending the part of first, second, third and fourth of the Civil code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Draft federal act № 47538-6] // URL: <http://www.pravo.ru>. (In Russ).
9. *O sovershenstvovanii Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 18 ijulja 2008 g. № 1108* [On improve-

ment of the Civil Code of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated of July 18, 2008 № 1108] // *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. — Collection legislation of the Russian Federation. 2008. № 29 (part 1). Article 3482. (In Russ).

10. *Safin Z.F., Chelyshev M.Ju. O metodologii civilisticheskikh issledovanij* [Civil research methodology] // *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava* — Bulletin of the Saratov State Academy of law. 2011. № 6. P. 140–150. (In Russ).

11. *Chelyshev M.Ju. Osnovy uchenija o mezhotraslevykh svyazjah grazhdanskogo prava: monografija* [Fundamentals of interindustry links of civil law: monograph]. Kazan: Publishing house of Kazan State University, 2008. 206 p. (In Russ).

12. *Chelyshev M.Ju. Sistema mezhotraslevykh svyazej grazhdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie: Dis. ... d-ra jurid. nauk* [The system of interindustry links of civil law: civil study: a Doc. Thesis in Law]. Kazan, 2009. 501 p. (In Russ).

TO THE QUESTION ABOUT THE RESEARCH METHODOLOGY IN THE SPHERE OF PROPRIETARY RIGHTS

Z.F. Safin

Kazan (Volga) Federal University
18, Kremlin st., Kazan, 420008
E-mail: Zsafin@rambler.ru

Z.A. Akhmetyanova

Kazan (Volga) Federal University
18, Kremlin st., Kazan, 420008
E-mail: zamira9@yandex.ru

Introduction: the article describes some of the methodological issues of proprietary rights research: the predominance of “pragmatic” direction in law; non systemic approach to the analysis of proprietary rights to land plots; the problem of security of the implementation of the rights of property; unity and differentiation of legal regulation in the sphere of proprietary rights; specificity of the methodol-

ogy of the study of proprietary rights. **Purpose:** analysis of some theoretical and methodological problems of civil research in the sphere of property rights. **Results:** in the article we explain: the necessity of formulating and legislating concept (definition) of property law; a solution to the question of the system of rights in rem, its essential elements and principles of construction; consolidate civil (!) legislation on land as an object of property rights; investigation of the content of the research methodology of proprietary rights, after taking into account the specificity of the analyzed legal developments. **Conclusions:** perspectives and main direction of proprietary rights were started offered define the notion of property rights through the combination of its major properties; the necessity of a legislative solution to the question of the relationship between civil and land law in part of the regulation of property rights on land plots was substantiated; formulated the basis research methodology in the sphere of property rights, which include the identification of the specifics of the property law in philosophical, theoretical and civil-legal categories and determination on of the order of property rights research, including the case of identifying proprietary concepts and categories.

Keywords: research methodology; proprietary right; land plot; guaranteeing of the implementation proprietary rights; research methodology of proprietary rights.

ПРОБЛЕМЫ НОВИЗНЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О.А. Серова

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Калининград, ул. А. Невского, 14
E-mail: OlgSerova@kantiana.ru

Введение: основным требованием к научным работам, представляемым на соискание ученой степени кандидата или доктора юридических наук, является требование новизны результатов исследования. Несмотря на существование общего представления о содержании понятия «научная новизна», на практике возникает много спорных вопросов при оценке той или иной научной работы. **Цель:** основной задачей данной работы является определение критериев оценки новизны научного исследования и органа, позиция которого должна быть признана решающей в случае спора о соответствии научного исследования предъявляемым требованиям. **Методы:** методологическую основу данной работы составляет совокупность методов научного познания, в частности диалектического метода, методов абстрагирования и конкретизации. При исследовании были использованы и частнонаучные методы исследования (например, формально-юридический). **Результаты:** автором в качестве ключевых элементов научной деятельности, позволяющими обосновывать наличие новизны в содержании работы, названы комплексность характера проведенного исследования и наличие собственных целей и собственных интересов исследователя. В настоящее время не учтены должным образом при оценке новизны научной работы ее вовлеченность и соответствие общим результатам деятельности научной школы, в рамках которых была выполнена работа. В статье обосновывается предложение о повышении роли диссертационного совета в оценке соответствия диссертации установленным требованиям, в том числе при судебном рассмотрении споров. **Выводы:** развитие научной деятельности связано с совершенствованием процедуры оценки достигнутых результатов. Однако подобная оценка в подавляющем большинстве случаев связана с субъективными подходами лиц, вовлеченных в данный

процесс. Научная новизна результатов исследования должна соответствовать историческим задачам соответствующего этапа развития науки, текущим задачам функционирования научной школы и личным интересам исследователя. Это определяет особые требования к ведению научной дискуссии и критическим оценкам выполненных диссертационных исследований.

Ключевые слова: наука; научная новизна; диссертация; научное исследование; результаты научного исследования; диссертационный совет; юридические науки; научная этика.

Введение

Требование научной новизны является необходимым условием присвоения ученой степени кандидата или доктора наук. В учебных пособиях, посвященных защите диссертаций, на многочисленных интернет-ресурсах приводятся подробные рекомендации и определения того, что понимается под новизной научного исследования, какие характеристики должны быть у работы, чтобы соответствовать искомому уровню. Однако при оценке диссертационных исследований, их подготовке, вопрос о научной новизне является одним из наиболее сложных. И проблема связана не только с низким качеством многих диссертаций, но и со спорностью подходов к оценке того, что понимать под категорией «научная новизна» в отрасли науки, где практически не используются экспериментальные методы исследования.

Решение обозначенных вопросов — как оценивать и что считать научной новизной диссертационных исследований в области юридических наук — продиктовано в том числе и постепенным переходом споров, связанных с результатами защиты диссертационных исследований, в судебную плоскость.

Основное содержание

Верховный Суд РФ в 2014 г. поставил точку в споре об оспаривании К.В. Кавериним решения Минобрнауки России (Определение ВС РФ от 2 июля 2014 г. №14-КГ14-6). Судебному разбирательству предшествовали защита соискателем диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук в диссертационном совете

при Воронежском государственном университете 18 февраля 2010 г., решение экспертного совета по праву ВАК по результатам рассмотрения аттестационного дела о подготовке положительной рекомендации президиуму ВАК и поступление 2 июня 2010 г. в ВАК заявления от трех ученых о несоответствии диссертации К.В. Каверина необходимым критериям. Далее последовало отрицательное заключение по диссертации К.В. Каверина диссертационного совета МПИ ФСБ России (сам соискатель присутствовал на этом заседании), отмена судебными инстанциями приказа Минобрнауки России об отказе в выдаче заявителю диплома кандидата наук и рассмотрение этого спора Судебной коллегией по административным делам ВС РФ в 2014 г. Определением ВС РФ было принято следующее решение: отказать в удовлетворении заявления К.В. Каверина об оспаривании решений и неправомερных действий (бездействия) Министерства образования и науки Российской Федерации, поскольку в кандидатской диссертации заявителя отсутствует научная новизна, ее положения не имеют теоретической и практической значимости, кроме того, в представленной работе не решены задачи, имеющие существенное значение для развития науки.

Мы не будем оценивать содержание данной работы, однако стоит отметить, что без уверенности соискателя в соответствии своей работы существующим требованиям вряд ли была бы возможна столь длительная и упорная попытка добиться признания этого обстоятельства в судебном порядке. Вне всяких сомнений следует признать и другой факт, что убежденность соискателя в научной новизне и теоретико-практической ценности своего труда может быть связана с субъективной оценкой и не соответствовать истинному положению дел. Таким образом, нужно совершенно четко понимать, каким образом в случае спора оценивать наличие или отсутствие в диссертационной работе научной новизны, из признания наличия или отсутствия которой объективно вытекают причинно-следственные связи с теоретической и практической значимостью исследования в целом.

Для решения обозначенной проблемы необходимо найти ответы на два вопроса. Определить достаточно четкие критерии научной новизны и достичь понимания того, кто именно должен проводить оценку спорного научного исследования.

Хотелось бы привести еще один пример, показывающий всю сложность поднимаемых проблем и отсутствие однозначного решения. Речь идет об отказе Минобрнауки России в выдаче диплома доктора

юридических наук Я.В. Комиссаровой, защитившей 27 июня 2013 г. на заседании диссертационного совета на базе МГЮА им. О.Е. Кутафина работу по теме «Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном производстве». Результаты тайного голосования по итогам защиты были следующие: «за» — 14, «против» — 6, недействительных бюллетеней нет. Так как и работа, и процесс, последовавший после защиты, вызвали значительный общественный резонанс, большая часть материалов защиты была издана и доступна для широкого обсуждения [6].

После защиты было подано две апелляции на работу, основными аргументами в которых значились недостаточная квалификация оппонентов [6, с. 28], отсутствие технического перерыва и несоответствие диссертации установленным требованиям. Так как перерыв не объявлялся, а защита шла семь часов, члены совета неоднократно выходили из зала заседания на достаточно продолжительное время и «следовательно, они не слышали всей информации о недостатках работы и не могли учесть ее при голосовании» [6, с. 25]. Что касается содержания, то она «не отвечает ни одному из условий, установленных ВАК» [6, с. 25], «не актуальная и не содержит ничего нового» [6, с. 27].

Процедурная сторона данного спора оценивалась неоднократно и была связана с отсутствием четкого указания на возможность объявления председателем диссертационного совета технического перерыва в любое время [6, с. 37]. Таким образом, ответственность за решение подобных конфликтных ситуаций лежит на ВАК России и Минобрнауки. Сам соискатель не в состоянии контролировать работу диссертационного совета, что при существенном нарушении процедурных требований может привести к отрицательному результату вне зависимости от научной новизны и иных достоинств защищаемой диссертации. Нам представляется более существенным определение именно содержательной оценки той или иной работы. В данном примере фактически произошло столкновение двух противоборствующих групп в оценке работы Я.В. Комиссаровой. Наличие положительных и отрицательных отзывов на автореферат, достаточно большое число проголосовавших против по результатам защиты диссертаций могут быть истолкованы как следствие возникшего научного спора, а могут, напротив, стать аргументом в пользу признания работы несоответствующей установленным требованиям, что и было отражено в апелляции [6, с. 30].

Учитывая, что решение вопроса оказалось не в пользу позиции диссертационного совета, хотелось бы остановиться на некоторых аргументах, прозвучавших в поддержку вынесенного советом решения. Профессор Л.А. Воскобитова отметила, что в апелляциях ничего нового не прозвучало, «члены диссертационного совета все это уже слышали, и проголосовали так, как каждый считал нужным» [6, с. 39]. Профессор Л.Н. Масленникова отметила, что «мы являемся коллегиальным органом, и имеем право при работе нашего совета принять те решения, которые способствуют именно работе совета» [6, с. 42]. Данные замечания являются, на наш взгляд, основой для постановки вопроса о том, какую роль занимают в настоящее время те или иные субъекты, вовлеченные в процесс рассмотрения апелляций на состоявшиеся защиты диссертаций именно с позиции их научной новизны, как основы для обоснования вывода о соответствии содержания работы требованиям ВАК.

Кроме того, в приведенных примерах есть и еще одно типичное обстоятельство, характеризующее современные подходы к научной критике. Все споры выносятся в административную и судебную плоскость уже после защиты диссертации. Как правило, на самой защите если и есть критика противоборствующей научной группы, то она практически не выливается в научную дискуссию.

В приводимом нами примере рассмотрения требований К.В. Каверина ВС РФ указал на содержание термина «наука», приводимом в Рекомендации ЮНЕСКО «О статусе научно-исследовательских работников», принятой в г. Париже 20 ноября 1974 г. на 18-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, где под наукой подразумевается деятельность, с помощью которой человечество, индивидуально либо небольшими или большими группами, предпринимает организованную попытку путем объективного изучения наблюдаемых явлений открыть и овладеть причинной цепью; сводит воедино в координированной форме получающиеся в результате подсистемы знания и посредством этого обеспечивает себе возможность использовать в своих интересах понимание процессов и явлений. Что, на наш взгляд, является ключевым в данном определении? Во-первых, речь идет о попытке открытия. Она может не привести к положительному результату. Во-вторых, наукой может заниматься коллектив. То есть может быть поставлен вопрос об оценке той или иной диссертации с позиции той научной школы, в рамках которой действовал соискатель. Если есть противостояние между различными научными

школами, то решение вопроса о значимости полученных результатов, их объективности и новизне может быть поставлено в зависимость от принадлежности оппонентов к той или иной группе. И третьим ключевым элементом в определении науки, данном ЮНЕСКО, представляется необходимым выделить следующую фразу о том, что исследователь «сводит воедино в координированной форме получающиеся в результате подсистемы знания и посредством этого обеспечивает себе возможность использовать в своих интересах понимание процессов и явлений». Таким образом, основой научной деятельности должны быть признание комплексности характера проведенного исследования и наличие собственных целей и собственных интересов исследователя.

В Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике», на который также есть ссылка в Определении ВС РФ, рассмотренных выше критериев нет. Под научной (научно-исследовательской) деятельностью понимается деятельность, направленная на получение и применение новых знаний [15]. Таким образом, это еще раз доказывает приоритетное значение научной новизны для оценки диссертационных исследований.

Можно признать факт, что четкого определения понятия новизны для юридических исследований, а тем более научных работ в области цивилистики не существует. Все высказываемые соображения в той или иной степени строятся на субъективной оценке результатов того или иного труда.

В соответствии с установленными требованиями, во введении диссертации, в автореферате указывается степень новизны исследования [16]. Таким образом, речь идет об установлении критериев данной степени новизны, которая может характеризоваться как соответствующая уровню требований к кандидату или доктору наук или же нет.

В качестве определенного ориентира можно использовать критерии новизны, определенные для инновационной продукции [13]. При этом нужно подчеркнуть, что речь идет о научно-технической новизне. Выделены три признака, характеризующие научно-техническую новизну в отношении возможности отнесения товаров, работ и услуг к инновационной продукции и (или) высокотехнологической продукции: характеристика товаров; его потребительские свойства; применимость товара. Научно-техническая новизна проявляется в принципиально новых или существенно отличающихся характеристиках товара от

ранее существовавшего, выявления новых способов применения товара, расширения области его использования, применения новых или модернизированных технологий при его производстве и проч. Таким образом, если это не абсолютно новый продукт, то новыми должны быть подходы к производству, программное обеспечение, технологии или же новыми должны быть области, для которых эти услуги ранее не оказывались ранее. Если же товар (продукт) не является новым в общепотребительном значении этого слова, то требуется *существенное* изменение самого товара, производственного процесса. Понятие «существенное» также требует своего уточнения.

Однако если речь идет о продукции, техническом решении, объектах физического мира и проч., можно так или иначе прийти к более-менее четкому решению вопроса о том, состоялось ли открытие некоего нового явления (объекта) или нет. Юридическая наука имеет специфические особенности, не позволяющие с абсолютной объективностью утверждать о наличии новой концепции или теории, ранее никем не выдвигавшейся. Даже при кардинальном изменении политических, экономических, социальных условий (примером могут служить те преобразования, которые проходили в России в XX веке), говорить о безусловной новизне базовых юридических понятий, категорий и правовых институтов не приходится. Хотя очевидно, что в момент смены законодательной базы, политического и экономического курса большая часть исследований направлена на оценку данных изменений, устранение возможных проблем правоприменения и проч. Большая часть диссертационных работ 90-х годов XX века была направлена не столько на выработку новых понятий, сколько на понимание изменившейся реальности, связанной с переходом к рынку. Это характерно и для исследований неких основополагающих правовых категорий [12], и для изучения новых (для отечественной экономики того периода) явлений [19]. Многие предложения даже в настоящее время могут рассматриваться как достаточно революционные, как например, решение проблем найма труда с цивилистических позиций. Как представляется, Л.В. Санникова в настоящее время может и не разделять собственный оптимизм по поводу того, что «цивилистическая модель договора найма труда позволит использовать рыночные рычаги при регулировании отношений найма труда» [18, с. 3–4]. Реальность рыночной экономики оказалось несколько иной, чем это представлялось в то время. Однако умаляет ли это ценность проведенного научного исследования?

Идентичные процессы происходили во всех республиках бывшего СССР, возникла острая потребность в оценке нововведений акционирования государственных предприятий [3], правового регулирования иностранных инвестиций [1] и проч.

В дальнейшем развитие научных исследований в области юридических наук проходило не только в сторону увеличения числа диссертаций (и как стало восприниматься в обществе ухудшения их качества), стали разрабатываться и методологические вопросы правоведения [21], усилился сравнительно-правовой аспект.

Как нами уже отмечалось, в определении ЮНЕСКО научная деятельность связана с тем, что исследователь сводит воедино в координированной форме знания, руководствуясь собственными потребностями либо потребностями научного коллектива. Очевидно, что данная потребность может не разделяться иными исследователями или научными школами. Как в этом случае оценивать результат научной работы? Так, например, автор предпринимает попытку полисистемного исследования договора перевозки груза, отмечая, «что ни в одном из исследований договор не рассматривается одновременно как элемент системы, как юридическая конструкция, как правовое средство и как правовая форма» [22, с. 8]. При оценке содержания данной работы нельзя не учитывать те научные подходы, от которых отталкивалась диссертантка. Как верно отмечает О.В. Зайцев, единая теоретическая и доктринальная база современных исследований в области частного права отсутствует [5, с. 113].

В настоящее время отсутствует четкое понимание особенности оценки новизны отдельной научной работы от степени и уровня ее вовлеченности и соответствия общим результатам деятельности научной школы, в рамках которых она была выполнена. Несмотря на понимание значения научной школы [20, с. 8–10], оценка диссертационных исследований в настоящее время не зависит от этого, в большей степени ориентируясь на статус диссертационного совета. Так, например, в своем блоге А.Г. Карапетов отмечает, что защита диссертаций в МГУ «внушает надежду на то, что в этот раз хороших работ будет достаточно» [7].

Основная часть исследований строится на признании комплексности подхода к исследуемым явлениям. Это характерно как для диссертаций, являющихся заявкой соискания ученых степеней, так и для научных работ, определяющих некие новые вехи творческих устремлений ученых, уже имеющих искомые степени [9, с. 5–6]. При этом

проблема определения новизны содержания того или иного исследования, критики позиции автора не связана только в диссертационными работами. Она проявляется и в научных спорах относительно содержания того или иного объекта, правового понятия. Хотелось бы обратить внимание на критику позиции Л.Ю. Василевской, высказанной в монографии В.М. Будилова, посвященной определению вещного договора [2]. Для него главным является не столько определение первенства в определении того или иного понятия, сколько обязательный учет уже состоявшихся дискуссий, мнения ученых других стран. Он отмечает, что «несмотря на ряд исследований выдающихся ученых, наука немецкого гражданского права до сих пор не пришла ни к единому понятию вещного договора, ни даже к единодушию относительно термина «вещный договор» [2]. Однако дискуссии продолжаются и это нисколько не умаляет их качества. Представляется, что попытки обязательного формулирования нового (и, как правило, единственно верного) определения того или иного явления толкают российских исследователей на формулирование достаточно спорных и потому критикуемых положений. Вместе с тем если опираться на ранее сформулированные основные критерии научной деятельности, то мы можем определить научную новизну как достигнутую автором собственную цель путем детального и комплексного исследования, например, «имеющихся в гражданском судопроизводстве ФРГ правовых инструментов, предназначенных для обеспечения оперативного сосредоточения значимого для дела процессуального материала» [11, с. 9]. В другой диссертации автором указывается, что научная новизна исследования связана с тем, что «впервые был комплексно исследован данный институт», институт признания и приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений в США [8, с. 7]. Есть ли в подобных работах научная новизна, соизмеримая с открытием астрономами новой звезды? Видимо, нет. Однако значимость проведенных исследований и их соответствие установленным требованиям несомненна. Соискателями проведена огромная работа по поиску и систематизации эмпирического материала, представлена полноценная картина решения сложнейших практических и вопросов в странах с признанным уровнем судопроизводства. Именно этот результат и может считаться вкладом в развитие отечественного права, так как позволяет путем сравнения определить необходимые изменения российских норм, выявить основные тенденции развития правоприменения.

Сравнительно-правовой метод позволяет авторам обосновывать научную новизну тем, что до этого никто не проводил комплексного исследования законодательства каких-то отдельных стран по идентичным правовым институтам [4]. Однако сам по себе сравнительный анализ не может считаться вкладом в развитие науки. Только при должной интерпретации полученных выводов, их адаптации к актуальным проблемам российской юриспруденции может быть подтверждена научная значимость подобных работ.

Результаты

Наиболее четким требованием на сегодняшний день, которое позволяет определить содержание понятия научная новизна и выявить необходимую степень этой новизны, является требование к форме заключения диссертационного совета. Президиум ВАК Минобрнауки [17] указывал на необходимость для диссертационного совета отразить основной результат работы соискателя, а именно: определить, что была разработана научная концепция, новая научная идея, предложена новая научная гипотеза, оригинальные суждения (что в прямой трактовке не отвечает требованиям новизны), внедрены новые понятия, термины, изменены трактовки старых понятий [14]. Заключение диссертационного совета, как никакой иной документ, позволяет определить соответствие работы установленным требованиям. Именно в нем фиксируется в сжатой форме основное значение диссертации и те положения, которые определяют ее новизну в сравнении с существующим уровнем развития юридической науки. Повышение ответственности диссертационных советов в последние годы положительно сказалось на общем качестве диссертационных исследований. Однако приведенные в данной статье примеры судебной практики показывают, что позиция диссертационного совета практически не учитывается. Выставление текста диссертации и иных документов на сайт высшего учебного заведения, ВАК России для всеобщего обозрения, активная позиция юристов в социальных сетях позволяют до момента защиты научной работы высказать отрицательное мнение о работе всем заинтересованным лицам как в неофициальном порядке, так и в рамках установленной процедуры. Что касается компетенции диссертационных советов, то, учитывая коллегиальный характер принятия решений, специальный порядок открытия и контроль за их деятельностью, необходимо подходить к оценке результатов защиты

диссертации с позиции презумпции добросовестности деятельности совета, пока не доказано иное.

Выводы

Материалы судебной практики, посвященной отказу в присвоении ученых степеней (за исключением фактов плагиата), свидетельствуют о значительной доле субъективности в оценке результатов профессиональной деятельности соискателей. Далеко не во всех случаях критика соответствует общепринятым этическим нормам. Оппоненты проявляют жесткость и безапелляционность суждений. Вряд ли подобная позиция способствует развитию юридической науки и объединению юридического научного сообщества. Всем известны спор о генетике и те последствия, которые этот прежде всего научный спор оказал на судьбы людей в СССР. Теория Лысенко после смерти Сталина подверглась критике, а потом и осмеянию. Как отмечается, открытие в 1955 г. ДНК, свидетельствующее скорее о правоте мичуринской теории, генетиками было истолковано в свою пользу. Однако время, похоже, все расставляет на свои места: успешное клонирование животных доказывает, что «любая частичка тела», как утверждал Лысенко, действительно обладает наследственностью» [10]. Значимость многих положений и выводов будет определена относительно объективно лишь спустя время. Для современников оценка научных достижений того или иного лица связана и с иными проявлениями его личности, например, преподавательской, организационной, что может в той или иной степени менять восприятие полученных результатов окружающими.

Библиографический список

1. *Болюх А.Я.* Регулирование иностранных инвестиций в странах СНГ (сравнительно-правовой анализ): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 164 с.
2. *Будиллов В.М.* Приобретение права собственности по договору в концепции вещного права Германии: к дискуссии о развитии Российского вещного права. М.: Статут, 2015. 560 с.
3. *Гаюров Ш.К.* Проблемы гражданско-правового регулирования акционирования государственных предприятий в Республике Таджикистан: Дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 1996. 195 с.

4. *Гравин Д.И.* Кредитный договор по английскому и российскому праву. М.: Инфотропик Медиа, 2014. 152 с.
5. *Зайцев О.В.* Проблемные вопросы доктрины гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. С. 111–117.
6. *Ищенко Е.П., Комиссарова Я.В., Эксархопуло А.А.* История защиты одной докторской диссертации. М.: Юрлитинформ, 2015. 344 с.
7. *Каранетов А.* Диссертации по частному праву за май 2015 г. [Электронный ресурс]: URL: http://zakon.ru/blog/2015/06/28/dissertacii_po_chastnomu_pravu_zh_maj_2015_goda (дата обращения: 29.05.2015).
8. *Князева Л.В.* Признание и приведение в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений в США: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 26 с.
9. *Колоколов Н.А.* Формирование системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений, принимаемых по результатам рассмотрения жалоб на решения и действия судебного пристава-исполнителя: научная новизна, вопросы, выносимые на обсуждение научной общественности // Исполнительное право. 2013. № 3. С. 15–20.
10. *Лысенко или Вавилов?* [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ороссиu.com/140611.htm> (дата обращения: 29.05.2015).
11. *Макаров П.Н.* Концентрация процессуального материала при разрешении гражданских споров в судах Германии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 25 с.
12. *Макрецова А.А.* Принципы гражданского права переходного периода: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 142 с.
13. Об утверждении критериев отнесения товаров, работ, услуг к инновационной продукции и (или) высокотехнологичной продукции для целей формирования плана закупки такой продукции: приказ Минкомсвязи России от 10 октября 2013 г. № 286 // Российская газета. 2014. 2 апреля.
14. Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: приказ Минобрнауки России от 13 января 2014 г. № 7 // Российская газета. 2014. 5 марта.
15. О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

16. О порядке присуждения ученых степеней: Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 // СЗ РФ. 2013. № 40 (Ч. III). Ст. 5074.

17. О формах заключения диссертационного совета по диссертации и заключения организации, в которой выполнена диссертация или к которой был прикреплен соискатель: решение Президиума ВАК Минобрнауки России от 22 июня 2012 г. № 25/52 // Официальные документы в образовании. 2012. № 25.

18. Санникова Л.В. Проблемы правового регулирования отношений найма труда: цивилистический аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1996. 192 с.

19. Сойфер Т.В. Сделки в биржевой торговле: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 177 с.

20. Туманова Л., Ильина О. Роль научной школы в подготовке научных кадров. В сфере гражданского процессуального права // Закон и право. 2007. № 4. С. 8–10.

21. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы современного правоведения: Дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 342 с.

22. Шайдуллина В.К. Договор перевозки грузов: полисистемное исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 200 с.

References

1. Bolyukh A.Ya. *Regulirovanie inostrannykh investitsiy v stranakh SNG (sravnitel'no-pravovoy analiz): Avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [Regulation of Foreign Investments in the CIS Countries (Comparative Legal Analysis): a Summary of a PhD Thesis in Law]. Moscow, 2000. 164 p. (In Russ).

2. Budilov V.M. *Priobretenie prava sobstvennosti po dogovoru v kontseptsii veshchnogo prava Germanii: k diskussii o razvitií Rossiyskogo veshchnogo prava* [The Acquisition of Ownership Under the Contract in the Concept of Property Law in Germany: the Debate about the Development of the Russian Property Law]. Moscow: Statut, 2015. 560 p. (In Russ).

3. Gayurov Sh.K. *Problemy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya aktsionirovaniya gosudarstvennykh predpriyatiy v Respublike Tadzhikistan): Avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [Problems of Civil-legal Regulation of Privatization of State-owned Enterprises in the Republic of Tajikistan: a Summary of a PhD Thesis in Law]. Dushanbe, 1996. 195 p. (In Russ).

4. *Gravin D.I. Kreditnyy dogovor po angliyskomu i rossiyskomu pravu* [Loan Agreement under English and Russian Law]. Moscow: Infotropik Media, 2014. 152 p. (In Russ).

5. *Zaytsev O.V. Problemnye voprosy doktriny grazhdanskogo prava* [Problematic Issues of the Doctrine of Civil Law] // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2014. № 1. P. 111–117. (In Russ).

6. *Ishchenko E.P., Komissarova Ya.V., Eksarkhopulo A.A. Istoriya zashchity odnoy doktorskoy dissertatsii* [The History of the Protection of one Doctoral]. Moscow: Yurlitinform, 2015. 344 p. (In Russ).

7. *Karapetov A. Dissertatsii po chastnomu pravu za may 2015 goda* [Thesis in Private Law for May 2015]: URL: http://zakon.ru/blog/2015/06/28/dissertatsii_po_chastnomu_ppravu_za_maj_2015_goda (data obrashcheniya: 29.05.2015). (In Russ).

8. *Knyazeva L.V. Priznanie i privedenie v ispolnenie inostrannykh sudebnykh i arbitrazhnykh resheniy v SShA: Avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [Recognition and Enforcement of Foreign Judgments and Arbitral Awards in the U.S: a Summary of a PhD Thesis in Law]. Moscow, 2015. 26 p. (In Russ).

9. *Kolokolov N.A. Formirovanie sistemy obzhalovaniya, proverki i peresmotra sudebnykh resheniy, prinimaemykh po rezul'tatam rassmotreniya zhalob na resheniya i deystviya sudebnogo pristava-ispolnitelya: nauchnaya novizna, voprosy, vynosimye na obsuzhdenie nauchnoy obshchestvennosti* [The Formation of a System of Appeal, Review and Revision of Judicial Decisions by Results of Consideration of Complaints on Decisions and Actions of the Judicial Police Officer-executor: Some New Research Questions Proposed for Discussion by the Scientific Community] // *Ispolnitel'noe pravo* – Executive law. 2013. № 3. P. 15–20. (In Russ).

10. *Lysenko ili Vavilov?* [Lysenko or Vavilov?]: URL: <http://www.opoccuu.com/140611.htm> (data obrashcheniya: 29.05.2015). (In Russ).

11. *Makarov P.N. Kontsentratsiya protsessual'nogo materiala pri razreshenii grazhdanskikh sporov v sudakh Germanii: Avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [The Concentration of the Procedural Material in the Resolution of Civil Disputes in the Courts of Germany: a Summary of a PhD Thesis in Law]. Moscow, 2015. 25 p. (In Russ).

12. *Makretsova A.A. Printsipy grazhdanskogo prava perekhodnogo perioda: Dis. ... cand. jurid. nauk.* [Principles of Civil Law of the Transition Period: a Summary of a PhD Thesis in Law]. Moscow, 1996. 142 p. (In Russ).

13. *Ob utverzhdenii kriteriev otneseniya tovarov, rabot, uslug k innovatsionnoy produktsii i (ili) vysokotekhnologichnoy produktsii dlya tseley formirovaniya*

plana zakupki takoy produktsii: Prikaz Minkomsvyazi Rossii ot 10 oktyabrya 2013 g. № 286 [About Approval of Criteria for the Classification of Goods, Works and Services in Innovative Production and (or) High-tech Products for the Purpose of Forming a Plan for the Procurement of Such Products: the Order of the Ministry dated October 10, 2013 No. 286] // *Rossiyskaya Gazeta*— Russian Gazette. April 2, 2014. (In Russ).

14. *Ob utverzhdenii Polozheniya o sovete po zashchite dissertatsiy na soiskanie uchenoy stepeni kandidata nauk, na soiskanie uchenoy stepeni doktora nauk : prikaz Minobrnauki Rossii ot 13 yanvarya 2014 g. № 7* [On Approval of the Regulations of the Council on Protection of Dissertations on Competition of a Scientific Degree of the Candidate of Sciences for the Degree of Doctor of Science: the Order of Minobrnauki Russia from January 13, 2014. No. 7] // *Rossiyskaya Gazeta*— Russian Gazette. March 5, 2014. (In Russ).

15. *O nauke i gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politike: Federal'nyy zakon ot 23 avgusta 1996 g. № 127-FZ* [On science and state scientific-technical policy: The Federal law of August 23, 1996 № 127-FZ] // *Sobranie zakonodatel'stva RF*— Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. № 35. Art. 4137. (In Russ).

16. *O poryadke prisuzhdeniya uchenykh stepeney: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24 sentyabrya 2013 g. № 842* [On the Awarding of Academic Degrees: the RF Government Decree of 24 September 2013 No. 842] // *Sobranie zakonodatel'stva RF*— Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. № 40. Ch. III. Art. 5074. (In Russ).

17. *O formakh zaklyucheniya dissertatsionnogo soveta po dissertatsii i zaklyucheniya organizatsii, v kotoroy vypolnena dissertatsiya ili k kotoroy byl prikreplen soiskatel': reshenie Prezidiuma VAK Minobrnauki Rossii ot 22 iyunya 2012 g. №25/52* [The Forms of the Conclusion of the Dissertation Council on Thesis and Conclusion Organization, Which Made the Thesis or to Which Was Attached Applicant: Decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of Russia from June 22, 2012 No. 25/52] // *Ofitsial'nye dokumenty v obrazovanii* — Official Documents in Education. 2012. № 25. (In Russ).

18. *Sannikova L.V. Problemy pravovogo regulirovaniya otnosheniy nayma truda: tsivilisticheskii aspekt: Dis. ... cand. jurid. nauk* [Problems of legal regulation of the employment of labour: the nihilistic aspect: a PhD Thesis in Law]. Tomsk, 1996. 192 p. (In Russ).

19. *Soyfer T.V. Sdelki v birzhevoy togoovle: Avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk.* [Transactions in Exchange Cagoule: a Summary of a PhD Thesis in Law]. Moscow, 1996. 177 p. (In Russ).

20. Tumanova L., Il'ina O. *Rol' nauchnoy shkoly v podgotovke nauchnykh kadrov. V sfere grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [The Role of the Scientific School in the Training of Scientific Personnel. In the Field of Civil Procedural Law] // *Zakon i pravo* – Statute and law. 2007. № 4. P. 8–10. (In Russ).

21. Tarasov N.N. *Metodologicheskie problemy sovremennogo pravovedeniya: Dis. ...d-ra yurid. nauk* [Methodological problems of modern jurisprudence: a Doc. Thesis in Law]. Ekaterinburg, 2002. 342 p. (In Russ).

22. Shaydullina V.K. *Dogovor perevozki грузов: polisistemnoe issledovanie: Avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [The Contract of Carriage of Goods: a Poly-systemic Research: a PhD Thesis in Law]. Moscow, 2015. 200 p. (In Russ).

THE PROBLEM OF NOVELTY OF RESEARCH

O.A. Serova

Immanuel Kant Baltic Federal University

14, Alexander Nevsky str., Kaliningrad, 236041

E-mail: OlgSerova@kantiana.ru

Introduction: the basic requirement to research papers submitted for the degree of candidate or doctor of legal science is the requirement of novelty of the research results. Despite the existence of a shared view of the meaning of “scientific novelty”, in practice there are many controversial issues in the evaluation of a scientific work. **Objective:** the main objective of this work is to define criteria for the assessment of novelty of scientific research and authority position of which must be recognized as crucial in the event of a dispute about compliance with research requirements. **Methods:** the methodological basis of this work is a set of scientific methods, in particular the dialectical method, methods of abstraction and concretization. In the study were used and private research methods (e.g., formal-legal). **Results:** by the author as the key elements of scientific activity, allowing to prove the existence of novelty in the content of the work, called the comprehensive nature of the study and the availability of own goals and their own interests the researcher. Currently not properly taken into account when assessing novelty of the scientific work of its involvement and consistent with the General results of the scientific school, in which work was performed. The article explains the proposal to increase the role of the dissertation Council to evaluate whether the thesis requirements, including adjudicating disputes. **Conclusions:** the development of scientific activities related to the improvement of procedures for

the assessment of achieved results. However, such an evaluation in the majority of cases related to subjective approaches of the parties involved in the process. Scientific novelty of the research results must comply with the historical tasks of the relevant phase of the development of science, the current goals of the functioning of the scientific school and personal interests of the researcher. It defines the special requirements for conducting scientific discussions and critical evaluations completed dissertation research.

Keywords: *science; scientific novelty; thesis; scientific research; scientific study; dissertation council; legal science; scientific ethics.*

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

О.А. Халабуденко

Доктор права, доцент кафедры частного права
Международный свободный университет Молдовы (ULIM)
Республика Молдова, г. Кишинев, МД 2012,
ул. Влайку Пыркэлаб, 52
E-mail: gelox@inbox.ru

Введение: в настоящей работе сквозь призму методологических подходов рассмотрены некоторые актуальные вопросы гражданского права. По мнению автора, правовые явления, выраженные в соответствующих юридических конструкциях, необходимо последовательно отличать от неправовых (фактических), что предполагает применение специальных методологических подходов к экспликации первых. Релевантным по отношению к гражданско-правовой материи методом исследования служит метод юридических конструкций. **Цель:** обосновать авторское видение значения и роли юридических конструкций в гражданском праве, продемонстрировать на отдельных примерах, как посредством юридических конструкций разрешаются проблемы соотношения вещных и обязательственных прав в соответствующих обязательно-правовых и вещно-правовых конструкциях. **Результаты:** раскрывается связь между правом, моралью (сферой должного) и экономикой (сферой сущего). Доказывается, что границами частного права как своды служат соответствующие моральные императивы, при этом отдельные нравственные категории следует оценивать в рамках тех юридических конструкций, для которых такие категории служат составляющими элементами. На основе анализа научной литературы определяются функции юридических конструкций. Указывается, что юридические конструкции прослеживаются на трех уровнях: теоретическом, нормативном и субстанциональном. Демонстрируется разрешение проблемы соотношения вещных и обязательственных прав в соответствующих конструкциях в тех случаях, когда вещные права служат функции обязательно-правовой конструкции и, соответственно, обязательст-

венные права — назначению вещно-правовой конструкции. Определяется характер связи между вещными и обязательственными правами в соответствующих конструкциях. Выводы: теория юридических конструкций позволяет преодолеть натуралистическое видение правовых явлений, дает возможность определить характер связи между прерогативами и императивами в соответствующих юридических конструкциях, позволяет объяснить характер связи между различными субъективными правами, выступающими содержанием единой юридической конструкции.

Ключевые слова: политика права; юридическая конструкция; субъективные права; вещные права; обязательственные права; акцессорная связь прав.

Введение

Право представляет собой автономное явление социальной действительности. Иные представления о праве, в частности экономический детерминизм (прямой — представляющий право производным продуктом социально-экономической действительности, или обратный — рассматривающий право исключительно в качестве фактора развития экономики) либо коммуникативная теория, элиминируют саму его сущность. В этих теориях правовые явления рассматриваются как следствие внешнего действия тех или иных фактов. На самом деле право противопоставляется всякому иному явлению, не имеющему правового измерения, факту. Фактическая данность может быть описана закономерностями вероятности, а в упорядоченных системах — каузальными причинно-следственными связями; сфера же правовых явлений подчинена иным — нормативным закономерностям, поэтому право произвольно не может быть выведено из фактической действительности. Право определяет меру свободы лица, свободы от изменчивости фактических состояний (ситуаций). В свою очередь, юридико-технические приемы призваны восполнить, компенсировать ограниченность мира фактических явлений. Так, в обыденной жизни человек как участник общения оценивается своим *vis-à-vis* с позиции значимых для человека качеств. С точки же зрения правового общения, конструкция лица, будучи «слепком» юридически значимых качеств, позволяет определить способность контрагента выступать участником такого общения.

Основной контент

При решении вопроса о соотношении сущего и должного именно правовое состояние, а не фактическое (вопреки утверждению школ, рассматривающих право как фактор социального инжиниринга) представляет ту самую социальную ценность (в широком смысле — социальное благо), которую признает и защищает правопорядок. В самом деле, оценка фактов (фактических состояний) осуществляется правопорядком лишь в связи с правовыми эффектами, связанными с данными фактами. И даже тогда, когда факт подлежит защите (например, определенные владельческие ситуации), правопорядок признает и защищает добросовестное владение, исходя из предположения о возможности наступления правовых последствий, связанных с ним.

В сфере права в нормативных выражениях закрепляется социальная закономерность. В этой связи возникает вопрос: в какой мере политико-правовые императивы способны адекватно выразить данного рода закономерности? Известно, что современные методологические исследования апеллируют именно к политико-правовому подходу, сводимому по преимуществу к утилитаристскому, экономически эффективному видению права.

Однако следует учитывать, что изначально, на заре своего становления, политика права выражалась в закреплении положений естественного права [9, с. 162]. Цель же современной политики права состоит в изгнании естественно-правовой метафизики. Радикальная форма современной политико-правовой доктрины представлена школой права и экономики (*Law and economics*), активно продвигаемой вслед за возрастающим влиянием американского права. Названная школа видит основание права в реализации экономической эффективности правовых регуляторов, принимая во внимание критерий полезности и оценивая их в контексте деятельности рационального экономического агента, стремящегося максимизировать уровень удовлетворения своих потребностей [14, с. 49]. При таком подходе конструкции частного права (собственность, договор, деликт и т.п.) рассматриваются как лучший выбор, как «эффективное решение, обеспечивающее наилучшее использование ресурсов общества» [6, с. 19].

В самом деле, мы видим, что ценность многих конструкций частного права во многом определяется их экономической эффективностью. Так, защитная и легитимационная функции владения направлены на придание стабильности гражданского оборота и экономии средств,

затрачиваемых заинтересованным лицом в тех случаях, когда необходимо подтвердить должное правовое основание ситуации правового обладания. Очевидно, что установление нормами вещного права правомерных презумпций представляется более целесообразным, чем введение весьма сложной системы формальных требований к доказыванию соответствующего правового основания. Среди различных средств легитимации права на движимые вещи в конечном итоге наиболее эффективным может быть признано владение [16, с. 90–91; 5, с. 105].

Тесная связь права и ожидаемого экономического эффекта закреплена также в соответствующих обязательственно-правовых конструкциях. Однако представление об обязательстве как эффективном экономическом средстве тем не менее не означает, что обязательственное право следует рассматривать как оболочку экономических отношений, а в обязательственно-правовых конструкциях видеть лишь эффективные средства, направленные исключительно на извлечение экономического дохода. Действительно, экономические институты отличаются от правовых институтов и на уровне функций, и на уровне структуры, и на уровне конструкции. Знание цены, которую необходимо уплатить для достижения результата, не следует отождествлять с осознанием ценности того правового средства, которое позволило получить ожидаемый результат.

Итак, очевидно, что поиск основания права в каком-либо проявленном утилитарном результате, безусловно, полезен, но не может быть признан универсальным — такой эффект, увы, может быть получен и в результате неправомерного поведения. Право, очевидно, не следует рассматривать в качестве основного или, более того, единственного детерминатива экономики (гипотеза *Lawmatters*). Связь между правом и экономикой имеет не причинно-следственный, а корреляционный характер. Не случайно правовой материал действующих правопорядков основывается на инвариантных конструкциях, чья история восходит по меньшей мере к античному миру. Будучи универсальными, такие конструкции обеспечивают социально-экономическую стабильность отношений независимо от типа организации общества. Действительно, если исходить из детерминизма сущего, из представления о праве как о «результате опыта», следует, что сущность права выражается исключительно в рефлексии актуальных правовых ситуаций. Перенос такого представления о праве в сферу юридической науки делает как будто бы неотразимым аргумент, что между современным гражданским правом и правом античного Рима нет ничего общего. Однако практика

демонстрирует противоположное: римско-правовые конструкции, удовлетворявшие потребности общества две тысячи лет назад, востребованы и в настоящее время [22, с. 80]. В этой связи можно согласиться с мнением континентальных юристов о том, что «порядок гражданский не может сводиться к порядку рыночному» [18, с. 87].

Анализ тезиса о том, что оппортунистическое (недобросовестное) поведение участников правового общения служит, по сути, основным стимулом в принятии экономически эффективных решений, приводит к необходимости обратиться к вопросу о соотношении моральных императивов и правовых предписаний. Действительно, идея о недопустимости совершения частноправовых актов, противоречащих закону или нравственности, запрет на применение обычаев, нарушающих нравственность, недопустимость включения в сделку условий, противоречащих нравственности — эти и многие другие институты гражданского права свидетельствуют о том, что право и мораль представляют собой коррелируемые системы. В этой связи тяжело согласиться с точкой зрения представителей экономики права, утверждающих, что среди двух известных способов перераспределения богатств — налогообложения (системы социальных трансфертов) и регулирования условий договоров — первый отвечает за справедливость, а второй — за эффективность [6, с. 49]. В самом деле, любой правопорядок, если только он не нацелен на саморазрушение, подвержен влиянию морали прежде всего через законодательство и судебную практику [17, с. 205].

Соотношение правового и нравственного в конкретных гражданско-правовых конструкциях определяется самим содержанием субъективного права. В правовой культуре власть как свобода лица в отношении объектов признается социальной ценностью. Ее оценка, с одной стороны, зависит от признания обществом и защищенности правопорядком и потому не может быть индифферентной, с другой — она зависит от лица, господствующего над объектом, что, следовательно, дает возможность возлагать ответственность на него, если нарушаются признанные границы правомерного поведения. Границы свободы основываются на императивах «морали долга» и «морали стремления» [15, с. 14–20]. «Мораль долга», будучи предельно нижней границей свободы лица, направлена на предотвращение конфликта внутри общества, поскольку право предписывает не желать чужого, воздавая каждому свое. Предельная верхняя граница свободы лица определяется свободой других лиц по распоряжению легитимно присвоенными ограниченными ресурсами («мораль стремления»). Таким

образом, в своем моральном измерении право исходит из известной контroversы: не допуская установления предписаний о том, как вести себя лицу с тем, чтобы достигнуть наилучшего результата, оно требует соблюдения вышеупомянутой «морали долга», возлагающей обязанность на всех и каждого воздерживаться от посягательств на легитимно присвоенный лицом ограниченный ресурс.

Следовательно, содержание основополагающих правовых явлений может быть определено посредством указания на границы, согласуемые с морально-нравственными императивами. Однако правовые явления не следует рассматривать исключительно в фокусе осуществления нравственных императивов хотя бы потому, что не все содержание права определяется нравственными началами. Другими словами, необходимо учитывать, что собственно морально-нравственные императивы, как составляющие правовой действительности, могут быть оценены исключительно в рамках соответствующих юридических конструкций. В самом деле, «содержание права, — по справедливом замечании Н.М. Коркунова, — не может быть сведено все к осуществлению нравственного идеала: оно, кроме того, должно дать и разграничение могущих сталкиваться между собой в своем практическом осуществлении различных противоречащих друг другу нравственных идеалов» [4, с. 97].

Заметим, что имеются и иные упреки, которые можно заявить в адрес «более политическому восприятию права». Такой подход, в частности, ведет к стиранию различий между двумя сферами правовой действительности, между публичным и частным правом, и, кроме того, приводит к минимизации значения юридической техники [15, с. 165]. Недостаток одностороннего увлечения политико-правовыми императивами наглядно демонстрирует опыт предыдущих этапов развития частного права. Так, сложившееся в период господства доктрины естественного права представление, например, о том, что акт как волеизъявление сам по себе порождает субъективное право, или о том, что по недействительному акту производится предоставление, а не возникает неосновательное обогащение, уже в новом пандектном учении подвергается критическому переосмыслению. Разработчики ГГУ пытаются отойти от каузализма актовой системы организации правового материала, характерной, в частности, для ФГК, и расположить правовой материал согласно сложившимся представлениям о системе прав, а точнее, следуя за Рудольфом фон Иерингом, — юридических конструкций. Немецкий ученый рассматривает юридическое конструирование как юридико-технический прием «высшей юриспру-

денции», противопоставляя его низшей — толкованию. Юридические конструкции, в частности: лица, право собственности, обязательства, ограниченные вещные права, а главное — отношения зависимости одних прав от других в соответствующих юридических рамках (например, зависимость залогового права от обязательства, процентов за промедление — от главного обязательства, вещного сервитута — от господствующего участка, отношение иска к праву), Рудольф фон Иеринг определяет как «обработку правового материала», как «пластическое искусство юриспруденции», посредством которого она вырабатывает «юридические тела». Причем последние, что важно, по мысли основоположника и классика мировой цивилистики, определяются не долженствованием, а своим строением, структурой [2, с. 357–368]. Разумеется, речь при этом ни в коем случае не идет о редукционизме; сами правовые явления ни в коем случае не могут рассматриваться в качестве неких «живых организмов, живущих своей особой «концептуальной» жизнью» [3, с. 37].

Отметим, что понятие «юридическая конструкция» является одной из наиболее распространенных и активно используемых в исследованиях правоведов. В свое время еще Рудольф фон Иеринг отмечал, что «выражение «юридическая конструкция» принадлежит к числу самых распространенных технических терминов» [2, с. 357]. При этом содержательный аспект рассматриваемой категории у различных авторов оценивается по-разному, зачастую в него вкладывают различный смысл. Исследователь юридических конструкций А.Ф. Черданцев отмечает, что «одни авторы отождествляют юридическую конструкцию с логической дедукцией, другие — с грамматической конструкцией, с определением понятий, третьи — с теоретическим положением, четвертые — со способом регулирования общественных отношений» [20, с. 238]. Приведенная выше палитра мнений относительно интерпретации понятия «юридическая конструкция» на первых порах подталкивает исследователя к принципиально важному вопросу, а именно: имеет ли оно самостоятельное, присущее юридическим понятиям содержание либо в целом его можно рассматривать лишь как технический термин, используемый для обозначения различных по своему характеру юридических явлений.

Исходя из предположения, что всякое юридическое понятие представляет в обобщенной форме явление правовой действительности, следует, что «юридическая конструкция», по определению С.С. Алексеева, представляет «особый способ построения нормативного мате-

риала, задающий модель, типовую регламентацию для определенных правовых явлений (состояний, групп отношений)» [7, с. 232]. В таком ракурсе юридическая конструкция связана посредством особой функциональной связи с первичным элементом права — нормой права, что позволило А.Ф. Черданцеву те «юридические конструкции, которые находят определенное закрепление и выражение в нормах права», называть нормативными юридическими конструкциями [20, с. 255]. В этом смысле юридические конструкции служат элементом юридической техники.

Реализация нормативной функции юридической конструкции в процессе нормотворчества придает нормам права «логическую стройность, последовательность их изложения» [20, с. 255]. Анализ того, как проявляет себя вовне нормативная функция исследуемого понятия, показывает, что его не следует отождествлять с нормой или группой норм права; в системе юридических явлений правовая конструкция выступает как самостоятельная правовая категория. Она в нормотворчестве непосредственно предшествует нормативному высказыванию.

Таким образом, признаем справедливым предположение, высказанное Н.Н. Тарасовым о том, что нормативность права в целом определяется в содержательном отношении «впечатанными» в него отработанными юридическими конструкциями» [12, с. 27]. Однако, с другой стороны, юридическая конструкция, воплотившись в норме (нормах) права, не утрачивает своих особых признаков (свойств). В этой связи возникает вопрос о свойствах юридической конструкции, о том, что же позволяет из всего правового материала выделить юридические конструкции и рассматривать их как стержневую, «несущую конструкцию позитивного права» [12, с. 35].

Собственно термин «конструкция» (лат. *constructio* — составление, построение) указывает на состав и взаимное расположение частей, образующих единое целое [13]. Наличие указанных эндогенных признаков свидетельствует о том, что с точки зрения своего внутреннего логико-правового содержания каждый из элементов права может служить при необходимости особой правовой конструкцией. Однако в таком случае едва ли присутствовала бы необходимость определять правовую конструкцию как правовое понятие (категорию), не множа сущее без необходимости. На наш взгляд, познание юридической конструкции возможно через призму внешних функций, которые она выполняет в праве. Такой подход представляется тем более верным, если учесть, что сущность явления чаще всего постигается посредством

анализа ее функций: ведь функция есть «существование, мыслимое нами в действии».

Исследование нормативной функции юридической конструкции показывает, что процесс построения новых нормативных образований обусловлен тем, что первичный правовой материал, лежащий в их основу, выступает в качестве модели. Именно свойство служить моделью для нового правового явления позволяет первичному правовому материалу признаваться правовой конструкцией.

Рассмотрение юридической конструкции как модели, необходимой для построения новых правовых явлений, позволяет обозначить наряду с нормативной функцией также важнейшую ее гносеологическую роль. В этом смысле юридическая конструкция может рассматриваться как «модель урегулированных правом общественных отношений или отдельных элементов, служащая методом познания права и общественных отношений, им урегулированных» [20, с. 243]. Здесь юридическая конструкция предстает как гносеологическая категория, используемая в качестве инструмента познания права в процессе его исследования.

Юридические конструкции, которые применяются правовой наукой в качестве метода познания права, получили определение теоретических правовых конструкций. Однако функции юридической конструкции не ограничиваются названными двумя (нормативной и гносеологической). Наряду с ними А.Ф. Черданцев, например, называет интерпретаторскую, обучающую и демонстрационную функции юридической конструкции [20; 21]. Разумеется, названные выше функции юридических конструкций следует признать производными от первых двух.

Итак, на теоретическом (доктринальном) уровне юридическая конструкция «предстает перед нами своего рода структурной идеей определенного вида правовых явлений» [19, с. 44]. Предложенное понимание юридических конструкций предопределено последовательным различением объекта юридической науки как внешней по отношению к исследователю реальности и ее теоретического описания «средствами науки как предмета» [11, с. 134]. Таким образом, теоретический уровень задает интеллектуальное разрешение определенного вопроса, «выраженного в оптимальной модели построения прав, обязанностей, соответствующих юридических фактов» [1, с. 197].

В свою очередь, на нормативном уровне юридические конструкции закрепляют «сложившуюся типовую схему, модель поведения» в нормах объективного права. На этом уровне юридическую конструкцию

не следует отождествлять с «фрагментами действительного позитивного права», выводимого из того же права. Юридическая конструкция в указанном значении позволяет норме права воплотиться в ткани позитивного права, объективироваться в правовом высказывании. В этом смысле юридические конструкции предстают как «органический элемент собственного содержания права» [1, с. 39]. Заметим, что признание нормативного уровня выражения юридических конструкций снимает проблему удвоения онтологии юридических феноменов и исключает необходимость дополнения феноменального измерения миром ноуменальных сущностей в форме актов воли субъектов юридического общения.

Наконец, юридическую конструкцию допустимо рассматривать в значении субстанции, значимой для конкретного участника правового общения. Характер субстанции юридическая конструкция приобретает, когда в ней обнаруживается некий «центр». Таким центром выступает юридический акт или факт. Так, с момента выражения воли субъектом правового общения гражданско-правовая юридическая конструкция, к примеру – договорное обязательство, субстантивируется, становится подлежащей толкованию «юридической сущностью», приобретшей автономное измерение.

В целом юридическая конструкция, на наш взгляд, представляет собой первичный правовой концепт, способный к объективации в нормах права и выступающий, при наличии основания, субстанциональным правовым началом. Следовательно, определенность в нормах права прерогатив и императивов достигается не спонтанно в силу веления законодателя, а опирается на концепт, обеспечивающий их объективацию и субстантивацию.

Последовательное развитие теории юридических конструкций элиминирует «натуралистическое» представление о праве, согласно которому, например, вещные и, соответственно, обязательственные права, характеризуются некими данными природой свойствами. Рассматриваемый метод, в частности, позволяет определить связь между явлениями юридического быта, избегая отнесения всех их к категории правоотношения, позволяет объяснить характер связей между прерогативами и императивами, возникающими в рамках единой юридической конструкции.

В зависимости от функций, которые выполняют права, объективируемые в той или иной конструкции, допустимо выделить вещно-правовые и обязательно-правовые конструкции, конструкции

исключительных и корпоративных прав. Предложенный подход, в частности, позволяет, на наш взгляд, разрешить проблему соотношения прав в рамках определенной конструкции и при этом избежать химеры «смешанного правоотношения».

Действительно, нельзя не отметить, что обязательственное право само по себе может быть элементом не только обязательственного правоотношения, но также служить назначению вещных или исключительных прав. В этом случае характер обязательственного права определяется по правилам, присущим соответствующей конструкции (вещно-правовой, исключительных прав). Таковы, в частности, конструкции ограниченных вещных прав, предусматривающие возложение на правообладателя определенных обязанностей. Речь идет, в частности, об обязанности суперфициария выплачивать собственнику земельного участка в виде ежемесячных платежей сумму, компенсирующую обременение чужого земельного участка правом застройки. Приведенный пример наглядно демонстрирует обусловленность обязательственного права, включенного в вещно-правовую конструкцию, самой этой конструкцией. В доктрине такие обязательства получили название «вещные» (лат. *«propter rem»*, фр. *«obligation réelle»*, англ. *«real obligation»*). Вещным именуется обязательство, связанное не с личностью должника, а с вещным правом; обязанность по такому обязательству корреспондируется вещному праву; эта обязанность может быть преодолена не только путем исполнения, но и посредством отказа от права (в случае отчуждения вещи) [8, с. 63–64]. Термин «вещное обязательство» встречается и в законодательных актах. Обязанным субъектом в этом случае признается правообладатель вещного права. Право требования и обязанность в таких конструкциях сопутствует вещному праву.

С другой стороны, некоторые обязательственно-правовые конструкции, наряду с обязательственными правами, необходимым образом предполагают установление определенных вещных правомочий. Так, конструкция договора имущественного найма предусматривает, что исполнение обязанности по передаче вещи, возложенной на наймодателя, влечет *ipso iure* приобретение нанимателем ряда вещных правомочий (защищаемой *erga omnes* владельческой ситуации, права преимущественного найма). Причем право, будучи связанным с вещью, служащей предметом предоставления по договору имущественного найма, следует не за наймодателем, а за самой этой вещью. Закон признает, что, если после передачи нанятой вещи нанимателю

наймодатель произвел ее отчуждение третьему лицу, права и обязанности наймодателя, вытекающие из имущественного найма, переходят к приобретателю. Возможные возражения, направленные на непризнание наличия вещных эффектов в конструкции имущественного найма, основываются на поиске мифической естественно-правовой природы вещных прав либо на фикции. В частности, разрешая вопрос о действии принципа “*KaufbrichtnichtMiete*” (нем. — «продажа не ведет к прекращению имущественного найма»), в силу которого у нанимателя возникает право следования, присущее вещным правам, С.А. Сеницын пишет: «В данном случае в силу закона происходит замена стороны обязательства (очевидно, автор имеет в виду перемену лиц на стороне. — *О.Х.*) — арендодателя, что не обеспечивается конструкцией права следования в вещном праве. Такой подход соответствует интересам как арендодателя, так и арендатора, поскольку арендатор сохраняет свои правомочия по использованию вещи на ранее установленных договорных условиях, а новый собственник, хотя и вынужден мириться с присутствием арендатора, не должен быть при этом *ограничен в возможности* осуществления прав арендодателя, *как если бы* (курсив мой. — *О.Х.*) соответствующее имущество было предоставлено арендатору непосредственно им» [10, с. 24].

Отличие обязательственно-правовых конструкций от вещно-правовых очевидно. Для первых характерно то, что удовлетворение требования по ним предшествует вещно-правовому эффекту. Так, вещный эффект договора найма возникает вследствие исполнения обязательства — передачи вещи. Напротив, в вещно-правовых конструкциях обязательственному праву, например требованию уплаты вознаграждения за суперфиций, предшествует установление собственно вещного права. Связь между соответствующими правами в рассматриваемых конструкциях имеет акцессорный характер [16, с. 244–245; 8, с. 64]. Акцессорным следует признать право, связанное с другим правом таким образом, что без него оно не может существовать.

Заметим, что акцессорную связь следует отличать от каузальной (причинно-следственной) связи. Представление о связи, характерной для явлений физического мира, под воздействием доктрины аристотелизма было перенесено на мир правовой действительности в виде учения о правовом основании (*iusta causa*) и правовом результате (эффекте). Предложенная парадигма отражена в максиме: «нет следствия без причины». На протяжении длительного времени такая связь мыслилась как единственно возможная для умопостигаемых

явлений. С точки зрения права анализ каузальной связи предполагает оценку правового основания. Если же правовое явление признается абстрактным (ничем не обусловленным), такая оценка не требуется. Так, нет необходимости исследовать вопрос о наличии долгового обязательства, если трассату предъявлен вексель, обязывающий его уплатить определенную денежную сумму предъявителю векселя. Долг трассанта предполагается и в силу принципа абстрактности не требует доказательства. В свою очередь, акцессорная связь отражает отношение между двумя правами, одно из которых основное, тогда как второе, зависимое от первого, — дополнительное. Акцессорная связь между правами возникает как в случае, когда права возникли в силу одного правового основания, так и тогда, когда у объединенных такой связью прав имеются два самостоятельных правовых основания. Наглядно соотношение понятий каузальности/абстрактности и акцессорной связи демонстрирует конструкция поземельного долга как обеспечительного средства, разработанная немецким правом. Поземельный долг обременяет земельный участок и, согласно принципу публичной достоверности, достигаемому посредством произведенной в поземельной книге записи, существует вне акцессорной связи с обеспеченным обязательством. Осуществление права лица, в пользу которого установлен поземельный долг, не предполагает доказательства, подтверждающего наличие долга. Таким образом, установление поземельного долга предусматривает установление абстрактного обязательства по уплате денежной суммы по требованию обладателя лица, в пользу которого установлен поземельный долг, а также вещное обременение недвижимого имущества из стоимости которого, в случае неисполнения обязательства, удовлетворяется требование управомоченного лица.

Заключение

Итак, мы видим, что характер действия субъективного права определяется не его естественно-правовыми характеристиками, а задается свойствами той или иной юридической конструкции, в которой оно объективируется. Обязательственные права, входящие в состав вещно-правовых конструкций, подчиняются особенностям, признаваемым правопорядком за последними. И напротив, вещные права, служащие юридически значимой цели установления обязательственно-правовой конструкции, подчиняются характеру такой конструкции.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Избранное. М.: Статут, 2003. 480 с.
2. *Иеринг Рудольф фон.* Юридическая техника // Избранные труды. В 2. т. Т. II. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 624 с.
3. *Карпетов А.Г.* Политика и догматика гражданского права: исторический очерк // Вестник ВАС РФ. 2010. № 4. С. 6–69.
4. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 520 с.
5. *Маттеи У., Суханов Е.А.* Основные положения права собственности. М.: Юристь, 1999. 384 с.
6. *Одинцова М.И.* Экономика права: Учеб.пособие. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007. 386 с.
7. Проблемы теории государства и права: Учебник / Под ред. С.С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1987. 448 с.
8. *Рыбалов О.А.* Некоторые вопросы вещных обязательств // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 62–70.
9. *Семилютин Н.Г.* Современные проблемы регулирования имущественных отношений: традиции и новеллы // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 158–175.
10. *Синицын С.А.* Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 8–44.
11. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2001. 264 с.
12. *Тарасов Н.Н.* Юридические конструкции в праве и научном исследовании (методологические проблемы) // Российский юридический журнал. 2000. № 3. С. 25–36.
13. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 2003. 917 с.
14. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 20–52.
15. *Фуллер Лон Л.* Мораль права. М.: Ирисэн, 2007. 306 с.
16. *Халабуденко О.А.* Имущественные права. Кн. 1. Вещное право. Кишинев, 2011. 305 с.
17. *Харт Г.Л.А.* Понятие права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 300 с.
18. Цивилистические правовые традиции под вопросом. По поводу Докладов Doing Business Всемирного Банка. Т. 1. М.: WoltersKluwer, 2007. 184 с.

19. *Чевычелов В.В.* Юридическая конструкция: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 180 с.

20. *Черданцев А.Ф.* Толкование права и договора. М.: Юнити, 2003. 381 с.

21. *Черданцев А.Ф.* Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12–19.

22. *Halabudenko O.A.* Legal Construction in the Focus of Inter-Temporal and Inter-Local Methods of Comparison: The Methodological Aspect // The Interaction of Legal Systems: Post-Soviet Approaches / Ed. By William E. Butler, Oleksy V. Kresin. London, 2015. P. 74–86.

References

1. *Alekseev S.S. Izbrannoe* [Selection]. Moscow: Statut, 2003. 480 p. (In Russ).

2. *Jhering Rudolf von. Yuridicheskaya tehnika // Izbrannyye trudy. V 2. t. T. II* [Legal Technology / Selected Works: in 2 vol.]. SPb.: Juridicheskij centr Press, 2006. (In Russ).

3. *Karapetov A.G. Politika i dogmatika grazhdanskogo prava: istoricheskij ocherk* [Politics and Dogmatism of Civil Law: a Historical Sketch] // *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* – The Herald of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2010. № 4. P. 6–69. (In Russ).

4. *Korkunov N.M. Leksii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2010. 520 p. (In Russ).

5. *Mattei U., Suhanov E.A. Osnovnyie polozheniya prava sobstvennosti* [Fundamental Principles of Property Law]. Moscow: Jurist, 1999. 384 p. (In Russ).

6. *Odintsova M.I. Ekonomika prava: ucheb. posobie* [Economy of Law: Textbook]. Moscow: Izd. Dom GU VShE, 2007. 386 p. (In Russ).

7. *Problemy teorii gosudarstva i prava: Uchebnik* [Problems of the Theory of State and Law: Textbook, in: S.S. Alekseev (ed.)]. Moscow: Juridicheskaja literatura, 1987. 448 p. (In Russ).

8. *Ryibalov O.A. Nekotoryie voprosy veschnyih obyazatelstv* [Some Issues of Real Rights Obligations] // *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* – The Herald of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013. № 12. P. 62–70. (In Russ).

9. *Semilyutina N.G. Sovremennyye problemy regulirovaniya imuschestvennyih otnosheniy: traditsii i novellyi* [Modern Problems of Property Relations

Regulation: Tradition and Novelty] // *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2015. № 1. P. 158–175. (In Russ).

10. *Sinitysin S.A. Absolyutnaya zaschita otnositelnykh prav: prichiny, posledstviya i sootnoshenie s prinyatoy klassifikatsiei sub'ektivnykh prav* [Absolute Protection of Relative Rights: Causes, Consequences and the Relationship with the Accepted Classification of Subjective Rights] // *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2015. № 1. P. 8–44. (In Russ).

11. *Tarasov N.N. Metodologicheskie problemy yuridicheskoy nauki* [Methodological Problems of Legal Science]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Gumanitarnogo universiteta, 2001. 264 p. (In Russ).

12. *Tarasov N.N. Yuridicheskie konstruksii v prave i nauchnom issledovanii (metodologicheskie problemy)* [Legal Constructions in the Law and Scientific Research (Methodological Issues)] // *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* – Russian Juridical Journal. 2000. № 3. P. 25–36. (In Russ).

13. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language, in: S.I. Ozhegov, N.Yu Shvedova (ed.)]. Moscow: Russkij yazyk, 2003. 917 p. (In Russ).

14. *Friedmen M. Metodologiya pozitivnoy ekonomicheskoy nauki* [Methodology of Positive Economics] // *THESIS*. 1994. T. 2. № 4. P. 20–52. (In Russ).

15. *Fuller Lon L. Moral prava* [The Morality of Law]. Moscow: Irisjen, 2007. 306 p. (In Russ).

16. *Halabudenko O.A. Imuschestvennyye prava. Kn. 1. Veschnoe pravo* [Property Rights. Book 1. Property Law]. Kishinev, 2011. 305 p. (In Russ).

17. *Hart H.L.A. Ponjatieprava* [The Concept of Law]. SPb.: Izd-vo SPBGU, 2007. 300 p. (In Russ).

18. *Tsivilisticheskie pravovyye traditsii pod voprosom. Po povodu Dokladov Doing Business Vsemirnogo Banka. T. 1* [On the World Bank's Doing Business Report. Vol. 1]. Moscow: Wolters Kluwer, 2007. 184 p. (In Russ).

19. *Chevyichelov V.V. Yuridicheskaya konstruksiya: Dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Construction: a PhD Thesis in Law]. Nizhniy Novgorod, 2005. 180 p. (In Russ).

20. *Cherdantsev A.F. Tolkovanie prava i dogovora* [Interpretation of the Law and Contract]. Moscow: Juniti, 2003. 381 p. (In Russ).

21. *Cherdantsev A.F. Yuridicheskie konstruksii, ih rol v nauke i praktike* [Legal Constructions, Their Role in the Science and Practice] // *Pravovedenie* – Jurisprudence. 1972. № 3. P. 12–19. (In Russ).

22. *Halabudenko O.A. Legal Construction in the Focus of Inter-Temporal and Inter-Local Methods of Comparison: The Methodological Aspect* //

The Interaction of Legal Systems: Post-Soviet Approaches / Ed. By William E. Butler, Oleksy V. Kresin. London, 2015. P. 74–86. (In Eng.).

RELEVANT ISSUES OF CIVIL LAW METHODOLOGY: VIEWPOINT THROUGH A LENS OF LEGAL CONSTRUCTIONS

O.A. Halabudenko

Free International University of Moldova (ULIM)

52, Vlaicu Parcalab st., Chisinau, Republic of Moldova, MD-2012

E-mail: gelox@inbox.ru

Introduction: *this paper examines certain relevant issues of civil law through the prism of methodological approaches. In the author's opinion, the legal phenomena expressed in the appropriate legal constructions are to be consistently distinguished from non-legal (factual) phenomena, which imply the use of specific methodological approaches to the explication of the first ones. The method of legal constructions is the relevant research method towards to the civil law matter. The Goal is to substantiate the author's vision of the importance and role of legal constructions in civil law; to demonstrate, by specific examples, the solutions to the problem of correlation between real rights and rights of obligation through both real-rights and rights-of-obligation constructions. Results:* the paper reveals the connection between law, morality (sphere of due) and the economy (sphere of existence) and proves that the appropriate moral imperatives, like arches, serve as bounds of private law with certain moral categories being assessed within those legal constructions for which such categories are the constituent elements. Based on the analysis of the scientific literature, the author defines the functions of legal constructions and states that legal constructions can be traced at three levels: theoretical, normative and substantial. The paper demonstrates the resolution of problem related with the correlation between real rights and rights of obligation within the relevant constructions in cases where real rights serve the function of rights-of-obligation constructions and, consequently, rights of obligation – the function of real- rights constructions. The paper defines the nature of the connection between real rights and rights of obligation within the relevant constructions. **Conclusions:** the theory of legal constructions overcomes naturalistic vision of legal phenomena, enables us to determine the nature of the relationship between the prerogatives and imperatives within the relevant legal constructions, and helps

explain the nature of the connection between subjective rights being the content of a unified legal construction.

Keywords: *policy of the law; legal construction; objective rights; real rights; rights of obligation; accessory relationship of rights.*

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово редакторов.....	3
<i>А.В. Барков</i> О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С УЧЕТОМ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА.....	6
<i>В.А. Болдырев</i> ПРОЦЕДУРА ВЫБОРА ПОЛОЖЕНИЙ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ВЫНОСИМЫХ НА ЗАЩИТУ.....	19
<i>Н.Л. Бондаренко</i> НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУК	30
<i>А.В. Волков</i> ПРИЕМЫ ЗЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ	44
<i>В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова</i> ЦЕЛЬ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	53
<i>И.А. Емелькина</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЕЩНОГО ПРАВА.....	78
<i>Е.Г. Комиссарова</i> ВЛИЯНИЕ МЕТОДОЛОГИИ НА ВЫБОР МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦИВИЛИСТИКЕ.....	89
<i>В.В. Кулаков</i> МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ (В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ УЧЕНИЯ М.Ю. ЧЕЛЫШЕВА)	109

<i>А.Н. Левушкин</i> МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА.....	116
<i>Ю.С. Решетов, М.В. Воронин</i> РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОГО ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ	127
<i>З.Ф. Сафин, З.А. Ахметьянова</i> К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ВЕЩНЫХ ПРАВ	144
<i>О.А. Серова</i> ПРОБЛЕМЫ НОВИЗНЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	155
<i>О.А. Халабуденко</i> АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ	172

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник научных статей

Ответственные редакторы

А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова

Подписано в печать 29.02.2016. Формат 60х84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Печать офсетная. Печ. л. 12. Усл. печ. л. 11,16.
Заказ №

Издательство «Статут»:

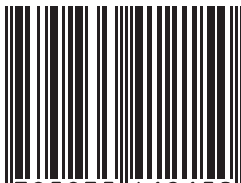
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2;

тел./факс: +7(495) 649-18-06

E-mail: book@estatut.ru

www.estatut.ru

ISBN 978-5-8354-1215-0

9 785835 412150